ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ271
К936

1602
ВВ271
К936
№57

ГАНС КУЛЬ

ГЕРМАНСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕН. АРХИВА Р.С.Ф.С.Р.
Отдел ____ №

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

327
К. 90

ГАНС КУЛЬ

ГЕРМАНСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

ЕГО РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ И ВЕДЕНИИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. БЕРЕНДС

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕН. АРХИВА Р. С. Ф. С. Р.
Отдел ____ №

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

П 19 Х6

ВВ271
К 936 Р

223662 У

Гиз. № 2582. В. В. Р. С. № 402. Тир. 3.000 экз.
Р. В. Ц. № 106. 27-я тип. М. Г. С. Н. Х. Москва.

Введение.

Покидая пост Начальника Генерального Штаба, граф Шлиффен, прощаясь 30/XII 1905 г. с нами, офицерами Генштаба, сказал, что у него остается гордое сознание того, что он половину своей жизни занимал тот пост, который сорок лет тому назад не имел никакого значения, а с 3 июня 1866 г. стал почетнейшим в мире. Со дня Кенигреца над Генеральным Штабом распространился отблеск славы его начальника фельдмаршала фон-Мольтке. Его уважали как в армии и стране, так и за-границей.

1-го октября 1919 года Германский Генеральный Штаб расформирован. „Новое миропонимание“ не знает больше войны, нам предстоит вечный мир. Мечта человечества осуществляется. Генеральный Штаб рассматривается как оплот милитаризма, ему ставятся в упрек его ошибки. Указания Генеральному Штабу, как следовало вести войну, делались во многих сочинениях, газетных статьях и речах. Конечно, мы ими больше воспользоваться не можем, но зато мы имеем возможность их разобрать. Это и будет здесь сделано, так как легко поставленные Генштабу упреки нельзя с легким же сердцем отбросить в сторону. Они будут подвергнуты основательному рассмотрению с указанием материалов, после чего каждый сможет составить свое собственное суждение. Настоящая книга написана не с единственной целью защиты Генерального Штаба, так как нельзя допустить, чтобы после всего того, что сделал этот Генеральный Штаб до и во время войны, его место могло быть на скамье подсудимых. Факты будут говорить сами за себя. Я предполагаю в заключение охарактеризовать деятельность Большого Генерального Штаба в мирное время, поскольку эта деятельность имела в виду подготовку к мировой войне и то, что было достигнуто офицерами Генштаба уже во время войны. Я пишу без каких либо особых намерений, без тенденциозности и не для какой нибудь партии. Я преследую исключительно цель—выявить только правду; ее Генеральному Штабу бо-

яться нечего, но легенды должны быть уничтожены. В ошибках надо сознаться. Некоторые думают, что к Генеральному Штабу не должно относиться изречение: „Никто не должен претендовать на непогрешимость". Но это не так. Генштаб не имел таких претензий, он был только проникнут тяжестью предстоящей войны и важностью задачи, которую мы должны были разрешить. Конечно, некоторые военные события являлись для нас неожиданностями, но это положение до сих пор имело место в каждой войне. Но я думаю, что и нам удалось поразить наших противников весьма существенными сюрпризами.

Непогрешимы мы не были, но прилежны были. Поруганный милитаризм был в сущности только упорной работой Генштаба. Нам не был известен 8 часовой рабочий день и было бы желательно, чтобы в новой Германии больше чувствовался такого рода милитаризм. Генеральный Штаб без шума выполнял громадную работу, а офицеры Г. Ш. в войсках вели тяжелую трудовую жизнь. В моих воспоминаниях я исхожу главным образом из личных переживаний и опыта. Всего, включая войну, я проработал в Г. Ш. 22 года: в мирное время—многие годы в качестве Начальника Отделения, а под конец в качестве обер-квартирмейстера Б. Г. Ш.; во время войны—2 года большей частью на Западном фронте начальником штаба одной из армий и $2^1/_2$ года начальником штаба группы войск Кронпринца Рупрехта. В течение многих лет граф Шлиффен оказывал мне честь привлечением меня к оперативным работам, военным играм, поездкам Г. Ш. и командировкам. Воздвигнуть в настоящем труде памятник достойный этого высокочтимого, выдающегося человека невозможно, но тем не менее я хочу вспомнить о нем и охарактеризовать здесь то участие, которое он принимал в подготовке к войне. При обрисовке работы Г. Ш. по подготовке к мировой войне я строго придерживаюсь того материала, которым я располагал, и который я разрабатывал на различных служебных должностях. В этом материале ничто не изменено и к нему ничего не прибавлено. Я не намерен описывать целиком всю деятельность Г. Ш. в мирное время; войсковой Генеральный Штаб здесь не рассматривается, а Большой Генеральный Штаб рассматривается постольку, поскольку он играл роль в подготовке к мировой войне. Во всяком случае в эту именно сторону была направлена почти вся его деятельность. Обработка сведений об иностранных армиях давала картину об их силах, устройстве, мобилизации и предупредительных мерах на случай войны. Данные об инженерной обороне государств обрабатывались в особых отделениях. На осно-

вании собственно военного положения и данных об иностранных армиях 2-е отделение Б. Г. Ш. разрабатывало оперативные соображения: в связи с железнодорожными отделениями оно составляло ежегодно план развертывания и проект предварительных операций на случай войны для наступающего мобилизационного года. По самому роду деятельности Б. Г. Ш. в мирное время не был особенно на виду. Об его работе широким кругам было известно только по императорским маневрам или по изданиям военно-исторического отделения, трактовавшим опыты войн и то, что могло быть полезным войскам. Тем не менее, то, что созревало в тиши этой работы Б. Г. Ш., имело громадное значение для войны. Нужно иметь в виду, что ошибки в развертывании почти невозможно исправить в дальнейшем течении войны; найти же с самого начала верный путь стоило громадных усилий. Приходилось принимать во внимание: начертание (географическую фигуру) нашей границы и соседних стран, политические отношения, оперативные соображения и всевозможный статистический материал. Когда принималось определенное решение, тогда нужно было приступать к предварительной разработке деталей развертывания и железнодорожных перевозок войск как при мобилизации, так и в период их сосредоточения к границам. Это была громадная работа, поглощавшая все рабочее время зимних месяцев у офицеров железнодорожного отделения; у них не было даже рождественских праздников. Благодаря этой работе развертывание войск в 1914 г. произошло без каких бы то ни было шероховатостей и также блестяще, как в 1870 г.

В остальном деятельность Б. Г. Ш. заключалась в выработке всевозможных военных положений, планов и ведения императорских маневров, в обработке военной истории и топографических работах.

Многие думали, когда видели офицеров Г. Ш. около 10 ч. утра, входящими в здание на Королевской площади и выходящими оттуда около 3—4 час. пополудни, что этим кончалась их служба. На самом же деле она начиналась только дома, куда прибывали толстые папки, развозимые после обеда по квартирам.

Вся работа велась исключительно офицерами Г. Ш.; советников и секретарей, которые были бы в курсе всех предположений и постановлений, у нас не было. Офицеры Генерального Штаба были всецело поглощены своей работой и ни для чего другого у них не оставалось времени. Отдыхом, наряду с кратковременными отпусками, являлись в летнее время только полевые поездки и маневры.

Эта книга имеет в виду читателей не только из среды офицерства, но и из широких кругов публики, так как, повидимому, профанов в военном деле вообще очень мало, если судить по критике, появляющейся отовсюду. Естественно, что там, где в дальнейшем речь будет итти о войне, Генеральный Штаб выдвигается на первый план, так как это вытекает из самой сущности поставленной себе мною задачи, но работа войск этим нисколько не умаляется. Армия до последнего года войны стояла на высоте. Командный состав от самого высшего до младшего офицера нес тягчайшее бремя войны. Войска сделали все возможное. Говорить об этом здесь не входит в рамки этой книги и потому по этому поводу только попутно будут даны кое какие штрихи.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ.

I. ОЦЕНКА ПРОТИВНИКОВ и СОЮЗНИКОВ.

Общий обзор.

„Генеральный штаб до войны оценивал наших противников неправильно“, так теперь часто утверждают и поэтому возлагают на него чрезвычайную ответственность как за возникновение, так и за ведение войны.

Раз навсегда надо запомнить, что в мирное время никогда не удается составить полное и точное представление о противнике и картину будущей войны. Неожиданностей никогда не избежать, если даже по совету Наполеона менять свою тактику каждые 10 лет и стремиться выполнить новейшие требования техники, военной организации и вооружения. Самое тщательное изучение операции и наилучшие военные упражнения все же недостаточны, так как при этом исключается действие неприятельских орудий и нельзя учесть моральных обстоятельств. Успехи техники оказывают все свое действие только в исключительных случаях. Это подтверждается историей всех войн.

В 1806 г. Наполеон никак не ожидал столь быстрого и полного разгрома прусской армии, каковой имел место в действительности. Он готовился к весьма серьезному сражению и принимал даже меры на случай возможного отступления.

В первом же сражении у Булль-Руна в Северной Америке 21 июля 1861 г. союзные войска просто разбежались. Легенда о достоинстве добровольческой народной армии, создавшейся во время французской революции, сразу же была уничтожена. 9 марта 1862 г. мир был поражен происшедшим

в первый раз боем между двумя броненосными судами „Мерримак“ Южной Америки и „Монитор“ Северной Америки.

До похода 1859 г. австрийская армия считалась превосходной. Прусские генералы высоко расценивали ее (фон-Фрейтаг. „Основные условия военного успеха“. Стр. III). В 1859 г. однако она спасовала перед французским наступлением.

Система атак, давшая победу французской пехоте в Северной Италии в 1859 г. при применении австрийцами ружей, заряжавшихся с дула, оказалась несостоятельной, когда она была применена австрийцами в 1866 году против пруссаков, вооруженных игольчатыми ружьями. Ошеломляющее действие последних сказалось еще раньше в известном бою при Лундби 3 июля 1864 г., но на это обстоятельство не было обращено должного внимания, а потому громадных преимуществ игольчатых ружей, которые появились в 1866 году, противник не подозревал.

Дальнобойные ружья Шасспо в 1870 г. являются уже для нашей пехоты большой неожиданностью, к которой нужно было быстро примениться. Наоборот, с самого начала Франко-Прусской войны выяснились преимущества немецкой артиллерии, заряжаемой с казны, над французской, заряжаемой с дула. Едва ли кто-нибудь в мире мог предвидеть быструю и решительную победу прусского и немецкого оружия в 1866 и 1870—71 г.г. Предсказания большей частью говорили иное, и последующее удивление было велико.

Большой неожиданностью для всех явился поворот в военном положении сторон во время Русско-Турецкой войны 1877 г., наступивший, благодаря храброй защите Плевны Османом-Пашой.

Еще больше сюрпризов принесла с собой Англо-Бурская война. Она еще у всех на памяти. Английская тактика оказалась несостоятельной против бурской милиции. Англии стоило больших усилий победить буров. В первый раз в это время был применен бездымный порох и мелко-калиберные магазинки в значительном количестве. Все державы занялись пересмотром тактики пехоты. Везде делались доклады, везде говорилось о трудностях наступления на равнине, о возможности или невозможности фронтальной атаки, ближней разведки и т. д.

Мало кто мог предугадать окончательное поражение русских в Русско-Японской войне. Скорее предполагали обратное. Даже самый трезвый критик и лучший знаток русской армии не мог бы предусмотреть той небоеспособности, которая обнаружилась русскими на полях Манчжурии. Это казалось не-

возможным, принимая во внимание хотя бы только славные традиции этой армии, хотя, конечно, нельзя не учесть того, что японцы, наоборот, проявили непредвиденную боеспособность (фон-Фрейтаг. Статьи в журнале „Командование войсками и военное дело“ 1919 г. стр. 406).

За 4 года до войны русский военный атташе в Японии полковник Ванновский говорил: „Пройдут, быть может, сотни лет прежде, чем японская армия усвоит себе те моральные основы, на которых зиждется организация всякой европейской армии и прежде, чем она сможет быть поставленной на равную ступень хотя бы с одной из наиболее слабых европейских армий (фон-Фрейтаг: „Основные условия военного успеха“ стр. III).

В этой войне выявилось много новых явлений: неожиданное нападение на русский флот в Порт-Артуре японских миноносцев в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г., преобладающие бои за укрепленные позиции, длительность сражений, значение пулеметов, техники вообще и т. д.

При этом было выражено мнение, что только такой народ, как японцы, обладающие здоровыми нервами, был способен вынести тяжести окопной войны, длившейся целыми месяцами.

О неожиданностях, выдвинутых мировой войной, говорить не приходится. Достаточно напомнить об условиях позиционной войны, об обесценении крепостей, о чрезвычайных успехах военной техники, о развитии воздушной войны, об употреблении газов, минометов, ручных гранат, легких пулеметов, танков и поразительную дальнобойность орудий.

Вышесказанное иллюстрирует, как трудно предугадать условия и обстоятельства, в которых будет вестись любая будущая война. Заблуждения всегда возможны. Поучительны ошибки французского Генерального Штаба в оценке немецких военных сил перед мировой войной. Де-Томассон утверждает, что в оценке вооруженных сил Германии он ошибся на 50%, считая 22 арм. корпуса вместо 34-х. Во Франции было известно, что немецкие резервные корпуса были равноценны активным корпусам и что они с самого начала войны входили в состав действующей армии. Поэтому предполагалось, что немцы будут наступать правым крылом южнее Мааса. В противном случае был бы принят другой операционный план. Сведения об организации резервных корпусов Германский Генеральный Штаб держал действительно в строгой тайне.

Тем не менее наблюдение за иностранными армиями в мирное время является очень важным. Оно дает необходимые

сведения для стратегических расчетов по подготовке к войне. Обработка этих сведений делалась в Б. Г. Ш. в строгой тайне. Таким образом, Б. Г. Ш. является ответственным за оценку противника лишь в той мере, в какой это вообще возможно сделать.

О деятельности Б. Г. Ш. в этом направлении речь будет впереди. Материалом ему для изучения иностранных армий служили: пресса, официальные печатные издания, парламентские прения и вообще весь парламентский материал, сметные предположения, доклады комиссий и совещаний, военная литература и донесения военных агентов. Последние могли передавать только личные впечатления, так как тайными источниками они не могли пользоваться и не имели для этого в своем распоряжении средств. Центральным местом, где весь этот материал собирался, рассматривался и оценивался, был Большой Генеральный Штаб. С военными представителями заграницей мы поддерживали тесную связь, осведомляя их постоянно о наших соображениях, и обменивались имеющимися сведениями. Если обер-лейтенант фон-Еггелинг („Русская мобилизация и начало войны". Ольденбург. 1919 г. Сталлинг, стр. 7) утверждает обратное, то это было, повидимому, исключение.

1. ФРАНЦИЯ.

Усиление средств обороны, вооруженные силы мирного и военного времени.

Последние данные по обработке Б. Г. Ш. сведений о французской армии относятся к февралю 1914 г. Из этих данных я беру следующее. Политическая напряженность последних лет перед войной заставила французов обратить особое внимание на увеличение численности своей армии, дабы не уступать по силе немецкой армии. Уменьшение рождаемости, начиная с 1871 года, давало себя чувствовать все больше и больше. Об увеличении ежегодного рекрутского набора нечего было и думать, так как и без того к военной службе привлекались все годные граждане. Поддерживать численность армии на известной высоте приходилось за счет понижения физических качеств военнообязанных. Это положение обнаружилось особенно рельефно в 1905 г. после сокращения срока действительной службы в армии с трех до двух лет. В этом случае был взят пример с Германии, которая, при двухлетнем сроке

действительной службы, могла ежегодно увеличивать контингент новобранцев и, благодаря этому, не только поддерживать, но даже повышать численность армии в мирное время. Всеобщая воинская повинность была проведена у нас не в полной мере. В этом заключалось коренное различие в условиях обеих стран, которые Франция в 1905 году упустила из вида.

Во Франции, где силы для обороны страны были использованы в полной мере, численность армии мирного времени должна была постепенно падать. Пришлось приблизительно в 60 пех. полках упразднить четвертые батальоны и мириться с меньшей против штатов численностью войсковых частей. Благодаря этому страдало обучение войск и особенно в период зимних занятий. Численность пограничных войск оказалась недостаточной. Формирование необходимых технических войск также тормозилось. Неудовлетворительным оказался двухлетний срок службы для кавалерии и конной артиллерии. Одновременно необходимо было ввести серьезные улучшения в отношении вооружения тяжелой артиллерии, снаряжения технических войск, оборудования полигонов, тиров и учебных плацов.

Воздухоплавание, к которому французы относились с особым интересом и на которое тратили большие средства, значительно продвинулось вперед. Все эти обстоятельства заставили французов принять решительные меры, которые начал проводить в жизнь энергичный военный министр Мессими и его заместитель военный министр Этьенн.

Проще всего было устранить недостатки в снаряжении и вооружении войск. Для этого нужны были достаточные ассигнования денежных средств, дать которые Франция имела полную возможность. В 1912 и 1913 г.г. военный бюджет сильно возрос. Вместе с тем предполагалось утвердить чрезвычайный военный кредит, исчисленный в январе 1914 г. в 754,5 миллионов франков и расчитанный для использования в течение 7 лет.

Численность армии мирного времени, составлявшая главный вопрос, была восстановлена возвращением к трехлетней действительной службе. Провести эту меру удалось только после крупных дебатов. От своего первоначального намерения дать этому закону обратную силу в отношении находившихся под знаменем годов, правительство должно было отказаться. Принято было предложение считать призывным возрастом не 21 год, а 20 лет и осенью 1913 года призвать два возраста одновременно, т. е. 20 и 21-летних.

Таким образом, было положено начало новому периоду в развитии вооруженных сил Франции. Имевшиеся до того времени минусы, как-то: недостаточное количество войск мирного времени и вытекающая отсюда малая штатная численность, трудность организовать новые части, были сразу же устранены.

Благодаря одновременному призыву сразу двух возрастов французская армия получила к осени 1913 года 445.000 новобранцев вместо 250.000 предшествующих годов. Таким образом, силы Франции мирного времени значительно возросли. До сих пор Франция имела армию в среднем около 450.000 чел. (не считая колониальных и туземных войск), в 1914 г. армия достигла, включая и колониальные войска, по крайней мере, 690.000 строевых и 45.000 нестроевых. По нашим соображениям в последующие годы она могла возрости до 780.000 строевых и 46.000 нестроевых. Можно было предполагать, что на этом уровне она останется и впредь, хотя число мужских рождений, относящихся к последующим годам, постепенно шло на убыль. Небольшое уменьшение численности могло быть устранено тем, что вследствие уменьшения смертности, особенно в молодых годах, процент достигающих призывного возраста из года в год повышался бы, благодаря чему увеличивалось бы общее количество годных к военной службе мужчин. Такие благоприятные перспективы набора могли бы явиться, главным образом, как вследствие улучшения питания и ухода за ребенком, а также общего улучшения условий жизни граждан, так и вследствие влияния спорта и допризывной подготовки юношества.

К исчисленным силам французской армии надо прибавить иностранный легион и туземные войска, находившиеся в Северной Африке.

В виду того, что Генеральному Штабу часто делались упреки за то, что он недооценил значение туземных войск и того усиления, которое они могли дать силам обороны Франции в случае войны, на этом следует остановиться подробнее. Туземные войска пополнялись вербовкой. Исключение составлял только один Тунис, где уже довольно продолжительное время существовала воинская повинность. В 1912 году в Алжире и Западной Африке была введена в сокращенном виде воинская повинность с целью увеличить общее количество туземных войск. Увеличение распространилось на арабские войска Алжира и Туниса (тюркосы и спаи), а затем на сенегалезцев, которые все в возраставшем количестве отправлялись из Западной

Африки в Марокко, а также в виде опыта в Алжир. За последнее время стали формировать воинские части из марокканцев.

Общая численность, находившихся в Африке иностранных легионеров и туземных войск к концу 1912 года достигла 42 тысяч человек, а в 1914 году она исчислялась генеральным штабом в 85 тысяч человек и состояла из следующих подразделений:

иностранных легионеров	9.000	человек
арабских частей	44.000	„
марокканцев	18 000	„
сенегалезцев	14.000	„

Таким образом, численность французских вооруженных сил по нашим предположениям на 1914 год равнялась по крайней мере 820 тысячам человек и даже 850 тысячам человек. В 1916 году она могла достичь 863.000 человек. Эти вычисления оказались правильными. В имеющемся теперь докладе сенатора Думмера, представленном им военной комиссии французского сената, общая численность французской армии перед войной определяется в 883.500 человек.

Вооруженные силы Германии, не считая офицеров, увеличились за время с 1890 по 1912 год в круглых цифрах с 487.000 до 620.000 человек. Они состояли или должны были состоять:

	1913—14 г.г.	1914—15 г.г.	1915—16 г.г.
строевых	717.617	778.755	784.326
нестроевых	7.542	7.705	7.806
Всего	725.159	786.460	792.132

Летом 1914 года численность немецкой армии, включая офицеров, равнялась 761.000 человек.

Арабские войска Алжира и Туниса были во Франции на хорошем счету. Они всегда оправдывали доверие и хорошо сражались даже против единоплеменников и единоверцев Марокко. Война 1870—71 г.г. доказала, что арабские войска можно с успехом использовать в Европе.

О сенегалезцах мнения расходились; хвалили их хорошие военные качества и особенно выносливость, но дисциплина их во время боя и искусство в стрельбе оставляли желать большего. Они зарекомендовали себя в Марокканском походе; северо-африканский климат они переносили в большинстве местностей хорошо.

Чтобы составить определенное мнение о марокканцах, в то время не было еще достаточно данных, но в Генеральном Штабе не сомневались, что и в Марокко могут быть набраны вполне пригодные к военной службе солдаты, равноценные арабским войскам Алжира и Туниса. Г. Ш. в 1914 г. выразил мнение, что удачный опыт Франции с туземными войсками заставляет с уверенностью ожидать увеличения их числа. Речь пока идет о вооруженных силах мирного времени, силы военного времени будут рассмотрены особо.

Большая численность французской армии мирного времени позволяла ввести во все войсковые части очень большие штаты. В 1914 году штат (усиленный) французского пехотного полка превышал таковой же немецкого полка, по крайней мере, на 250 человек, а уменьшенный штат был несколько слабее немецкого. Одновременно с увеличением количества людей был значительно увеличен и штат лошадей. Количество лошадей во французской армии должно было быть доведено до 200.000, которое превышало общее количество лошадей германской армии на 40.000. Это значительно улучшало положение кавалерии и артиллерии французской армии.

Благодаря этим мерам во Франции явилась возможность осуществить новые формирования. На немецкой границе из одной дивизии VII армейского корпуса и сверхкомплекта других корпусов был создан новый XXI арм. корпус. Было приступлено к увеличению тяжелой артиллерии, инженерных и обозных войск. Предполагалось также увеличить количество туземных войск в Северной Африке. Обучение войск, благодаря увеличению срока службы и большим штатам, могло производиться основательнее. Расширились маневры и были отпущены кредиты на приобретение особых учебных плацов. Правительство внесло в палату законопроект, по которому все юноши в возрасте от 16 до 20 лет должны были бы подвергаться обязательному допризывному военному обучению. Высший надзор и управление этого дела сосредоточивались в руках военного министра.

В 1914 г. наш Г. Ш. дал следующее заключение:

„Если рассмотреть основные изменения и предполагаемые реформы, то надо признать, что Франция делает значительное напряжение, заставляя страну принести большие жертвы, чтобы создать сильную армию". Эти жертвы были действительно велики. Расходы на армию в 1913 г. до введения 3-хлетнего срока службы превысили уже среднюю цифру расходов за период 1907—1911 г.г. на 100 миллионов франков. Они все

продолжали возрастать, так как этого требовали новые реформы и увеличение вооруженных сил мирного времени. Увеличение расходов, благодаря введению 3-хлетнего срока службы, было исчислено в 280 миллионов франков на ежегодные постоянные расходы и в 655 миллионов франков на единовременные расходы. Для проведения других реформ (увеличение вооружения, изготовление тяжелых орудий и т. д.) требовался еще единовременный расход в 755 миллионов франков из особого кредита на расходы по вооружению. Кроме того, необходимо было ввести в обыкновенный бюджет следующих лет до 1919 г. еще 416,5 миллионов франков.

В общем, на вооружение должно было быть истрачено 1.171 миллион франков. Бремя, легшее благодаря этому на страну, можно себе ясно представить, если принять во внимание, что французские силы мирного времени, включая и морские, составлявшие до сих пор 1,5% возросли до 2,10% населения; военные расходы, равнявшиеся в последние годы в среднем 17,6 марок, в 1913 году возросли до 26 марок, а в 1914 году даже до 33 марок на каждого жителя.

В Германии вооруженные силы мирного времени, включая и морские, составляли до 1913 года 1,1%, а в 1913 году должны были составить 1,2% населения. Расходы на армию в последние годы до войны достигали у нас в среднем 12,2 марок, а в 1914 г. около 20 марок на каждого жителя. Существеннее, чем увеличение военных расходов, которые богатая Франция могла нести без особого ущерба, затрогивало хозяйственную жизнь страны удлинение срока действительной службы. Вооруженные силы мирного времени, возросшие более, чем на 200.000 чел., должны были в этом отношении стать очень ощутительными.

Трехлетнее пребывание всех без исключения граждан на действительной службе повредило бы образованию молодых людей и их занятиям по подготовке к будущим профессиям. Такой перерыв в образовании затруднял для Франции соперничество на хозяйственном и духовном поприщах с другими народами.

Предыдущее изложение основано на данных, полученных Генеральным Штабом до войны, поэтому, выражение „милитаризм“, поскольку оно вообще может быть употреблено, можно и с большим правом отнести к Франции, чем к Германии. Введение 3-хлетнего срока службы мы рассматриваем как меру, которую, как постоянную, провести будет нельзя. Казалось, что она имела в виду предполагавшийся союз с Россией и Англией для сведения счетов с Германией. Так мы тогда все думали.

Добытые бельгийские документы подтверждают это. Бельгийский посланник в Париже барон Гильом 3-го марта 1913 г. доносил: „я замечаю, как с каждым днем общественное мнение во Франции становится более злобным и шовинистичным. Все, с кем встречаешься, утверждают, что близкая война с Германией неизбежна".

Парижское сообщение от 5 мая 1913 г. говорит о вспышке национализма во Франции: „уже год, как неоднократно указывалось на пробуждение известного шовинизма во Франции, что может повлечь за собой большую опасность. Некоторые газеты в этом отношении оказывают вредное влияние, во многих театрах ставятся тенденциозные пьесы, обостряющие и без того напряженное положение. Ни одно обозрение, ни одно представление в кафе не лишено именно такого оттенка, а самые шовинистические из них вызывают наибольшее одобрение".

2-го июня 1913 г. в связи с введением 3-хлетнего срока действительной службы сообщается: „можно утверждать, что во французские законы войдут такие мероприятия, которых страна долго не выдержит. Бремя нового закона будет настолько тяжело, задачи, которые он ставит перед собой, будут настолько велики, что страна скоро запротестует и перед Францией станет вопрос или отказаться от того, что она не в состоянии будет выдержать, или в ближайшее время начать войну". 8-го мая 1914 года Гильом сообщает: „за последние месяцы французская нация стала несомненно шовинистичнее и с большим самомнением. Наиболее опасным моментом в современном положении является возвращение Франции к 3-хлетнему сроку службы. Военная партия легко его провела, но страна этого не выдержит. В течение двух лет она либо откажется от него, либо ей придется вести войну".

Вооруженные силы Франции для войны, на основании собранных сведений, могли быть рассчитаны довольно точно.

Сопоставление данных Г. Ш. 1911 г. показывало, что вооруженные силы Франции сравнялись с таковыми в Германии. В 1909 г. численность обеих армий в круглых цифрах равнялась 3.200.000 чел., находящихся на действительной службе и в запасе, но без германского ландштурма и без резерва территориальной армии Франции. Это было весьма показательно, если принять во внимание, что число мужских рождений во Франции и количество призывных ежегодного контингента продолжительное время были ниже, чем в Германии.

Увеличение вооруженных сил Франции объяснялось тем, что число новобранцев, поступавших в армию, превышало

количество выбывающих из территориальной армии, которые выходили в отставку на основании прежних законов о военной службе. Указанная категория военнообязанных должна была дать в 1912 г. вероятно еще некоторый прирост вооруженных сил, но в 1913 г. таковой должен был приостановиться. Тогда должен был быть достигнут максимум вооруженных сил, которые приблизительно на этом уровне могли держаться еще несколько лет. На некоторое уменьшение можно было рассчитывать только, начиная с 1922 года.

Большее напряжение казалось невозможным, так как все мало-мальски пригодные носить оружие граждане принимались на военную службу. В 1908 году во Франции были приняты на военную службу из общего числа призванных в этом году—83,37%, а в Германии—53,70%. Существенную помощь Франции могла бы принести широкая вербовка или набор туземцев и обязательная служба в резерве. На эту возможность Г. III. особенно настойчиво указывал.

То обстоятельство, что в Германии, несмотря на большие контингенты новобранцев, вооруженные силы не превышали французских, вытекало из более длительного общего срока службы во Франции. Увольнение из территориальной армии, соответствующей германскому ландверу II разряда, производилось 1 октября, то-есть ровно через 19 лет после поступления на службу. В Германии этот срок не совсем выполнялся; причин этого явления касаться здесь мы не можем.

Если сопоставить численность вооруженных сил, которые могла дать мобилизация в 1909 г., то получится следующая картина:

	Германия	Франция.
Полевые, резерв. и запас. войска . . .	2.232.605	2.341.187
Ландверные войска, вкл. запасн. форм.	490.146	782.758
Всего. . .	2.722.751	3.123.945

Бросалось в глаза то, что Франция выставляла больше бойцов, чем Германия, тогда как она насчитывала жителей на 25 миллионов меньше. Франция выставляла в 1909 г. 8,2% населения, Германия же 5,5%. Таково было напряжение Франции.

Сверх указанных категорий войск, Германия располагала 775.000 обученными людьми. Франция только 87.000. В Германии численность могла быть еще увеличена гражданами, получившими предварительную отсрочку. Кроме того, Германия

располагала 830.000 способными носить оружие, но необученными запасными, которым Франции нечего было противопоставить.

По нашим расчетам Франция использовала для образования действующей армии весь людской материал, которым она могла только располагать. Мы объясняли это тем, что Франция захочет выступить с самого начала во всеоружии. Французская пресса в то время указывала именно на то, что исход войны будет зависеть от первой же большой битвы. О четырехлетней войне ни мы, ни французы не думали.

То, чему здесь подведены итоги, является результатом долгих и кропотливых расчетов, делавшихся в то время в Г. Ш. Выводы были настолько поразительны, что военное министерство сомневалось в правильности цифр, касающихся Франции. Думали, что они слишком высоки. В 1911 году по этому поводу велась довольно длинная полемика. Б. Г. Ш. остался все же при своем мнении. В последующие годы Франция продолжала итти по избранному пути. Параллельно с удлинением срока действительной службы с 2 до 3 лет, обязательная служба в территориальной армии (соответствующей ландверу II разряда) и в резерве территориальной армии (соответствующей ландштурму), по закону 7 апреля 1913 г. была увеличина на год в обоих случаях. Благодаря этому, французская постоянная армия увеличилась на 3 возраста: младший—вследствие призыва 20-летних, вместо достигших 21 года и два упомянутых класса территориальной армии и ее резерва.

Усиление армии старшими возрастами имело только условное значение, младший же возраст мог существенно усилить наличность людского материала на случай войны. Численность одного призывного возраста можно было принять круглым числом в 250.000 чел., но при этом надо было принимать во внимание процент убыли двух старших возрастов со времени их призыва до настоящего времени. Общая численность армии, которая могла быть выставлена для войны в 1914 г., принималась в 4.364.000 человек. Сенатор Думер в упомянутом докладе исчисляет эту цифру, включая офицеров, в 4.900.000.

Со временем, однако, должно было наступить изменение в соотношении сил между Францией и Германией, после того, как последняя в 1913 г. приступила к увеличению своей постоянной армии. Результаты этой меры могли сказаться постепенно только после перехода значительного количества призывных возрастов в запас, после чего численность немецкой армии могла превысить численность французской армии. И в этом

случае Г. Ш. в 1914 г. указывал на то, что для уравнения сил с Германией у Франции все-таки оставалась возможность усиливать свои туземные части.

Что касается мобилизации, то в 1914 году Г. Ш. считал, что во Франции она может пройти скорее, чем раньше, благодаря увеличению штатов мирного времени. Сравнительно с прежним временем мобилизация во Франции упростилась, т. к. для того, чтобы достичь численности военного времени в пехоте и артиллерии, достаточно было использовать вместо трех, два запасных возраста—24 и 25 летн. Особенное же значение приобретала упрощенная и ускоренная мобилизация для кавалерии и пограничных войск. Кавалерийские дивизии уже в мирное время имели численность военного времени, приблизительно в том же положении находились и пограничные части. В пограничных областях Франции восточнее линии Верден—Безансон находилось около 128.000 войск, а в Германии западнее линии Саарбрюкен—Страсбург—Базель было 92.000, то-есть на 36.000 меньше. Так как для доведения численности полевых войск до штатов военного времени требовалось теперь на один возраст меньше, то таковой помимо оставшихся по-прежнему II возрастов, мог быть использован для организации запасных войск. Было высчитано, что для Франции являлась возможность увеличить число резервных дивизий с 16 до 20 и как прежде усилить каждый армейский корпус одной резервной бригадой. Можно было также ожидать увеличения числа территориальных дивизий.

При сопоставлении вооруженных сил обеих сторон Г. Ш. в феврале 1914 года исходил из того расчета, что Франция выставит против Германии все силы, которыми она располагает. Предполагалось, что против Италии она оставит минимум войск.

Трудно было однако решить вопрос, какое количество войск будет взято в случае войны из Африки. Расчитывали на максимум. Имелись в виду, во-первых, кадры (зуавы, африканские стрелки и колониальные войска), затем арабские части Алжира и Туниса (тюркосы и спаи), потом марокканские части и, наконец, сенегалезы. Намерение Франции увеличить армию африканскими войсками уже давно учитывалось Г. Ш. На это обстоятельство между прочим указывала статья, помещенная в 1910 году в издаваемом В. Г. Ш. военном журнале „Фиртельярсхефтен“—„Африканские войска в качестве усиления французских сил обороны“. Депутат Мессими предлагал уже в 1910 году увеличить посредством набора число арабских пол-

ков в Алжире, не считая имевшихся там 20.000 спаев и тюркосов, которые в случае войны могли бы быть перевезены в Европу. Алжир с 5.000.000 населения дал бы возможность постепенно использовать 50—100 тысяч туземцев. В 1909 году обер-лейтенантом Манженом, знатоком колониальной службы и участником фашодской экспедиции Маршана, был предложен новый широкий план. Он предлагал привлечь в первую очередь к исполнению воинской повинности негров Западной Африки. Он считал особенно верными и выносливыми солдатами сенегалезцев, указывая на то, что отдельные батальоны этих чернокожих отличились в боях в Марокко. До того времени Франция имела во всех западно-африканских владениях всего около 16.000 негров, состоящих на военной службе. Из 10—12 миллионов населения Западной Африки без труда можно было бы организовать в течение нескольких лет черную армию в 70—100 тысяч человек. Кроме того, почти такую же армию дали бы арабские части и таким образом в течение нескольких лет могла быть образована Африканская армия в 200 тысяч человек.

Означенные проекты о привлечении туземцев Северной и Западной Африки к военной службе были приняты Французским правительством с ограничениями, как основание для соответствующих законов и опытов.

В цитированной статье Б.Г.Ш. в 1910 году говорил: „Основная мысль плана Манжена—создать людской резервуар в Северной и Западной Африке, чтобы в случае надобности возместить падающую численность войск метрополии, вероятно будет осуществлена“.

Сначала к разрешению этого вопроса французы подходили с осторожностью. В 1912 году наряду с вербовкой был введен набор для арабов в Алжире и для сенегалезцев в Западной Африке. Наряду с действительной службой была введена и служба в запасе. Использование марокканцев в качестве регулярных солдат во французской армии было испробовано уже за несколько лет до мировой войны во время серьезных боев в Марокко. В 1913 году в Марокко находилось около 7.000 марокканских вспомогательных и около 3.000 обозных войск. В 1914 году численность марокканцев мы принимали в 18.000 человек. Расчитывали, что их численность будет сильно увеличена. Называли даже фантастические цифры. Одно было ясно, что создавалась „черная армия“. Все подготовлялось к тому, чтобы развернуть ее в широком мастшабе. Мы, конечно, с этим считались, хотя в то время определенных

цифр дать не могли. Никого поэтому не может удивить, что после такой подготовки и, принимая во внимание непредвиденную затяжку войны, черная армия могла достигнуть тех размеров, до которых она фактически возросла. Данные о фактическом привлечении туземцев в мировую войну имеются в „Таймсе“ (сентябрь 1919 г.) Там утверждается, что в начале, кроме смешанного XIX армейского корпуса из французов и туземцев, находившегося в Северной Африке, привозить в большом количестве туземцев из Марокко и других колоний не предполагалось, так как в то время к формированию туземных войск только приступали. В начале войны была сформирована и перевезена во Францию лишь одна дивизия из марокканцев, так как Марокко считалось в безопасности. Эта дивизия успела принять участие в битве на Марне под командой ген. Фоша. Продолжительность войны и непредвиденная трата резервов заставили французское правительство в дальнейшем предъявлять колониям все большие требования и перевозить оттуда все больше воинских частей, хотя колонии к этому совершенно не были подготовлены. Вопрос о пополнении армии особенно обострился во Франции весной 1917 года. Кадры пустовали, приходилось прибегать к преждевременным наборам; дивизии были сокращены до трех-полкового, а батальоны до трех-ротного состава. Явилась необходимость обратиться к туземцам и вливать их в дивизии целыми полками и батальонами.

В 1914 г. Франция занимала площадь в 537.000 кв. к/м. с населением в 39.000.000. Колонии же ее и области под французским протекторатом имели 4.600.000 кв. к/м. с населением в 52 миллиона. Это сопоставление дает ясное представление о том, что колонии для Франции являлись неисчерпаемым источником пополнений из туземцев. Кроме Алжира и Туниса дать войска могли главным образом Восточная, Западная и Экваториальная Африка, Марокко и Индо-Китай.

В общем, во время мировой войны дали:

Западная и Экваториальная Африка	181.512	чел.
Индо-Китай	48.922	„
Мадагаскар	41.355	„
Сомали и Тихоокеанское побережье	3.501	„
Алжир	177.800	„
Тунис	54.000	„
Марокко	37.800	„
Итого	544.890	чел.

К этому надо прибавить еще 221.608 чел. рабочих частей. Таким образом, колонии дали Франции всего 766.558

чел. По данным „Таймса“ туземцы оказались отличными солдатами и очень ценились французским высшим командованием. Особенно хороши они были для наступления. За все время мировой войны колониальные войска Франции потеряли 115.000 туземцев, т. е. то количество, которое, по данным Таймса, соответствует общим потерям Соединенных Штатов и Бельгии.

По другим, имеющимся в нашем распоряжении данным, надежды, возлагавшиеся на Черную Армию, оправдались не вполне. Лучшие части давали арабы Сев. Африки, алжирцы, тунисцы и марокканцы. Они хорошо переносили европейский климат и могли оставаться на фронте зимой. Главную массу цветных войск составляли сенегалезцы, так назывались все негры колоний Зап. и Центр. Африки. На время от октября до апреля их нужно было увозить в Южную Францию и Сев. Африку. Во всяком случае при затяжной войне крупные пополнения черными войсками имели для Франции большое значение. Их, конечно, не щадили; французских же пополнений для такой войны не хватило бы.

Как уже было упомянуто выше, мы считали, что Франция при мобилизации для формирования новых частей использует почти всех запасных. Наш операционный план принимал это во внимание.

В начале 1918 г. французский военный министр располагал 32 возрастами. Призванные возрасты задерживались под знаменами до окончания срока нахождения их в запасе; молодые возрасты призывались преждевременно. В отдельных возрастах достигали максимума использования сил для обороны страны переосвидетельствованием тех, которые раньше признавались негодными, и строгим привлечением на фронт всех способных носить оружие. Извлечение последних из тыловых войск и с заводов достигалось широким привлечением в вспомогательные части непригодных к службе в передовых линиях и приемом на службу раненых, окончивших сроки службы и женщин. Требования по отношению к физической годности были понижены законом 1916 г. Тем не менее во второй половине 1916 г. пришлось решиться на такую меру, как расформировать 52 запасных полка и распределить их среди остальных полков, которые таким образом были превращены из 2-х батальонных в 3-х батальонные. Значительные потери у Вердена и на Сомме заставили уменьшить батальоны с 4-х до 3-х ротного состава. Большие потери в людях старались покрыть увеличением числа скорострельных орудий. Дивизии,

состоявшие первоначально из 12 батальонов, были затем переформированы в 3 полка и имели всего 9 батальонов. Большие потери в битве Эн-Шампань в 1917 г. заставили целиком переформировать многие войсковые части. В начале 1918 года сделалось известным, что были расформированы 41 пех. полк и 3 батальона добровольцев. В 1917 году были большей частью расформированы и территориальные дивизии. Тяжелое положение с пополнениями сыграло большую роль в том, что после неудачных попыток прорвать наш фронт в апреле и мае 1917 г., в дальнейшем таковые уже не предпринимались, а боевые действия ограничивались лишь боями местного значения.

Обучение и тактика.

За обучением и тактикой французской армии в Генеральном Штабе следили внимательно. В военном журнале, издаваемом в Б. Г. Ш., все время печатались статьи о преобладающих тактических взглядах, о серьезных военных занятиях, наставлениях и инструкциях для обучения, а также и о материальной части и военной технике. Подробно говорить здесь об этом не приходится, коснемся только некоторых пунктов, имевших особое значение для оценки армии или являющихся спорными. Каждая полевая армия для боя занимала глубокое расположение, имея сравнительно слабо занятую линию фронта. Боем передовых частей расчитывали точно выяснить намерение противника, после чего должны были планомерно вводиться в бой главные силы именно в том направлении, где предполагалось слабое место противника.

Расчленение в глубину бросалось особенно в глаза при обороне. Обороняющийся обыкновенно располагал свои войска в несколько линий, одна за другой. Передовые части должны были задерживать противника и выяснять его намерения. Перед главными позициями находились передовые позиции, которые обычно защищались упорно, но решающего значения не имели. Отход на главные позиции считали возможным и после упорных боев. Сильный главный резерв, сосредоточенный позади главных позиций, держался наготове для решительного контр-удара. Предусматривалась также возможность производства контр-атаки при отступлении, при этом ранее вступившие в бой части должны были своевременно его прекратить, чтобы завлечь противника на заранее избранную обороняющимся территорию, где утомленного наступлением наступающего долж-

ны были атаковать свежие части. Если предполагалось общее отступление, то в тылу заранее подготовлялись оборонительные позиции. В этом случае французы располагали войска в несколько линий, одна за другой, и затем отступали прыжками. Везде и всегда наблюдалась одна и та же основная идея искусного маневрирования. Преждевременное развертывание избегалось. За широкой завесой передовых частей сосредоточенная масса главных сил ожидала случая произвести неожиданную атаку. Эта основная идея являлась основной, как при развертывании войск, так и при перегруппировках, а также при ведении как больших, так и малых боев.

Этот способ противопоставлялся „грубым" немецким приемам, которые заключались в следующем: основательный обход, наступление на широком фронте без глубоких резервов, лишь с обеспечением флангов и ввод в бой сил обыкновенно без сильных резервов.

Незадолго до начала мировой войны в официальных французских кругах стало намечаться некоторое изменение во взглядах, которые однако не получили в жизни практического осуществления.

Интересно сравнить, насколько мы неправильно судили о французах и они о нас. Наше наступление через Бельгию в августе и начале сентября 1914 года казалось отвечало взглядам, которые французы составили о нашей тактике: наступление на широком фронте с ясным намерением окружения французского левого фланга. К сожалению, французы были правы, что резервы были незначительны. Наши резервы на правом фланге с самого начала были слишком малы, они растаяли еще больше, когда два армейских корпуса были отправлены на восток и по одному корпусу было отправлено к Антверпену и Мобежу. Немецкий левый фланг закрепился перед Мозельским фронтом выше Туля. Мы дали французам возможность „маневрирования", то есть осуществить выше приведенный метод. После того, как бои наших армий оказались для нас всюду успешными, начался „отступательный маневр". Планомерным отступлением Жоффр отвел французские войска от противника и затем нашел момент для перехода в наступление против напирающих немцев. Картина, которую мы рисовали себе в конце августа и начале сентября о противнике, оказалась неправильной. Находившаяся на правом фланге 1-я армия, условия которой мне были особенно хорошо известны, сначала имела дело главным образом с англичанами, которые после упорных боев были отброшены. От соседней армии по-

ступали сообщения о „решительном“ поражении находившихся перед ней французов. Противник, „совершенно разбитый, отступает к югу от Марны“ (13/IX). Мы в первой армии, а также и высшее командование держались того взгляда, что над французами одержана решительная победа. Высшее командование приняло решение заставить противника отступить от Парижа, отведя свой левый фланг южнее Парижа. Первая армия должна была при этом обеспечивать правый фланг наступающих германских сил. Эта армия намеревалась использовать свое выдвинутое перед несколько отставшей слева второй армией положение с тем, чтобы, пробиваясь одновременно на Париж и продолжая преследование англичан, коротким ударом центра и левого фланга охватить левый фланг „убегавших“ французов и отбросить их к юго-востоку, не давая им возможности уйти на юг. Это был момент высшего напряжения разыгрывавшейся драмы. В этот именно момент последовало планомерное большое контр-наступление французов. Из района верхнего Мозеля, где наши атаки не могли иметь успеха, французы повезли в район Парижа подкрепления для наступления на наш правый фланг. Для этого была предназначена только что сформированная 6-я армия Монури.

Я вспоминаю, что в 1 армии уже раньше являлось сомнение в правильности мнения о „бегстве“ противника. Один офицер сообщил, что он наблюдал у Шато-Тьери отступающую в порядке с пением французскую колонну. Но все передвижения, которые приказано было выполнить, были уже в ходу.

Предпринятое Жофром фланговое наступление не удалось в той мере, в какой он предполагал. 4-й резервный корпус (ген. Гронау) 1-й армии, которому было поручено обеспечение фланга со стороны Парижа, 4-го сентября получил сведение о присутствии французов у Дамартена (сев.-вост. Парижа) и южнее. 5-го сентября было установлено движение неприятельских колонн из района С.-Мард и южнее. Командир корпуса решил наступать. Это было смелое и чреватое последствиями, но единственно правильное решение.

Таким образом, своевременно и раньше, чем французское контр-наступление должно было начаться, было установлено намерение противника произвести фланговый удар. Командование первой армии приняло свои меры. Широкое наступление немцев без достаточных резервов протекало примерно по тому методу, который представляли себе французы. Но и с немецкой точки зрения это было не совсем правильно, так как наступление первой армии являлось чреватым последствиями откло-

нением от первоначального плана и от избранного генеральным штабом оперативного метода. Это были уже ошибки выполнения. Впоследствии об этом скажем подробнее.

В течение войны, когда на первый план выступила позиционная война, французский и немецкий методы обороны оказались в резком противоречии друг с другом. Мы стояли на той точке зрения, что принципиально нужно выбрать только одну позицию и укрепить ее. Относительно передовых и тыловых позиций не было определенного мнения. Французские принципы также не были расчитаны на тот род позиционной войны, который являлся в действительности. Тем не менее они облегчили французам оборону, тогда как немецкий метод оказался недостаточно гибким. Непременное удержание единственной укрепленной линии вело к тому, что она становилась жертвой все возраставшего действия артиллерийского огня. Опыт усиления оборонительных сооружений и углубления блиндажей, с целью сделать позиции более прочными, не удался. Блиндажи становились западнями, из которых при неприятельских атаках люди не могли своевременно уйти. Мы должны были постепенно перейти к более подвижной обороне с тонкой передней линией и к большему числу укрепленных полос.

Отдельные роды оружия.

Мнения Генерального Штаба об отдельных родах оружия до войны сводились к следующему.

Французская пехота была у нас на хорошем счету. Живой, подвижной, смышленный и бодрый пехотинец был искусен, как в полевой, так и в позиционной войне; он умел всегда найтись и без приказания. Походные движения крупных пех. частей совершались поразительно спокойно и бесшумно. Французскую кавалерию не считали хуже нашей; это выяснилось в начале войны, в период же позиционной войны кавалерия отошла на задний план.

Весьма спорным вопросом еще до мировой войны являлся вопрос о тактике французской артиллерии. Во многих заметках и статьях Г. Ш. занимался развитием точек зрения относительно применения во Франции артиллерии. Описывалась дискуссия между приверженцами известного артиллерийского ген. Персена, который не придавал значения артиллерийским дуэлям и считал главной задачей артиллерии непосредственную поддержку пехоты, и его противниками, требовавшими уничто-

жения артиллерии противника и указывавшими на опасность рассеивания артиллерии при методе Персена. Французский устав 1910 г. оставлял достаточную свободу действий.

Персен исходил из того, что щиты и закрытые позиции делают артиллерию совершенно неуязвимой, поэтому добиться решения боя артиллерийской дуэлью, по его мнению, невозможно. Главной задачей артиллерии должна быть непосредственная поддержка пехоты. Пехотные батареи, на которые выпала эта важная задача, должны сразу же атаковать неприятельскую пехоту; контр-батареи должны выступать против неприятельской артиллерии только тогда, когда последняя начинает обстреливать пехотные батареи. Артиллерийский бой считался нужным постольку, поскольку являлось необходимым обеспечить свободу действий собственным батареям. Артиллерия должна вводиться в бой бережливо, лишние батареи немедленно отводятся из под огня противника. Устав не считал артиллерийский бой решающим, но рекомендовал добиваться уничтожающего действия его огня там, где этого можно было достичь без излишнего расходования снарядов. Особенно важной считалась теснейшая связь между артиллерией и пехотой. Персен рекомендовал придавать артиллерию не пехотным соединениям, а боевым группам. Противники Персена вооружались против отказа от решения боя артиллерией и против предлагаемого им полного подчинения артиллерии пехоте. Поражение артиллерии противника казалось им возможным и являлось предпосылкой успеха пехотных атак. При этом они опирались на успехи воздухоплавания, которые облегчали разведку и наблюдение находящейся на закрытых позициях неприятельской артиллерии. На этом основании следовало стремиться к сосредоточенному действию артиллерии, метод же Персена приводил к ее распылению. Генер. Жофр, бывший в то время начальником французского Генерального Штаба, в своих заметках о маневрах 1911 г. резко высказался против распыления артиллерии и за ее объединение в большие артиллерийские группы. Чтобы облегчить борьбу с артиллерией на закрытых позициях и использовать закрытые позиции для собственных батарей, были введены полевые орудия с очень крутой траекторией стрельбы. Для уничтожения неприятельской артиллерии усовершенствовали тяжелую артиллерию. Все же новые тактические взгляды не получили ясного выражения в новом уставе. На практике же они получали все большее господство, по мере все возраставшего применения авиации для артиллерийских целей. Лишь незадолго до войны были введены в полевой

устав артиллерии статьи о совместных действиях аэропланов при стрельбе артиллерии против артиллерии противника, занимающей закрытые позиции. Изменившийся взгляд на применение артиллерии нашел одновременно отражение в добавлениях к уставу. С тех пор, как вследствие успехов воздухоплавания оказалось возможным поражать закрытые цели, стали опять склоняться к точке зрения, что участь сражения может быть решена артиллерией. Французская артиллерия была образцова. Славу, которою она пользовалась в мирное время, она сохранила и на войне. Французы, считавшиеся в техническом отношении всегда очень искусными, не только изобрели компрессорное орудие со щитом, но и остроумнейшим способом использовали все его преимущества для применения в бою. Выдающиеся артиллеристы находили этому орудию новое применение и заботились о том, чтобы оно отвечало всем современным требованиям развивающейся техники. В отношении усовершенствования материальной части и вытекавших отсюда тактических последствий мы действовали нерешительно. Введение компрессорного орудия, закрытая позиция как правило, отказ от массового сосредоточения и артиллерийской дуэли в целях уничтожения противника, тесная связь между пехотой и артиллерией и многое другое могло привиться у нас только мало по малу. Многие молодые артиллеристы в германской армии были проникнуты французской точкой зрения, но соответствующие уставные требования появлялись медленно.

Б. Г. Ш. старался распространить в армии знакомство с французской тактикой артиллерии, настойчиво указывая на те пункты, которые казались достойными особого внимания. Когда же в последние годы перед войной приобрело чрезвычайно важное значение применение для артиллерийской стрельбы аэропланов, вызвавшее переворот во взглядах на применение артиллерии в бою, Генеральный Штаб всецело присоединился к этому. Со времени введения компрессорного орудия по всем этим вопросам велся оживленный обмен мнений между Б.Г.Ш. и заинтересованными ведомствами нашей армии. Ход войны подтвердил, что мы многому могли научиться у французской артиллерии. Материальную часть артиллерии во Франции и в Германии мы до войны считали приблизительно равноценной. Преимущества французского полевого орудия по сравнению с нашими, казалось, уравнивались его недостатками. Калибр был почти одинаков: в Германии 7,7 и во Франции 7,5 с/м. Баллистическими качествами французское орудие превосходило немецкое: его начальная скорость равнялась 529 м. против

465 м. у немецкого; его дальность была значительно больше. Независимую прицельную линию мы считали преимуществом французов, так как она значительно ускоряла прицеливание. Зато вес немецкого орудия, в особенности без передка, был меньше. Французское орудие перед первым выстрелом должно быть заторможено. Во время войны оправдался старый опыт всех войн: обычно до войны хотят иметь подвижное орудие, во время же войны баллистические качества оказываются важнее, чем легкий вес. Преимущество в дальнобойности французского орудия оказалось для нас весьма ощутительным. Тяжелая французская артиллерия в 1914 г. только начинала развиваться. 155-мм. гаубицы обр. 1904 г. устарели; орудия, которые должны были их заменить, еще не были готовы; новое 105-мм. орудие еще не было выпущено. Вся тяжелая артиллерия должна была организоваться во время войны.

В отношении воздухоплавания французы стали с самого начала на правильный путь. Наш Г. Ш. об этом неоднократно напоминал: „Наше будущее в воздухе“, говорили французы, на „пятый род оружия“ они возлагали большие надежды. От дирижаблей они ничего не ожидали с тех пор, как стали развиваться аэропланы. Они не останавливались ни перед какими жертвами, чтобы сохранить за собой в этой области первенство. Общественное мнение все время побуждало правительство к новым расходам на воздухоплавание.

По этому поводу в 1912 г. Б.Г.Ш. в одной из предназначенных для армии брошюр говорит: „В отношении воздухоплавания Франция занимает первое место“.

Г. Ш. считал настоятельно необходимым привлечь внимание армии еще к одному вопросу. Французский военный закон 1905 г. одновременно с введением 2-хлетнего срока службы стремился возможно улучшить обучение офицеров запаса. Все признанные годными к военной службе должны были с этих пор служить 2 года, в их число были включены и те, которые, пользуясь льготой по образованию, служили только один год. Последние после соответствующей подготовки и испытания в течение второго года службы производились в унтер-офицеры и офицеры запаса. Кандидаты на офицеров запаса первый год должны были служить в строю, затем целый год обучаться и третий год служить в качестве фендриков и офицеров запаса. Эта мера давала возможность Франции в известный период времени достигнуть существенных успехов в подготовке офицеров запаса. Это обстоятельство должно было иметь громадное значение. Г. Ш. не оставлял места никаким сомнениям воен-

ного министерства. Лично я мог бы высказаться только отрицательно о нашем корпусе одногодичных вольноопределяющихся, рано или поздно мы должны были бы покончить с ним. Кроме того, французы стремились повысить уровень боевой подготовки резервных войск. Они должны были стать равноценными полевым войскам, чтобы выступить во время войны наряду с последними. В феврале 1914 г. наш Г.Ш. по этому поводу говорил следующее: „в каждом французском арм. корпусе имеется дивизионный генерал, который во время войны должен командовать резервной дивизией, в мирное же время руководить обучением резервных частей. При этом дивизионном генерале в мирное время состоял штаб из 2 офицеров, из которых один был Генерального Штаба. Командный состав для резервных дивизий до батальонных и взводных командиров включительно при мобилизации брали почти исключительно из состава полевых войск, штаты которых были достаточно велики. Большую часть ротных и батарейных командиров предполагалось взять также из числа офицеров действительной службы. В особенности нужно было обратить внимание на то, что Франция, как уже было упомянуто, располагала хорошо обученным многочисленным кадром офицеров запаса, ценность которых должна была еще более возрасти с тех пор, как кандидаты в офицеры запаса были обязаны трехлетним сроком службы". В этом отношении Франция получала несомненные преимущества перед нами. Благодаря этому можно было ожидать, что и нижние чины во время пребывания на действительной службе получат лучшую подготовку.

Строго соблюдалось, чтобы все проходили положенные по закону учебные сборы (один в течение 23 дней и другой в течение 17 дней) запаса и территориальной армии.

В отношении численности привлекаемых к ежегодным учебным сборам, продолжительности сборов и числа резервных формирований Германия также отставала от Франции. Впервые в 1913 г. учебные сборы запасных в Германии были произведены в том же объеме, что и во Франции.

Во Франции все резервные полки в каждые два года отбывали 17 дней учебного сбора в том составе, который предусматривался для них штатами военного времени. Кроме того резервные полки сводились и в более крупные соединения. В 1914 г. в больших маневрах должна была принимать участие резервная дивизия и другие резервные формирования. Следует также отметить, что генералы, которые предназначались для командования резервными дивизиями, должны были еже-

годно руководить 7-дневными учебными полевыми поездками, в которых принимали участие соответствующие бригадные и полковые командиры со своими штабами. Значение всех этих мероприятий после мировой войны каждому ясно. Г. Ш., конечно, не игнорировал их, но, наоборот, напоминал и указывал на них. Требовать, понятно, было легче, чем осуществлять, но это было уже не наше дело, в чем однако многие часто заблуждаются. Полномочия Г. Ш. в мирное время зачастую преувеличиваются. Поэтому и получилось, что в одном отношении мы постепенно следовали за французами, в другом же отставали.

Общий вывод.

За последние годы все усилия Франции были направлены на поднятие боевой готовности. Особенное внимание обращалось на обучение офицеров всех категорий. Высший командный состав, предназначенный для войны, ежегодно руководил полевыми поездками Г. Ш., размеры которых постепенно все разростались. Во всех арм. корпусах велись большие военные игры. С 1913 г. некоторое количество особенно способных офицеров Г. Ш. получало в целях практики в командование большие войсковые соединения. Объезды Генерального Штаба округов совершались так же, как у нас.

Успехи армии сказывались главным образом в ежегодных больших маневрах, соответствовавших нашим императорским маневрам. Генеральный Штаб тщательно разрабатывал их на основании вышеприведенных данных. Эта работа Г. Ш. становилась достоянием всей армии. Было очень заметно, как за последние годы перед войной делались успехи в руководстве высшего командования. На французскую армию перед самой войной Б.Г.Ш. смотрел следующим образом: новый военный закон значительно увеличивал армию как мирного, так и военного времени и давал возможность завершить организацию резервных войск; проведенные или намеченные реформы повышают внутреннее достоинство армии.

„Француз является интеллигентным, ловким, проникнутым патриотизмом солдатом, которого легко воодушевить и с которым можно достичь больших успехов. Офицеры по большей части ревностны, нетребовательны и честолюбивы. Для практического и научного образования за последнее время делается очень много. Офицерский корпус по своему составу, правда, не однообразен, но нужно думать, что во время войны социаль-

ные, политические и религиозные противоречия отодвинутся на задний план".

В заключение указывалось, что французская армия „одна из лучших европейских армий" и что „она представляет противника, которого ни в коем случае нельзя недооценивать".

Я все же не хочу утаить оговорки, которую делал Б. Г. Ш., стойкость и упорство французского солдата ставились не особенно высоко; его считали нервным и легко меняющим настроение; он охотно подчинялся выдающемуся полководцу. Вызывало сомнение, удержится ли дисциплина при неудачах. Ход войны показал, что Г.Ш. в этом отношении ошибся. Французская армия во время войны выказала поразительную стойкость. Нужно также принять во внимание, что ошеломляющий исход битвы на Марне оказал на Францию длительное влияние. Самым большим минусом этого сражения для Германии был удар, нанесенный ее военному престижу. В дальнейшем уверенность в победе поддерживалась мощной помощью Англии на суше и в особенности на море, надеждами на блокаду Германии и на помощь Америки; эти факторы помогли Франции преодолеть все трудности. Сильная рука Клемансо довершала подавление возникавшего малодушия. Падение настроения все же имело место в 1917 г. Весной этого года французская армия под предводительством ген. Нивелля должна была произвести решительный прорыв немецких линий. Была издана новая инструкция для наступления; предназначенные для этой цели корпуса подготовлялись планомерно в течение целой зимы. Несмотря на это, прорыв не удался ни 16—17 апреля, ни в начале мая этого года. А между тем на эти атаки возлагались большие надежды и на неудачу не расчитывали. Во многих дивизиях имели место значительные бунты. От других больших наступлений пришлось отказаться до конца года, отчасти вследствие обостренного положения с пополнениями. Ген. Нивелль уступил место более осторожному ген. Петену. Настроение старались поднять предоставлением отдыха, отпусков, повышенным вознаграждением, лучшим пайком, а также патриотической агитацией.

Данные об армиях противников, независимо от рассылаемых военному министерству и другим соответствующим учреждениям справок, заметок, сообщений и т. п. в сжатых резюме и статьях печатались в широко распространенном военном журнале („Фиртельярсхефтен") и становились таким образом доступными армии. В какой мере эти статьи читались, неизвестно. Часто в армии распространялись иные взгляды на француз-

скую армию. Они исходили большею частью от офицеров, проводивших во Франции отпуска, где имели возможность видеть французские части в городах и на занятиях. Мнения этих лиц были в большинстве случаев односторонними. Генеральному Штабу, получавшему такие сообщения, оставалось только качать головой. Случайные наблюдения давали повод к составлению скороспелых или слишком общих выводов. В них часто выражалось мнение о недостаточности французской дисциплины, о которой судили по поведению солдат на улицах и по отношению к начальствующим лицам. Правда, и у нас в Г. Ш. дисциплина не считалась сильной стороной французской армии, она явилась слабым ее пунктом еще во времена первой империи. О французском солдате 1870 года французский писатель Легокур говорит: „Французский солдат охотно перенесет лишения и напряжения, необходимость которых он видит и до тех пор, пока верит в успех. Он становится, наоборот, строптивым, скептиком и готов кричать „измена", если от него потребуют напряжений, цель которых ему непонятна. Он является очень впечатлительным, легко поддающимся как подавленности, так и одушевлению. Искусные руки могут из него извлечь многое, в плохих же руках он станет непригоден" (ф. Фрейтаг. „Основные условия военного успеха"). Тем не менее только по внешним признакам не следовало бы судить об отсутствии дисциплины. Во французской армии дисциплина выражалась в других формах, чем у нас, поэтому неправильно было бы ко всякой армии прикладывать немецкую мерку и отклонения от этой мерки считать за минусы. Армия не есть нечто самодовлеющее. Чтобы понять ее, надо понять весь народ в целом. Она соответствует национальным особенностям, народному характеру, всему историческому развитию, что подходит для одной армии, не подходит для другой. Кто хочет судить о какой-либо армии, тот должен сначала изучить всю страну, весь народ. Кратких наблюдений, нескольких недель отпуска для этого недостаточно. Составить характеристику, отвечающую действительности, чужой армии не легко. В обращении с начальниками французский солдат держал себя свободно, тем не менее дисциплина соблюдалась строго. Дисциплинарные взыскания были очень суровы. Все начальники, а не только офицеры, как у нас, имели дисциплинарную власть. Военный суд был уполномочен преследовать не только военные, но и общие проступки и преступления всех военно-служащих. Юристы в военно-судебном процессе участия не принимали. Действовавший французский устав о наказаниях 1857 г. заключал в себе

очень суровые постановления. Во время войны дисциплина поддерживалась строгими взысканиями; как во французской, так и в английской армии не останавливались перед расстрелами, т. к. считали войну „суровым ремеслом". Клемансо подавлял железным кулаком всякое движение в стремлении к миру. Чем дальше тянулась война, тем строже нужно было поддерживать дисциплину. Из этого опыта исходили французы и англичане. У нас наблюдалось обратное явление, мы постепенно стремились к уменьшению наказаний.

Стратегический план и оперативные намерения.

О стратегическом плане и оперативных намерениях французов у нас в распоряжении, само собой разумеется, достоверных сведений не было. Основанием для наших стратегических расчетов могли служить только взгляды многочисленных военных авторов, данные прессы, прения в палате и сенате и т. п. Конечно, из этих данных нельзя было делать точных выводов. Писалось во Франции об операциях много. Поводы для основательного обсуждения соответствующих вопросов давали Флиссингенский вопрос, политические осложнения 1911 г., Люксембургский вопрос и т. п. Мы должны были использовать весь этот богатый материал для того, чтобы установить господствовавшие в то время взгляды и течения. В числе военных авторов находился ряд известных имен, например—покойный генерал Ланглуа, ген. Бонналь, б. начальник военной академии, его преемник ген. Фош и более молодые выдающиеся офицеры, как, напримерь, Мордак и др. Ценным дополнением являлась английская и бельгийская литература, стоявшая в поразительно тесном соприкосновении с французской. Во Франции были убеждены, что положение Германии заставляет ее ускорить принятие решения по отношению к Франции. При войне на два фронта оборонительное положение Германии по отношению к Франции заключалось в следующем: „Немцам прекрасно известно, что мобилизация русских будет протекать медленно", писал Ланглуа в 1911 г., „поэтому они, оставив на Висле лишь незначительные силы, ринутся всеми остальными силами на Францию, чтобы здесь быстро добиться развязки". Французы считали, что Германия на восточной границе оставит от 3-х до 4-х корпусов и выставит против Франции от 20 до 22 корпусов. Как должны были к этому отнестись французы? Как нам кажется, взгляды на этот счет во

Франции менялись в зависимости от военного и политического положения. Еще в 1906 г. Бонналь писал: „О группировке французской армии можно сказать только то, что неизбежное наступление немцев принуждает нас с самого начала занять оборонительное положение". Постепенно это мнение изменилось. Ланглуа выразил в палате свое отрицательное отношение к оборонительной тенденции. В 1911 г. в „Опиньон" он пишет уже о том, что Франция должна готовиться к наступательной войне. „Мы слишком много говорим об обороне, это унизительно". В журнале „Франс Милитер" 1911 г. читаем: „мы сделали большую ошибку, заявляя с 1870 г. всему свету о том, что Франция удовлетворится выжиданием нападения со стороны Германии". Это же течение с 1911 г. стало проявляться и в общественном мнении Франции. Большую уверенность французам дали поразительные успехи французской авиации, надежды на поддержку Англии и на нейтралитет Италии. Они считали свою армию численно равной германской и думали, что в техническом отношении и в смысле обучения войск она превосходит ее. Особенно ярко это мнение выявилось во время политического кризиса 1911 года. Постепенно мнение о германской армии становилось все ниже. Французская наступательная тенденция находила все больше отражения в прессе, военной литературе и парламенте. Военный министр и другие представители правительства все чаще начинали употреблять выражение: „нападение". Появились известные статьи полк. Буше „Победоносная Франция" и „Наступление против Германии", в которых бывший начальник оперативного отдела Главного Штаба старался доказать превосходство сил Франции над Германией. Оставался открытым вопрос, как же следовало вести наступление. Должно ли оно было начаться с самого начала войны и в каком направлении или нужно было выждать благоприятный момент для его начала. Буше говорил о немедленном наступлении на Лотарингию. Чаще слышались мнения о необходимости подготовить наступление. С этим был связан тот минус, что прикрывающие части сначала могли быть отброшены, что с этим приходилось считаться. Майор Мордак особенно отмечал в 1911 г. в „Ревю Милитер Женераль", что в первоначальных боях обстоятельства могли заставить французов отступить. Французскому народу следовало бы свыкнуться с этой мыслью. Ланглуа тоже выдвигал эту мысль и развивал ее дальше в том смысле, что французы должны возможно дальше оттягивать развязку, пока на театр военных действий не прибудут англичане и по возможности все части из Северн.

Африки. И в других статьях, например, в январском номере журнала „Нувель Ревю“ 1919 г. выступало стремление подготовить общественное мнение к тому, что армия сначала будет выжидать, причем предусматривалось временное оставление некоторой части французской территории. „Если в первой фазе операции считали нужным опираться на систему крепостей, то в последующем ни в каком случае не хотели оставаться привязанными к ней. Осада крепости в конечном результате ведет к ее сдаче. Поэтому подобная операция с самого же начала должна быть исключена из наших соображений“, писал полк. Груар в 1911 г. Речь шла главным образом о подготовке к наступлению. Это ясно выражено в „Журналь де сианс милитер“ 1919 г.: „преимущества нашего плана заключаются в том, что наши силы с самого начала будут сосредоточены. Как только мы откроем намерение противника, мы тотчас же перейдем в энергичное наступление и, смотря по обстановке, двинем для контр-удара наши громадные массы в том или ином направлении“. Задачей французского командования Бонналь считал („Голуа“ 1911 г.): „начать в удобный момент большими силами бешеное наступление“. В этом сказывается оперативный и тактический метод французов, о котором мы уже говорили. Операции и сражения из глубины, маневрирование крупными силами в подходящий момент с имеющимися наготове резервами против врага, наступающего широким фронтом,—этот метод ясно выступает наружу. Мордак в „Политика и стратегия“ высказывал мнение, что немцы предпримут наступление на очень широком фронте. Верные своей системе охвата, они направят свой главный удар против французского левого фланга. Стратегический план немцев не оставлял места маневрированию, а имел в виду лишь грубое продвижение вперед, совершенно не считаясь с группировкой противника. Французы ни в коем случае не могли согласиться с таким стратегическим методом. Французы стремились не к тому, чтобы создать сплошной фронт, имея одну армию рядом с другой, а к тому, чтобы расчленить армию, дать возможность им маневрировать, оставляя между армиями, а также между главными силами и флангами достаточные стратегические промежутки. 20-й век дал в руки высшего командования могущественные средства для маневрирования современными армиями, не смотря на их колоссальную численность и громадное протяжение фронтов. В данном случае имеются в виду железные дороги. При правильном использовании они давали возможность добиться неожиданности, являющейся существен-

ным фактором победы. С помощью железных дорог можно было бы, имея одну или две армии в резерве, стремительно перебрасывать их туда, где должен был наноситься главный удар. По этой причине французские силы в период подготовки стратегической операции должны были располагаться очень глубокими уступами. Развитие подобного положения находим в одной статье „Ревю милитер женераль“ за 1910 и 1911 г.г.: „немцы при своих операциях руководствуются предвзятой идеей; они распределяют свои колонны, не будучи осведомленными о силах и намерениях противника. Благодаря этому высшее командование выпускает войска из своих рук; так как оно ошиблось в своих предположениях о противнике, то ему будет чрезвычайно трудно использовать иначе неправильно направленные силы. Весь немецкий метод слишком груб и ненадежен. Лучше выждать, пока обстановка выяснится и затем ввести сосредоточенные силы для решительного контр-удара в том пункте, который будет избран на основании полученных о противнике сведений. Конечно, и во Франции раздавались голоса, признававшие трудности такого оперативного метода. „Ля Франс милитер“ писала: „весьма возможно, что во время сражений французы будут вынуждены перейти к обороне“. Сам Бонналь, главный приверженец контр-атак, соглашался, что они требуют большого ума. Необходимым условием успеха являлась также своевременная осведомленность о мероприятиях противника. В случае ошибки все было бы потеряно. И полк. Груар подчеркивает трудности правильного выбора места и времени для контр-атаки.

Впоследствии французы стали находить поддержку своим оперативным взглядам в необыкновенном развитии способов разведки. В виду больших успехов воздухоплавания они с большим, чем раньше, основанием рассчитывали на своевременное получение сведений о противнике. Французы ожидали, что посредством воздушной разведки им удастся выяснить цель наступления немецкой армии, с другой же стороны они считали возможным скрыть от воздушной разведки противника расположение предназначенных для контр-атак войск, пока эти войска не находились еще в движении. Мы впоследствии увидим, что эти ожидания французов не оправдались. Распространение и силу нашего правого фланга французы узнали только в августе 1914 года, то-есть тогда, когда это было уже поздно. С 1913 года стремление к „наступлению“ во Франции стало все более и более подчеркиваться. Во время обсуждения Люксембургского вопроса в прессе появились многочисленные

статьи Лакруа, Мэтро, Купилло, Мордака и других, подчеркивавших необходимость заблаговременного контр-наступления.

Теперь уже выдвигалась идея немедленного стратегического наступления. Составитель появившейся в 1913 году книги „Условия победы" говорил, что французский стратегический план основан на немедленном наступлении по всему фронту. Решительное сражение он предполагал в Бельгии. Изданное в феврале 1914 г. „Наставление для высшего командования" указывало на боевое прошлое Франции и подчеркивало необходимость стратегического наступления на главном театре военных действий.

Пресса добавляла к этому следующее:

Благодаря трехлетнему сроку службы Франция стала более способной к наступлению, которое более соответствует и характеру народа и увеличившейся мощи армии. В помощь Англии были уверены; она могла иметь место только на левом французском фланге. Все признавали, что ареной операции будет Бельгия. Во Франции рассчитывали и на поддержку бельгийцев. Отношения с Италией делались все более дружественными. На этих различных пунктах нужно остановиться подробнее. Значение для Франции введения 3-хлетнего срока службы в 1913 г. и других с этим фактом военных реформ выяснялось выше. Соотношение сил давало Франции несомненное право ухватиться за идею немедленного стратегического наступления вместо выжидательного положения и контр-наступления.

Существенное значение имели отношения с Италией. При посещении осенью 1903 г. королем Виктором Эммануилом Франции, последний в своей застольной речи сказал: „мое пребывание здесь справедливо рассматривается Францией, как естественный результат счастливо завершенного между нашими обеими странами сближения". Во Франции, казалось, были уверены в том, что итальянцы не предпримут никаких серьезных шагов до тех пор, пока первые сражения не покажут на чьей стороне успех, а в зависимости от него и где место Италии. Во французской литературе и ежедневной прессе считались с тем, что Италия в начале войны будет выжидать. „Италия будет выжидать и присоединится к победителю",— писал ген. Мэтро в конце 1911 г.

Различные мероприятия французского правительсва могли толковаться в том же смысле. В прежние годы на Корсике продолжительное время хранились зерновые запасы, которые предназначались для питания населения на случай войны. Вносившиеся для этого в бюджет суммы постепенно сокраща-

лись и с 1910 года совсем отпали. „Это позволяет политическое положение", заметил докладчик по бюджету. С 1911—12 г. были упразднены существовавшие ранее для защиты против Италии в Альпах на высоте двух—трех тысяч метров блокгаузы для зимовавших альпийских взводных и полувзводных постов. В ряде газет подчеркивалось, что эту меру нужно рассматривать как следствие дружественных отношений, установившихся между Францией и Италией. Отдельные полки, специально созданные для войны в Альпах, были отведены с альпийской границы в Вогезы.

На этом основании в нашем Г.Ш. явилось сомнение, будет ли французская „альпийская" армия, как предполагалось прежде, развертываться на альпийской границе. В эту армию входили XIV и XV армейские корпуса с соответствующими резервными и территориальными формированиями.

В прессе уже проскальзывали иногда мнения о том, что часть этих сил можно было бы с самого начала употребить против Германии. В конце 1910 года в статье „Сервис милитер женераль", которую не раз придется еще цитировать, говорится следующее: „французы, конечно, должны были бы оставить на альпийской границе часть сил, но эти силы могли бы быть незначительны и состоять только из второлинейных формирований, если бы Франция решилась принять все меры для ускорения развязки с Германией". И в других местах прессы и военной литературы преобладало мнение, что на альпийской границе достаточно иметь охрану из альпийских стрелков, резервных и территориальных формирований, а XIV и XV армейские корпуса с самого начала могли бы быть выставлены против Германии. Отдельные голоса высказывались даже за то, чтобы оттянуть оттуда и альпийских стрелков и предназначавшуюся также для защиты альпийской границы вторую колониальную дивизию. Некоторые изменения в организации, например, в снабжении артиллерией, указывали на то, что специально организованные для альпийской армии XIV и XV арм. корпуса будут теперь использованы на главном театре военных действий и получат обыкновенную организацию.

Французские укрепления на итальянской границе в 1913 г. продолжали возводиться. В Ницце были усилены укрепления с севера и востока; в районах Мон-Сенис и Мал. С.-Бернар были возобновлены старые укрепления и возведены новые. Но это не обозначало обострения отношений с Италией, а наоборот, в этом сказывалось определенное намерение получить возможность с самого начала выставить против Германии возможно большее количество войск.

Поэтому германский Г.Ш. в последние годы до войны считался с тем, что XIV и XV арм. корпуса примут участие в операциях против Германии. Еще граф Шлиффен держался того же мнения, считая это единственно правильной мерой французов. Для защиты границ против Италии остались бы, повидимому, кроме резервных и территориальных частей обоих корпусных округов альпийские стрелки и для защиты побережья, вероятно, две колониальные дивизии. „Но и отсюда", говорилось в наших выводах, „по выяснении политического положения большая часть войск будет взята на германский фронт". Это выяснилось окончательно очень скоро, а именно в августе 1914 г.

У нас считались и с тем, что находящийся в Африке XIX арм. корпус будет своевременно переброшен во Францию и примет участие в решающих боях при наступлении против Германии. Опасность для транспортов при переезде в Марсель со стороны австрийского или даже итальянского флота была невелика. Известная безопасность транспорта гарантировалась быстротой перевозки. Своевременная готовность транспортных средств, казалось, была хорошо обеспечена.

Колоссальную роль для усиления у французов наступательной тенденции сыграло сотрудничество бельгийцев и англичан.

В Бельгии военным законом 1913 г. была введена всеобщая воинская повинность. В ближайшие годы бельгийская армия должна была быть увеличена до 340.000 чел. (без резервных войск), то-есть приблизительно вдвое. Из этого видно, как важно было для Франции иметь на своей стороне Бельгию. Газета „Тан" уже в 1911 г. отмечала те меры подготовки к обороне, которые в виду военной опасности приняла Бельгия летом 1911 г. в крепостях Люттих, Гюи и Намюр, расположенных на Маасе. Газета откровенно признавалась, что эти меры принимались для содействия Франции против Германии. Было известно, что образованные круги Бельгии находились под французским влиянием, что объяснялось общностью языка, деятельностью прессы и недружелюбием к Германии. Французы поощряли это движение, ожидая, что в случае войны Бельгия обратится против Германии. Весной 1912 г. разведывательная поездка французского Г. Ш по Бельгии стала известна благодаря тому, что в Намюре внезапно заболел оберлейтенант Пикар.

В цитированной уже статье „Сущность национальной обороны" говорилось и о том, что французы в предвидении войны с Германией тщательно организовали разведку в Бельгии и

Люксембурге. Для этого пользовались агентами и офицерами в штатском платье. Их первой задачей являлось выяснение условий сосредоточения войск на бельгийской границе. Затем они должны были, пользуясь автомобилями, разведать пути, ведущие через Бельгию. Нам казалось, что без согласия бельгийцев достичь этого было бы невозможно.

Во время политического осложнения в 1911 г. между французским и английским Генеральным Штабом, очевидно, происходил обмен мнений, касавшийся деталей английского десанта.

Вместе с тем английский Г. Ш. издал военный справочник о бельгийских дорогах и реках. Материал для него, как указывают примечания к некоторым главам, собирался разведкой с 1909 г.; первая его часть появилась в 1912 г. В справочнике имелись точные данные о подвижном составе, о шлюзах, мостах и тому под., которые нельзя было бы достать, не пользуясь официальными бельгийскими источниками. Брюссельский журнал в феврале 1913 г. писал о том, что Англия и Франция решились не считаться с нейтралитетом Бельгии. В феврале 1914 г. речь шла о французских мероприятиях на северной границе для поддержки бельгийцев.

С мая 1913 г. французские аэропланы и находившийся в Мобеже французский дирижабль предпринимали частые полеты с разведывательными целями, очевидно, с согласия бельгийского правительства, так как протеста с его стороны не заявлялось. Английские морские офицеры производили подробную разведку бельгийского побережья и острова Вальтерен.

„Хроникль" в ноябре 1912 г. говорила о совместных действиях английской, французской и бельгийской армий. Ген. Дюкарн, бывший начальником бельгийского Г. Ш. в 1912 г., говорил о том, что между бельгийским и английским Генеральными Штабами, вероятно, будет достигнуто соглашение.

12 декабря 1909 г. бельгийский министр иностранных дел де-Фаверо, в связи с обсуждением нового военного закона в сенате, уверял, что на основании дипломатических актов, которые ему пришлось видеть за время службы (с 1906 г. по 1909 г.), он пришел к заключению, что договор о нейтралитете Бельгии представлял в то время „не имевший никакой цены клочок бумаги". Возникновение новой германско-французской войны представило бы для бельгийского нейтралитета серьезную угрозу, а именно со стороны Франции, так как впоследствии она была сильно заинтересована с военной точки зрения в том, чтобы провести свои войска на германскую тер-

риторию через Бельгию. В этом случае из военных держав, подписавших договор о бельгийском нейтралитете, оставалась бы только одна Англия, которая в 1870 г. защищала бельгийский нейтралитет; на этот раз она такой роли на себя не взяла бы, вследствие своей дружбы к Франции и ненависти к Германии, тем более, что она не захотела бы мешать ничему, что могло бы подвергнуть Германию опасности. Де-Фаверо советовал поэтому обнародовать договор о нейтралитете и заключить открытый договор с одной из соседних великих держав для защиты самостоятельности. В одной из опубликованных в 1913 г. против воли правительства статей военной академии встречается фраза: „французский главнокомандующий требует, согласно достигнутых соглашений, от бельгийского командования совместных действий против германской армии". На основании таких сведений мы в Г. Ш. приходили все больше к тому заключению, что бельгийцы от своего нейтралитета уже давно отказались.

Насколько мы были правы, было впоследствии доказано найденными в архиве бельгийского Г. Ш. материалами. Соответствующие документы были озаглавлены: „Англо-бельгийские соглашения". Они доказывают, что операции на территории Бельгии были тщательно разработаны уже много лет тому назад.

Уже в 1906 г. велись подробные переговоры между начальником бельгийского Г. Ш. Дюкарн и английским военным атташе в Брюсселе Бернардистон, которые достигли соглашения во всех деталях относительно численности и состава английских вспомогательных войск, их перевозки через Францию в Бельгию, размещения, продовольствия и санитарной помощи. Оберлейтенант Бернардистон предполагал тогда для защиты бельгийского нейтралитета выставить 100.000 англичан. Нужно признать, что в данном случае вопрос шел действительно о нарушении бельгийского нейтралитета. Выступление англичан должно было иметь место только в том случае, если бельгийский нейтралитет будет нарушен немцами. Ген. Дюкарн осведомил англичан о тех мерах, которые были бы приняты бельгийцами до прибытия английской армии: Намюр и Люттих защищены от атак, бельгийская армия в количестве 100.000 чел. была бы в течение 4-х дней готова к тому, чтобы помешать продвижению противника, действуя активно, а не укрываясь сразу же под защиту Антверпена. В том же году начальник английского Г. Ш. Грирсон на французских маневрах воспользовался случаем сообщить ген. Дюкарн о том, что

вследствие реорганизации английской армии явилась возможность высадить в более короткий срок экспедиционный корпус большей численности (150 тысяч чел.).

Захваченные военные карты бельгийского театра военных действий, изданные английским Г. Ш., и уже упомянутый военно-географический справочник о Бельгии еще определеннее доказывают, с какой тщательностью английское военное командование подготовляло операции в Бельгии.

Показательный разговор по этому вопросу имел место 23/IV 1912 г. между начальником бельгийского Г. Ш. Юнгблутом, преемником ген. Дюкарна, и английским военным атташе оберлейтенантом Бриджем. Англичанин утверждал, что английское правительство, в виду последних событий (подразумевается осложнение в Марокском вопросе 1911 г.) высадит на бельгийском побережье свои войска даже в том случае, если Бельгия не будет требовать помощи. Он обосновывал это тем, что бельгийцы были бы не в состоянии собственными силами помешать вступлению немцев в Бельгию. Для высадки предназначалось 6 пех. и 8 кав. дивизий или всего 160.000 чел. Относительно состоявшегося англо-французского соглашения данные привел ген. Жофр (см. ниже).

В данном случае разговор шел, конечно, не о военной конвенции, а лишь о дружественных соглашениях, но сведения, в особенности те, которые сообщались Бельгией Англии о плане военных мероприятий на случай войны, выходят несомненно за пределы нейтралитета. Доклад прежнего бельгийского посланника в Берлине барона Грейндль настойчиво указывает на ту серьезную опасность для нейтралитета Бельгии, которая заставила ее принять военные меры для выступления на стороне западных держав.

Нашему Г. Ш до войны было важно установить, в какую, примерно, форму выльются во время войны совместные действия французов, англичан и бельгийцев. Во французской прессе об этих совместных действиях обсуждалось открыто. Говорилось, что нельзя бельгийцев предоставить самим себе, так как они не могли бы оказать достаточного сопротивления. Постепенно шли дальше. Нужно было, чтобы французы и англичане вовремя приняли бы участие в оказании этого сопротивления. Для этого они должны были бы продвинуться до Мааса. В данном случае естественным пределом французского фронта на севере должна была быть не политическая граница, а река Маас севернее Живе. Являлось также необходимым овладеть Намюром и заблаговременно к этому подготовиться. („Арме

модерн" 1912 г., „Спектатер милитер" 1913 г., „Эко де Пари"
[illegible]мюр являлся необходимым опорным пунктом для левого фланга французов и служил звеном между французами и англичанами. Очевидно, рассчитывали на то, что высадившиеся в Дюнкирхене, Кале и Булони англичане будут подвезены по железной дороге на Маас. Считали, что, пока англичане будут итти на Люттих, французы будут наступать левым флангом на линию Мааса, в направлении Живе-Намюр. В этом случае, если бы немцы вторглись в Бельгию, явилась бы возможность предупредить охват французского фланга. В том, что выдвижение на Намюр повлечет за собой выдвижение немцев на Люттих, французы отдавали себе ясный отчет.

Также считалось само собой понятным, что с самого начала войны немцы займут Люттих, а французы Намюр. Определенно предвидеть, какие силы французов будут назначены для наступления в Бельгии к р. Маас, было нельзя; будут ли это расположенные за левым флангом резервные дивизии I-го арм. или же II-го арм. корпуса, было неизвестно. Мы считали наиболее вероятным, что для этого предназначен I-й арм. корпус. В „Эко де Пари" 1911 г. называли II-й арм. корпус который в составе мирного времени должен был немедленно занять Намюр, а затем усилиться до 50.000—100.000 чел. Во всяком случае, согласно „Журналь де сианс милитер" 1912 г., надо было считаться с тем, что на крайнем левом фланге будет находиться „много кавалерии—почти вся французская кавалерия". Мы должны были это понимать, как указание на то, что кавалерия предназначается для движения в Бельгию и Люксембург.

Стратегический план и первоначальные оперативные намерения французов мы представляли себе в следующем виде: главные силы—в районе Шомон—Нефшато—Барледюк-С.-Менгуд-Шалон на/М., более слабые армии и группы резервных дивизий, отделенные от главных сил довольно большими промежутками—на флангах. На фронте от Бельфора до Живе должны были находиться для защиты границы 5 арм. корпусов и 10 кав. дивизий, из которых большая часть на левом фланге. Было неясно, разделены ли французские силы на 5 или 6 армий; мы считали, что вернее на 5. Предполагалось, что XIV и XV арм. корпуса, находившиеся до тех пор на альпийской границе против Италии, примут участие в наступлении против Германии на левом фланге французов. Также считались со своевременным прибытием для наступления против Германии XIX арм. корпуса из Африки. Думали, что резервные дивизии, число

коих принималось в 20, будут соединены в отдельные группы и частью распределены по армиям.

Охрана границ, сравнительно с прежним, была усилена.

В связи с введением трехлетнего срока службы, был образован новый XXI арм. корпус. Одновременно был перемещен на границу II арм. корпус, который принял на себя часть территории, занятой до тех пор VI арм. корпусом.

Группировка французских сил представлялась нам в следующем виде:

По одной армии из 4—5 корпусов в районах Эпиналя, Туля и Вузье-Ретеля.

Между армиями Туля и Вузье-Ретеля предполагался VI арм. корпус у среднего Мааса, в районе С.-Мишель—Верден.

У Мобежа—группа, предназначенная для наступления на линию Живе—Намюр (1—2 арм. корпуса и некоторое количество резервных дивизий).

Главные силы из 7 или более арм. корпусов, составляющих 2 армии, в упомянутом районе на линии Нефшато—С.-Менгуд и западнее.

По одной группе из 4—6 резервных дивизий каждая, на правом фланге у Мор-Везуль и за левым флангом у Лаон-Лафер. Назначение остальных резервных дивизий было неизвестно.

Альпийская армия состояла лишь из нескольких территориальных формирований. Относительно альпийских стрелков, резервных дивизий и 2-х колониальных дивизий, входивших в состав альпийской армии, считали, что они „по выяснении политического положения будут использованы против Германии".

Мы считали, что полевые и резервные войска могут быть готовы к выступлению на 13-й день мобилизации.

Общая численность армии противника определялась нами в 22 арм. корпуса из 46 пех., 10 кав., 20½ резерв., 4 крепост. (главные разеры больших крепостей, составленные из полевых и резервных войск), 12 или больше территор. дивизий, причем по нашим расчетам должно было находиться в:

полевых войсках	2.150 000 чел.
гарнизонных	510.000 „
резервных	690.000 „
территориальных	760.000 „

При этом могли еще остаться значительные гарнизонные войска в Сев. Африке и на о. Корсике (115.000 туземцев в Сев. Африке и 12.000 на о. Корсике). Включая эти части,

общая численность французской армии достигала 3.200.000 чел.

Добавляя к этому числу все гарнизонные и территориальные войска, получалось круглым числом 4.300.000 чел.

Все предположения относительно стратегического плана покоились на ненадежном фундаменте и имели только известную степень вероятности.

Стратегический план в такой форме должен был рассматриваться, как подготовка к наступлению. Стратегический план, предусматривавший сначала контр-наступление против немецкого наступления, в последнее время перед войной был переработан для немедленного стратегического наступления. Благоприятные условия для наступления главных сил должны были создать наступление французов на правом фланге в Верхнем Эльзасе и на левом фланге выдвижение на бельгийскую часть реки Мааса. Главный удар мог быть направлен в Лотарингию или через Верден или еще севернее.

Выдвижение к линии Мааса на Намюр—Живе и занятие Намюра должны были, в связи с продвижением англичан к Маасу и сосредоточением бельгийцев на линии Люттих—Намюр, прикрывать левый фланг французских главных сил, предназначенных для нанесения главного удара в Лотарингии через Верден или Бельгию. Одновременно требовалось оказать поддержку бельгийцам и обеспечить совместные действия с ними и англичанами. Соглашения относительно этого были достигнуты.

На правом фланге французское военное командование уже давно, повидимому, составило план вторжения в Верхний Эльзас, но оно не рассматривалось как главный удар. „Наступление в этом направлении приводило в тупик и было бесцельно", писал полк. Груар в 1911 г.

Принимая во внимание немецкие крепости в районе Верхнего Рейна и Брейшталя, генер. Мэтро в 1911 г. считал Верхний Эльзас также тупиком, невыгодным для французского наступления. Попутная же операция в Верхнем Эльзасе могла представлять выгоды, т. к. можно было бы занять часть страны, приобретение которой являлось целью войны. Овладение Мюльгаузеном, Шлетштадтом и Кольмаром явилось бы во всяком случае внешним успехом, рассчитанным на поднятие французского настроения. Но главный смысл такого наступления заключался в том, что благодаря ему могли бы быть оттянуты немецкие силы от происходящих в Лотарингии и Бельгии главных операций. Французы рассчитывали встретить в Верхнем Эльзасе лишь слабые силы немцев и, следовательно, думали

легко добиться там успеха. По нашему мнению, для наступления в Верхний Эльзас французы располагали двумя пограничными корпусами, VII и XXI-м, главным резервом Бельфора и несколькими резервными дивизиями правофланговой группы, а также одной кавалерийской дивизией. Конечно, во Франции не могли не считаться с тем фактом, что при успехе немцев эти силы могли понадобиться для главных операций. Тем не менее мы в Г. III. считали вторжение французов в Эльзас вероятным, но думали, что эта операция является частной.

Во время указанных операций на обоих флангах могло завершиться сосредоточение главных сил, готовых к наступлению в любом направлении. Имелось в виду стратегическое наступление, но определенного направления для него заблаговременно установлено не было; наоборот, французы оставляли за собой свободу действий, чтобы начать операцию в зависимости от обстановки. Это вполне отвечало французским оперативным и тактическим взглядам (см. выше).

Французы намеревались „маневрировать". Мы знали, что для стратегического наступления главных сил было разработано несколько вариантов, но подробности о них нам были неизвестны. Во всяком случае, они предусматривали возможные стратегические переброски в том или другом направлении на основании заранее выработанного плана перевозок.

Какое же предполагалось маневрирование, в каком направлении должен быть направлен удар? Нам казалось, что французы расчитывали действовать по внешним операционным линиям, опираясь на сильно укрепленный фронт Туль—Верден. На это указывала в 1911 г. „Ля Франс милитер". Он позволял перебрасывать войска беспрепятственно и скрытно. Наступление в Лотарингию между Метцом и Страсбургом считалось затруднительным. Бонналь выражал мнение, что местность для наступления прямо на Саарбург крайне неблагоприятна: там много озер, к которым непосредственно примыкают Вогезы. „Ревю милитер женераль" („сущность национальной обороны") относилась к этому плану тоже скептически: „наступление столкнется на фронте с неблагоприятной местностью, на которой, вероятно, сверх того имеются еще и укрепления; кроме того, фланги подвержены угрозе со стороны Метца и Страсбурга". Удар из Метца мог остановить наступление французов в Лотарингию, между тем как слабый левый фланг французов, который должен был противодействовать охвату немцев в районе Седана, мог быть разбит немцами. В этом случае французы погибли бы. „Только чрезвычайно способный и смелый главнокомандующий

мог бы решиться на такую операцию". Ген. Мэтро еще выше оценивал трудности наступления между Метцом и Страсбургом. Он говорил: „между орудиями Метца и Вогезами остается пространство всего лишь в 70 км. Оно разделено на две узкие полосы озерами Диез и Саарским угольным каналом. Неужели французы решатся войти в это дефиле, где их фланги у Метца и Страсбурга будут находиться под угрозой: вероятно нет, так как это было бы безумием". Наступление между Метцем и Страсбургом не рекомендовал и „Журналь де сианс милитер" 1912 г. Мордак („Политика и стратегия" 1912 г.) замечал: „бросается в глаза, что обе эти крепости явятся для нас сильной помехой при наступлении против фланга немецких масс". Удивительно, что, несмотря на подобные соображения, в 1913 г. французская пресса много говорила о наступлении в Лотарингию. Так, в мае „Журналь де сианс милитер" требовал, чтобы французское наступление было направлено между Метцем и Страсбургом. „Ля Франс милитер" в сентябре 1913 г. высказывалось в том смысле, что чем крупнее будут немецкие силы в Бельгии, тем благоприятнее будут условия для французского наступления в Лотарингии. Подобное же мнение высказывал и ген. Лакруа,

Параллельно с этими мнениями, многие высказывались за наступление через Верден или севернее. При этом требовалось немедленное вступление французов в Бельгию. Операция в этом случае находилась в связи с уже упомянутым выдвижением левого фланга французов к Маасу и с действиями англичан и бельгийцев. Французы, повидимому, рассчитывали при этом движении встретить левый фланг наших армий, наступающих через Бельгию. Мнение французов нам преставлялось в следующем виде: „французы не допускают наступления немцев сплошным и равномерно сильным фронтом на линию Вогезы-Мезьер; они предполагают движение наших войск в форме известного количества отдельных разделенных промежутками и свободно маневрирующих армий".

Принимая во внимание все сказанное выше, германский Ген. Штаб с уверенностью расчитывал на выдвижение левого фланга французов к бельгийской части р. Мааса и правого фланга в Верхний Эльзас. Куда бы оказалось направленным наступление главных сил, в Лотарингию или в Люксембург и Бельгию или, наконец, в обоих направлениях—оставалось неизвестным. Мы рассчитывали скорее на направление главного удара от Вердена в Бельгию и Люксембург.

Если мы теперь сравним фактическое развертывание французов в 1914 г. с нашими о нем предположениями, то мы должны будем упомянуть о том, что германское правительство 2-го августа 1914 г. потребовало согласия бельгийского правительства на вступление в Бельгию: „Императорское правительство располагает достоверными данными о предполагаемом развертывании французских сил на линии Мааса от Живе до Намюра. Оно не оставляет сомнения в намерении Франции вторгнуться в Германию через бельгийскую территорию. Германия не может не опасаться, что Бельгия без посторонней помощи, несмотря на все желание, не будет в состоянии помешать французскому наступлению настолько, чтобы гарантировать Германии достаточную безопасность. Инстинкт самосохранения Германии требует предупредить вражеское наступление". Из этого видно, что во Франции были заблаговременно осведомлены о том, что Германия вступит в Бельгию и, следовательно, могла принять соответствующие меры. Французская армия выступила в составе: 44 пех., 1 марок., 3 колон., 25 резервн. и 10 кавал. дивизий. Альпийская армия, как мы и предполагали, была тотчас же привлечена к операциям против Германии. Таким образом, наши предположения в общем оправдались.

О французском развертывании за последнее время удалось получить более подробные сведения. В „Журналь офисиель" опубликован отчет французской комиссии, выяснявшей причины весьма ощутительной для французской промышленности потери района Брие. В нем находятся подробные данные о намерениях и распоряжениях французского верховного командования от августа 1914 г. Затем ген. Жофр опубликовал в ноябре 1919 г. „документы великой войны", предназначавшиеся для этой комиссии. („Подготовка к войне и ход операции до битвы на Марне"). Труд Томассона („Оборотная сторона 1914 года") также трактует о французском развертывании и операции в августе 1914 г. Если до сих пор некоторые факты еще не совсем выяснены и встречаются противоречия между различными описаниями, то в общем все же получается достаточно верная картина. На этом следует остановиться подробнее, чтобы, с одной стороны, показать, насколько правильно до войны наш Ген. Штаб судил об ожидаемых операциях французов, а также и для того, чтобы иметь основание для сравнения французского и германского операционных планов. Сравнение покажет, что основная мысль нашего операционного плана была безусловно правильной. В основании французского развертывания и первых

операций лежал „мобилизационный план № 17“, утвержденный весной 1913 г. В то время, как до плана № 16 французское развертывание достигало только Вердена, в плане № 16, а еще более в плане № 17 оно отодвигалось к северу. Ген. Бертело определенно указывал упомянутой комиссии, что и по плану № 17 левый фланг не заходил за Мезьер. Это было сделано для того, чтобы не допустить и тени подозрения относительно намерения французов вступить в Бельгию.

В первую очередь выдвигались между Бельфором и Мезьером 4 армии, состоявшие из 18 арм. корпусов и 8 резервных дивизий, распределенных по армиям. 1 армия в районе Бельфор—Эпиналь, 2 армия в районе Туль—Нанси, 3 армия в районе Вердена и 5 армия северо-западнее Вердена до Мезьера. 7 кав. дивизий были распределены по армиям, а 3 кавал. дивизии соединены в кавалерийский корпус Сорде и сосредоточены севернее Седана.

Во вторую очередь выставлялась 4 армия из 3 арм. корпусов в районе С. Менгуд-Барледюк, Витри-лефрансуа-Сюипп.

По одной группе резервных дивизий сосредоточивалось на обоих флангах: 1 группа у Везуля и 4 группа восточнее Лаона между Вервен и Эн.

В общем, такое развертывание отвечало нашим предположениям, только силы с самого начала оказались расположенными более развернуто и не имели той глубины, как мы думали. Резервная армия была сдвинута более к северу и была сравнительно слабее, чем предполагавшиеся нами „маневренные массы“. Таким образом, группировка французских сил была расчитана скорее на стратегическое наступление, чем на контрнаступление, как это мы предполагали до войны. Фактически она отвечала французским намерениям. По окончании сосредоточения всех сил, французы предполагали перейти в наступление: 1 и 2 армия главными силами между Вогезами и Мозелью, 1 в направлении на Саарбург и 2 на Морхинген, 7 же арм. корпус с 8 кав. дивизией от Бельфора и Вогез на Кольмар; таким образом, правый фланг мог упереться в Рейн, получив здесь свое прочное обеспечение.

5 армия и кавалерийский корпус севернее линии Верден—Метц. Эта армия должна была сомкнуться вправо и итти между Верденом и бельгийской границей на Диденгофен.

В центре 3 армия была предназначена служить связью между обеими группами, наступающими в указанных выше направлениях, с целью отбросить наступающего со стороны Метца противника и затем осадить Метц.

За 3 должна была следовать 4 армия.

1 группа резервных дивизий должна была либо защищать нейтралитет Швейцарии, либо обеспечивать правый фланг 1 армии и содействовать окружению Страсбурга и Нейбризаха.

4 группу резервных дивизий предполагалось употребить для усиления одной из армий центра или левого фланга. Общая цель операции заключалась в окружении Метца и продвижении к Рейну.

Но этот план с соответствующими операциями не получил осуществления. С самого начала был предусмотрен вариант развертывания (см. выше) на случай нарушения немцами бельгийского нейтралитета.

В этом случае 5 армию предполагалось оттянуть влево от Мезьера настолько, чтобы она могла войти в Бельгию восточнее Мааса. Образовавшуюся брешь должна была заполнить 4 армия, занимающая промежуточное между 3 и 5 армиями положение, с тем, чтобы наступать на Арлон. Кавалерийский корпус Сорде предполагалось сосредоточить восточнее Мезьера и двинуть в направлении Нефшато для разведки проходящих по Южной Бельгии немецких колонн и для замедления их движения. К нему должен был присоединиться пехотный полк, чтобы, быстро двинувшись на Динан, занять мосты на Маасе между Намюром и Живе. Уже 2-го августа, после того как в этот день было вручено в Брюсселе немецкое требование, этот вариант вошел в силу. 4 армия была соответственно передвинута к северу и могла разместиться между 3 и 5 армиями севернее Вердена. 5-го августа, как и предполагалось, был занят Динан. Так как планомерные передвижения войск начались только 5-го августа, то говорить об изменениях стратегического плана и перевозок, в связи с получением сведений о вступлении немецких войск в Бельгию, не приходится. Переброски с самого начала производились на основании принятого к исполнению варианта. Создается впечатление, что развертывание по плану № 17 должно было оставаться на бумаге и служить главным образом политическим целям. Французы хотели свалить вину за нарушение бельгийского нейтралитета на нас и могли, ссылаясь на план № 17, доказать, что он затрогивал территорию Бельгии, а не был расчитан на наступление французов по обе стороны Метца в направлении к германо-французской границе. Упомянутые фразы ген. Бертело также указывают на это. Что наступление, предположенное планом № 17, имело мало шансов на успех, это признавал вероятно и Французский Ген. Штаб. Это наступление распадалось на два

отдельных французских наступления, разделенных крепостным районом Метц-Диденгофен. Северное крыло не имело достаточно пространства для развития маневра, южное — должно было встретить между Метцом и Вогезами препятствия, о которых уже упоминалось выше.

Следовательно, действительным планом являлся тот, который был предусмотрен вариантом. При этом левый фланг распространялся к северу и находился настолько близко к бельгийской границе, что мог быть использован только при условии вступления в Бельгию и Люксембург. Вариант также определенно предусматривал немедленный переход в наступление по окончании сосредоточения сил.

Находится ли в опубликованных французских источниках все, что касается стратегического плана и первоначальных оперативных намерений, или кое о чем умалчивается—неизвестно. Вероятно, предполагаемыми мероприятиями предусматривалось, что продвижение правого фланга немцев будет иметь место только на правом берегу Мааса, а не далее к северу. Во всяком случае, если бы понадобилось удлинить левый фланг французов, то кроме английской и бельгийской армии могли бы быть подтянуты подкрепления с альпийской границы, из Алжира и Марокко.

Маршал Жофр в комиссии высказал мнение, что совместные действия с английской армией, то-есть ее десант, сосредоточение и действия на левом фланге французской армии подготовлены во всех деталях. Для этого было разработано секретное добавление к плану № 17, в котором английская армия обозначалась „армией W". Англичане должны были сосредоточиться у Авена. Невольно рождается вопрос, какое другое применение, кроме вступления в Бельгию, могла получить английская армия по окончании своего сосредоточения и в дальнейшем при переходе в наступление. Французы утверждали, что бельгийские мероприятия, в случае нарушения немцами нейтралитета Бельгии, им не были известны. Это утверждал в своих воспоминаниях Френч. Предполагали, что Бельгия будет противодействовать вступлению германцев на ее территорию, но относительно совместных действий якобы ничего определенного известно не было. Но с выше приведенными фактами это положение согласовать трудно. Фактически бельгийцы развернулись на линии Мааса (Люттих-Намюр), как мы это и ожидали. Обращает на себя внимание еще то обстоятельство, что уже в августе бельгийцы решились отойти за Гетту и сосредоточились на линии Тирлемон-Иодуань, имея кавалерию на левом фланге.

В Намюре оставалась одна дивизия; дивизия, находившаяся в Люттихе, была присоединена к армии. Здесь бельгийцы хотели выждать момента, когда французы займут Маас, выше Намюра. (Эгли „Стратегический план и передвижения французской, бельгийской и английской армии на Западном театре войны до 23 августа 1914 г.". Берлин, Миттлер и с-н, стр. 14). Без своевременного продвижения французов на Маас бельгийская армия в таком положении осталась бы висеть в воздухе. В бельгийском отчете бельгийская армия определенно характеризуется, как авангард французов и англичан. (Эгли, стр. 8). Получается впечатление, что все это основано на предварительных соглашениях.

Звучало очень просто, ясно и определенно, что тотчас же по окончании сосредоточения следовало перейти в наступление по всему фронту. На самом же деле, это было не так-то просто до тех пор, пока не были известны намерения противника. Французы не знали, далеко ли к северу простирается правый фланг немцев и каковы его силы. Интересно проследить, как постепенно изменялись взгляды и распоряжения французского военного командования, по мере получения сведений о немцах.

8-го августа ген. Жофр считал, что главные силы немцев концентрируются в районе Метца, Диденгофена и Люксембурга, в то время, как одна немецкая армия из 5 корпусов собирается вступить в Бельгию. Следовательно, он сильно недооценивал размер немецкого фланга. Его намерения в отношении наступления 1 и 2 армии, VII арм. корпуса и 8 кав. дивизии, а также относительно использования 1 группы резервных дивизий оставались теми же, как было предусмотрено планом № 17. В центре и на левом фланге должны были сосредоточиться: 4 армия западнее Вердена (по обоим сторонам Клермона в Аргонах), 5 армия между Вузье и Обентоном (восточнее Вердена) и 4 группа резервных дивизий у Вердена.

Ген. Жофр полагал, что против наступающих севернее Мааса небольших сил немцев достаточной защитой явятся англичане. 3 армия должна была быть выставлена, как и прежде, против Метца, но вместе с тем и быть наготове, имея заслон против Метца, для наступления левым флангом через Дамвилье к северу.

13-го августа были получены сведения о наступлении немцев севернее р. Маас. Ген. Жофр считал, что опасность обхода с этой стороны невелика и что для противодействия ему будет достаточно сил англичан и бельгийцев, а также 4 группы резервных дивизий, подтянутой к Гирзону. Его план

состоял в том, чтобы прорвать центр германского фронта в то время, когда крайний правый фланг немцев стал бы осуществлять свой глубокий обход.

В этой операции должен был участвовать левый фланг французов, усиленный следующим образом: 3 армия—резервными дивизиями, 5 армия—двумя африканскими дивизиями 4 группы резервных дивизий и одним арм. корпусов (XVIII) из 2 армии; 4 армия—двумя дивизиями IX арм. корпуса 2 армии и одной марокканской дивизией. 4 и 5 армии должны были быть наготове для наступления за линией Мааса на участке Дюн-Мезьер. Это наступление было задумано собственно как контр-наступление. Уже становилась заметной зависимость от противника; о немедленном вслед за стратегическим развертыванием общем наступлении уже не было и речи. Только до тех пор, пока противники были еще очень далеко друг от друга, движение обоих армий в Бельгию сохраняло свое значение. Задача 3 армии не изменилась. До перехода в общее наступление немецкие силы должны были отвлечь от главного театра военных действий: наступление французов от Бельфора в Эльзас и наступление 1 и 2 французских армий в Лотарингию. Последние получили поэтому приказ о наступлении на 14 августа. Наступление VII арм. корпуса в Зундгау началось уже 7-го августа.

Командующий 5 армией на левом фланге французов ген. Ланрезак, в противоположность главнокомандующему, считал опасность, угрожающую левому флангу, гораздо большей и представил по этому поводу свои соображения. Когда постепенно на правом фланге немцев были установлены значительные силы, ген. Жофр принужден был также постепенно сдвигать свои войска все дальше и дальше к северу. Ген. Ланрезак сначала был уполномочен для защиты Мааса передвинуть 1 арм. корпус к Динану и затем отойти со своей армией к северу, чтобы двигаться западнее Мааса на Самбру. 15-го и 18-го августа были отданы новые соответствующие обстановке приказы. 21-го августа по окончании сосредоточения должно было начаться общее наступление, от которого высшее командование ожидало развязки.

5 армия должна была итти севернее Мааса на Филиппвиль и совместно с бельгийцами и англичанами встретить наступающего между Живе и Брюсселем противника. Ей были подчинены: кавал. корпус Сорде и 4 группа резервных дивизий. 4 армия должна была быть готова к наступлению южнее Мааса с линии Монмеди-Седан в направлении Нефшато и западнее.

Задача 3 армии становилась также наступательной; она также должна была принять участие в ударе. 17-го августа от нее был отделен отряд Дюрана и 18-го вместо нее была сформирована Лотарингская армия под командой ген. Монури для прикрытия со стороны Метца и для его осады в дальнейшем. Таким образом, 3 армия могла развернуться в районе Яметц-Этен (севернее Вердена), чтобы наступать в направлении Лонгви-Арлон. Англичанам было предложено наступать севернее Самбры на Суаньи.

Французский главнокомандующий остался следовательно при мысли прорвать пемецкий центр силами 3 и 4 армий, причем 5 армия совместно с англичанами должна была сдерживать противника с севера, а бельгийцы и кавалерийский корпус Сарде должны были наступать против фланга правого крыла немцев. Относительно этого крыла ген. Жофр думал, что он будет наступать южнее Брюсселя. На самом же деле, английское сосредоточение закончилось только 23-го августа, а бельгийцы решили 18-го августа отойти к Антверпену. Быстрое продвижение 1 германской армии нарушило этот план.

Начавшееся 14-го августа общее наступление 1 и 2 французских армий уже 20-го потерпело неудачу; несмотря на это ген. Жофр все же продолжал настаивать на выполнении своего плана. 20-го августа были отданы последние распоряжения для решительного наступления, которое должно было начаться 21-го по линии Лонгви-Мезьер. Следовательно, ему все еще не были известны действительные силы и протяжение наступающего севернее Мааса правого крыла немцев, если он для противодействия ему намеревался использовать только одних англичан и бельгийцев. По мнению докладчика вышеупомянутой комиссии французы расчитывали, что севернее Мааса из немецких частей находились только те, которые преследовали отступавших бельгийцев и потому надеялись захватить противника в тиски между 5 и 4 армиями южнее Самбры и Мааса.

Это было тяжелое заблуждение.

Вдруг положение сразу выяснилось. 21-го августа были получены достоверные сведения: большие неприятельские силы, двигаясь севернее Самбры к западу, шли на Шарлеруа, Нивелль, Ватерлоо и от Брюсселя на Нинон и Галь. Бельгийцы сообщали, что они в соответствующий момент перейдут в наступление из Антверпена, куда отошла их армия. Ген. Жофр не смущался. Он все еще расчитывал на превосходство сил и послал 23-го августа соответствующее сообщение в Париж:

„Стратегическое развертывание закончено. Главная масса противника будет поражена в самом уязвимом месте, дело только в том, как это будет выполнено подчиненным командованием".

4 армия должна была продолжать свое движение на север и атаковать встречающегося ей по пути противника. Целью наступления было—теснить к Маасу все неприятельские силы, на которые пришлось бы натолкнуться в районе между Динаном, Намюром и Уртой.

3 армия должна была следовать за 4 армией, обеспечивая ее правый фланг от противника со стороны Люксембурга.

Так гласил приказ Жофра 21 августа.

Повидимому, о движении германских сил он составил себе именно ту картину, как мы предполагали (см. выше). Он рассчитывал наступлением в северном направлении превосходными силами неожиданно поразить немцев, идущих по Бельгии в западном направлении. Вскоре эта ошибка должна была выясниться в полной мере.

22 августа французская 4 армия натолкнулась на идущего ей навстречу врага, который был гораздо сильнее, чем ожидали. В результате 4 армия должна была отступить.

Ген. Жофр рассчитывал на успех 5 армии. 23 августа в сражении у Шарлеруа с 2 германской армией наступление 5 французской армии потерпело полную неудачу. Англичане были отброшены 1 германской армией у Монса и отошли на Мобеж-Валансьенн.

Командующему 5 армией ген. Ланрезаку французами было поставлено в заслугу то, что он во-время прекратил бой, не допустив окружения своей армии. 24-го ген. Жофр одобрил это решение. Действительно ген. Ланрезак находился в крайне опасном положении: в центре он сражался со 2 германской армией, переправлявшейся к западу от Намюра через Самбру в южном направлении; справа ему угрожала двигавшаяся с востока на Динан 3 германская армия. Если бы 3 армия, вследствие настоятельной просьбы 2 армии о непосредственной поддержке, не уклонилась бы от основного правильно рекомендованного ей также и высшим командованием плана—наступать против фланга и тыла армии Ланрезака в более юго-западном направлении, приблизительно на Живе и южнее, то Ланрезак погиб бы.

24 августа наступавшая в западном направлении 3 германская армия встретила лишь отступавшего уже противника.

Теперь Монури должен был защищать линию Верден—Туль, 3 французская армия должна была отойти на Мон-

меди — Дамвиллер — Азанн, 4 армия на Музон — Стене, 5 армия на Живе—Бомон—Мобеж; в это время англичане задерживали противника между Валансьеном и Мобежем и в случае необходимости должны были отходить на Камбре.

Ген. Жофр сообщил военному министру о том, что общее наступление потерпело неудачу: „Наши арм. корпуса, несмотря на численное превосходство, не оказали в открытом поле тех наступательных способностей, которых мы ожидали после начальных частичных успехов. Поэтому мы должны перейти к обороне, опираясь на наши крепости и укрепленные районы".

В соответствующий момент опять предполагалось перейти в наступление. Докладчик вышеупомянутой комиссии замечает: „Немцы сосредоточили на правом фланге всю свою наступательную силу и располагали там своими лучшими корпусами. Против этого фланга, состоящего из отборных немецких войск, находился французский левый фланг, состоявший из наскоро собранных, не однородного состава французских частей, не объединенный единым командованием и потерявший прочность положения". Так совершилось неизбежное.

Таким образом, сам противник подтвердил правильность основной мысли нашего операционного плана. Охват оказался лучшей формой наступления, чем прорыв, несмотря на то, что последний, как признает и сам ген. Жофр, был предпринят с превосходными силами.

Остается еще сказать вкратце о событиях на правом фланге французов.

Наступление 7. арм. корпуса от Бельфора на Мюльгаузен началось еще 7-го августа; оно не удалось. Возобновленное позже французское наступление в Верхний Эльзас также не увенчалось успехом. Мы не позволили связать себя этой операцией и бывшие там наши силы были оттуда большей частью уже переброшены.

Наступление левого фланга 1 армии, а также 2 французской армии началось 14-го августа в направлении на Саарбург и Саарбрюкен.

В большом сражении в Лотарингии 20—22 августа французы были разбиты баварским кронпринцем и отошли за Мерту. Несмотря на это, французы все же добились своей цели— оттянуть значительные силы немцев от решающего сражения.

Наши 6 и 7 армии слишком далеко преследовали врага, поставив себе целью атаковать укрепленный район Нанси и прорваться через Мозель между Тулем и Эпиналем. Обе армии были поставлены перед неразрешимой задачей.

Наступление через Мозель между Тулем и Эпиналем было невыполнимо. Этот район не был укреплен французами сознательно. За несколько лет до войны в Главном Штабе по этому вопросу был составлен на основании личных впечатлений доклад, который указывал на следующее: этот район является необыкновенно прочно защищенным. Мозель ниже Эпиналя представляет из себя уже значительную реку, от 40 до 50 метров шириной. Кроме того, проложенный рядом с рекой широкий и глубокий канал является вторым трудно преодолимым препятствием. Долина р. Мозель, шириною от 1 до 2 кл., частью совершенно ровная, не имеет укрытий. Левый берег долины благоприятнее для обороняющегося, чем правый для наступающего. Оба фланга обороняющегося примыкают к большим крепостям. Нападающий должен ограничить свои действия только фронтальным наступлением, причем его флангам угрожают крепости. По опыту Русско-Японской войны чисто фронтальное наступление против таких позиций по крайней мере отняло бы очень много времени и война здесь приняла бы позиционный характер. В отношении всего Мозельского района (Бельфор—Эпиналь—Туль) в докладе говорилось: „Наступление немцев в этом направлении было бы француазам на руку. Свойства местности будут иметь значение в полной мере, крепости тоже окажут свое влияние и нападающая сторона неизбежно будет принуждена перейти от маневренной войны к позиционной. Французы же воспользуются этим рубежом, чтобы перегруппировать свои силы и затем перейти в наступление превосходными силами в каком-либо ином месте". На этом основании предполагалось в случае надобности против Мозельского участка произвести демонстрацию незначительными силами, чтобы обмануть противника и приковать находящиеся здесь его силы.

К сожалению, наступая на Мозель, мы давали французам возможность „маневрировать", как то было указано выше. Противник перебросил с Мозельского участка по железной дороге большие силы и в сентябре в битве на Марне ударил заново сформированной армией Монури от Парижа во фланг нашего ослабленного за это время правого крыла в то время, когда последний начал свое обходное движение.

Принятие подобных решений—дело высшего командования и Главный Штаб за их последствия не отвечает.

Докладчик следственной комиссии в конце своего доклада говорит о том, что после общего наступления французов дорога на Париж немцам была открыта. В ночь с 24 на 25 августа

военный министр потребовал от ген. Жофра присылки в Париж по крайней мере одной армии из 3 арм. корпусов для защиты столицы.

В конце августа обстановка складывалась для нас во всех отношениях благоприятно. Противнику на всем фронте от Эльзаса до Монса было нанесено поражение; наши главные силы левого фланга в Лотарингии, благодаря победе у Саарбурга и отступлению французов, были в безопасности. Если бы мы своевременно отправили и перевезли части 6-й и 7-й армии на правый фланг и если бы мы его не ослабили отправкой двух арм. корпусов в Россию и двух других корпусов к Антверпену и Мобежу, для каковой цели должны были быть наготове другие формирования, то, несмотря на численный перевес противника, Марнская битва в сентябре стала бы для нас большой победой.

Предположения, которые делал Германский Главный Штаб в мирное время о вероятных операциях французов (см. выше), оправдались почти по всем пунктам. В особенности оказалось верно то, что противник не предусматривал как раньше наше наступление, чтобы ответить на него контр-наступлением, а намеревался сам начать немедленно стратегическое наступление. Это вполне соответствовало соглашению, установленному франко-русской военной конвенцией.

Наступление через Бельгию ставилось нам в тяжелый упрек. Интересно проследить, что думали по этому поводу французы до войны.

„Германии не только выгодно, но она прямо-таки принуждена вести наступление через Бельгию", писала „Арме э Демократи" в 1911 г. Один из сенаторов в заседании 6/IV 1911 г. высказался по этому поводу следующим образом: „Сильные укрепления на восточной французской границе и недостаток места для развертывания между Люксембургом и Вогезами побуждают немцев распространиться дальше к северу. Только таким способом они могут развернуть все свои силы и предпринять желаемый ими охват".

В том же смысле высказался 23/I 1908 г. в „Тан" Рейнгольд Канн. Он указывал на то, что восточная граница Франции благодаря укреплениям совершенно неприступна. „Нельзя допустить, что немцы будут пробовать прорваться через два узких прохода между люксембургской границей и Верденом и между Тулем и Эпиналем, в то время как они могут, пройдя через Люксембург и Бельгию, без труда обойти линию французских крепостей. Стоит только посмотреть на карту, чтобы

убедиться в том, что юго-восточная Бельгия является естественным путем наступления для большей части германских корпусов".

Наступление через Швейцарию исключалось ввиду больших естественных препятствий и значительной силы сопротивления швейцарской армии. Наоборот, путь через Бельгию пролегал по богатой стране с хорошо развитой сетью железных и других дорог. (Ген. Метро 1911 г.).

В общем, во Франции упрочилось мнение, что Германия не сможет наступать иначе как только через Бельгию. При этом о бельгийском нейтралитете почти не было и речи, все сводилось только к военным соображениям.

Разница во взглядах французов состояла только в определении численности германских сил, предназначаемых для наступления через Бельгию и как далеко распространятся они к северу, а также в том, как будут действовать немцы в Лотарингии.

До 1909 г. французы определенно ожидали, что они будут атакованы с фронта со стороны Лотарингии и Вогезов. Кроме того, они предполагали, что правый фланг немцев будет наступать через Южную Бельгию и Люксембург. Позже явилась уверенность в том, что через Бельгию немцы будут наступать крупными силами. Об этом заключали по постройке железнодорожной сети в Рейнской провинции.

В последнее время перед войной часто выражалось даже такое мнение, что главные силы немцев пойдут через Бельгию и что их правый фланг захватит, быть может, район севернее Мааса, а в Лотарингии для операции будут оставлены небольшие силы. „На линии Метц—Базель следует ожидать лишь демонстраций или оборонительных действий". („Ля Франс Милитер"). „Сильные крепости Диденгофен и Метц будут служить маневренной осью для германских передвижений, которые будут итти главным образом через Бельгию. Метц является защитой фланга немецкого маневрирования" („Арме э Демократи" 1911 г. и „Эко де Пари" 1912 г.). Являлись ли крепости Лотарингии уже тогда достаточной защитой левого фланга немцев и позволяли ли они произвести переброску всех сил на север,—в этом уверены не были. Ген. Метро в тот момент сомневался в этом, но в будущем был уверен, что это будет именно так. „Французские мероприятия заставляют немцев переносить центр тяжести все более к северу. Фронт Верден—Туль неприступен. Шармский проход, бывший первоначально в 65 км. ширины, сократился вследствие расширения Туля и Эпиналя до 40 км.;

кроме того, дороги через этот проход преграждены только что возведенными укреплениями у Манонвилье и Пон-С.-Венсен. Шармского прохода больше не существует. Главные силы немцев в будущем пойдут не через Лотарингию, а по Рейнской области в районе Кельна—Аахена—Трира—Кобленца; в Лотарингии останется только наблюдательная армия".

В начале войны Французский Главный Штаб полагал, что крупные силы немцев сосредоточатся в Лотарингии и что правый фланг германцев достигнет в крайнем случае Мааса, но никак не дальше.

Наступление нашего сильного правого фланга севернее Мааса застало французов совершенно врасплох и опрокинуло все их планы.

Возражения против суждений Генерального Штаба.

После вышесказанного каждый может судить о том, была ли правильна оценка французов нашим Главным Штабом. Полк. Иммануэль („Победы и поражения в мировой войне") утверждает, что по численности французская армия равнялась приблизительно немецкой, и что Франция упорной работой достигла того, что ее армия стала превосходной; это недостаточно оценивалось даже в кругах Германского Главного Штаба. После сказанного раньше на этом следует остановиться. Он говорит дальше (стр. 6), что с немецкой стороны недостаточно считались с тем, что во французском офицерском корпусе произошло сильное духовное обновление, усиленное боевым опытом, приобретенным в колониальных войнах в Африке и в Индо-Китае. Я же сошлюсь на наше суждение в главе „Отдельные роды оружия". Он повторяет также не раз раздававшуюся жалобу на то, что мы не учли возможности привлечения полмиллиона чернокожих и цветных солдат, в то время как в Германии вплоть до мировой войны думали, что Франция сможет взять из своих колоний только слабые силы второстепенного качества. Я по этому поводу могу отослать к главе „Усиление средств обороны". Профессор Штейнгаузен („Ошибки войны и Генеральный Штаб" Гота 1919 г.) часто опирается на мнение Иммануэля и также полагает, что мы недооценивали французов, тогда как они с самого начала явились наиболее сильным и опасным нашим противником. Эта ошибка впоследствии якобы открыто признавалась в разговорах то тем, то другим офицером Главного Штаба. Такие общие места не могут, однако, до-

казать неправильности приведенных нами фактов. Он приводит также слышанное им в начале войны „от одного штабного майора“ неблагоприятное мнение о французской артиллерии в качестве доказательства того, что „в некоторых высших штабах недооценка французов в начале войны была прямо-таки поразительна“. Это следовало опровергнуть.

II. РОССИЯ.

Усиление средств обороны, вооруженные силы мирного и военного времени.

Картина, изображаемая здесь, передает только те взгляды, которые составились о постановке военного дела в России в Германском Большом Главном Штабе до войны.

Непосредственно после Японской войны боевая готовность русской армии была сильно поколеблена. В первую очередь являлось необходимым пополнить убыль в вооружении, боевых припасах, снаряжении, обозе, железнодорожном материале и т. д., а также пополнить все необходимые для боевой готовности армии запасы. По нашим предположениям это было достигнуто к 1911 г. В дальнейшем требовалось принять ряд решительных мер для того, чтобы создать такую мощь и боевую готовность, какая считалась необходимой для предстоящей рано или поздно европейской войны. Также и в отношении вооружения и снабжения новейшими военно-техническими вспомогательными средствами русская армия должна была быть доведена до уровня армии западно-европейских великих держав.

Быстрое хозяйственное усиление страны давало возможность предоставить военному ведомству финансовые средства, значительно превосходившие соответствующие суммы, тратившиеся для целей обороны другими державами. Хорошие урожаи 1909, 1910, 1912 и 1913 г.г. повлияли благоприятно на русские финансы. Государственные росписи 1910 и 1911 г.г., а также и на 1912 г. не предусматривали дефицита, несмотря на то, что в последний год расходы были на 285 миллионов марок больше, чем в предшествующий год. Оказалось даже возможным употребить из текущих доходов 110 миллионов марок на досрочное погашение государственных долгов. 1913 г. также не дал дефицита, наоборот, излишки за 1912 и 1913 г.г.

были так велики, что правительство могло ими покрыть 800 миллионов непредвиденных расходов. Бюджет 1914 г. являлся также доказательством быстро растущей финансовой мощи России. Увеличение расходов по сравнению с предыдущим годом достигало 660 миллионов марок, из них около 230 миллионов марок предназначалось для обороны. Всего Россия израсходовала в 1914 г. на армию 2.642 миллиона марок.

Увеличение армии в России происходило совершенно секретно. Пресса не имела права касаться каких бы то ни было вопросов, связанных с организацией армии. Этим объясняется то обстоятельство, что сведения об усилении русской армии получались за-границей только тогда, когда это становилось уже совершившимся фактом. Необходимые сведения черпались большей частью из французской прессы. За шпионажем в России следили очень зорко, особенно последнее время перед войной. В 1912 г. вошел в силу очень строгий закон о шпионах. Путешествие по России германских государственных чиновников было затруднено.

Ежегодный набор 1911 и 1912 г.г. равнялся 455.000 чел. На этом основании мы принимали боевой состав армии мирного времени для этих годов круглым числом в 50.000 офицеров и врачей и 1.225.000 нижних чинов (без пограничной стражи).

В 1913 г. армия была значительно увеличена.

Летом Гос. Дума согласилась на увеличение набора на 25.000 чел. Таким образом, армия мирного времени должна была увеличиться на 75.000 чел. Затем во время политического осложнения 1912—13 г.г., при наборе новобранцев в ноябре, старший год не был отпущен домой, а был задержан под знаменами до апреля, пока обучались новобранцы. Так как в России срок действительной службы был трехлетний, а для кавалерии четырехлетний, то зимой в армии состояло три, а в кавалерии четыре обученных возраста, в то время как мы в период обучения новобранцев имели под знаменами один и в кавалерии два обученных возраста. Поэтому в России при мобилизации как зимой, так и летом требовалось для пополнения частей одинаковое количество людей, что упрощало мобилизацию. Боевая готовность армии зимой была значительно выше. Наличный состав армии зимой возрастал более чем на 400.000 чел. Это временное сначала мероприятие стало впоследствии законом.

По нашим предположениям увеличение мирного состава армии на 75.000 чел., не считая увеличения штатов вообще и отдельных частей (пулеметных, кавалерийских, легкой и тя-

желой артиллерии, технических и т. п.) позволило сформировать 3 новых дивизии. Из них, принимая во внимание имевшиеся сверхштатные формирования, можно было составить 3—4 новых арм. корпуса, по одному на восточно-прусской границе, на австро-силезской, на Кавказе и в Сибири.

Резкий скачек должен был наступить летом 1913 года, вследствие увеличения армии на 136.000 чел. По нашим расчетам общая численность армии мирного времени должна была достигнуть летом 1914 г. 1.581.000 чел. и зимой этого же года 1.981.000 чел. После полного проведения в жизнь увеличения армии, она должна была бы осенью 1915 г. достичь колоссальной цифры в 1.803.000 чел. для лета и 2.193.000 чел. для зимы. В русской прессе приводилась даже цифра в 2.320.000 чел.

Со времени сокращения срока действительной службы значительно возросли ежегодные наборы. В соответствии с этим возрастало число людей, находящихся в запасе, которыми можно было бы располагать при мобилизации. В России, как известно, различали I и II категории службы в запасе (7 и 8 лет) и I и II разряды ополчения (4 г. для служивших и 22 года для неслуживших). Считая, что всего будет выставлено 38 резервных дивизий, потребность в людях в декабре 1913 г. мы определяли в следующих цифрах:

Для действующих частей	748.000	запасных,
„ резервных „	876.000	„
„ запасных „	205.000	„
„ этапных „	40.000	„
Итого . . .	1.869.000	запасных.

В обоих категориях запасных числилось— 2.292.000 чел.
Получался избыток . . . . . 423.000 „

Поэтому призыв в резервные части старших возрастов ополчения I разряда (соответствует нашему ландштурму) не требовался. Для заполнения действующих, резервных и запасных частей достаточно было ограничиться возрастом 1899 г. (35-летними).

Избыток обученных запасных мог итти на дальнейшие резервные или тыловые формирования. Вопрос заключался только в том, найдется ли для этих формирований достаточно

офицеров действительной службы и запаса. В ополчении имелось 4 возраста служивших, не служивших и условно годных (22 и 43-летние). Призванные ополченцы 1 разряда предназначались при мобилизации для доведения действующих частей пограничной стражи до штатов военного времени, для пополнения запасных частей и для формирования особых ополченских частей. Численность ополченцев 1 разряда мы принимали в 2.000.000 и полагали, что будет сформировано около 20 ополченских дивизий, хотя число дивизий могло бы быть и больше, если бы нашлось достаточное количество офицеров ополчения.

Ополчение II разряда также могло бы дать 20 дивизий, состоявших из условно годных, не служивших и необученных людей.

Для обучения запасных в последние годы до войны делалось очень много. В то время как с 1905 до 1908 г., вследствие внутренних политических причин вообще никаких учебных сборов не производилось, в 1909, в 1911 и 1912 г.г. они делались в широких размерах. Тогда как раньше сборы были 4 недельные и только для призываемых на осенние сборы продолжались 6 недель, теперь они были увеличены вообще до 6 недель. В 1912 г. должны были призвать на учебные сборы около 370.000 запасных и 360.000 ополченцев, из числа коих неслужившие получали таким образом некоторую военную подготовку.

В 1913 г. в учебных сборах принимало участие 797.000 чел. запасных и ополченцев, то-есть на 70.000 больше, чем в 1912 г.

В 1914 г. в учебных сборах должны были принять участие 904.000 чел. Из неслуживших ополченцев в 1911—1913 г.г. приняло участие в 4—6 недельных сборах всего 910.000 чел. младших возрастов. Этой хотя и краткой военной выучкой значительно облегчалось использование ополченцев при мобилизации.

Таким образом, категория запасных в русской армии значительно развилась как количественно, так и качественно. Громадный людской материал, находившийся в распоряжении военного ведомства, должен был целиком использоваться для будущей войны. Значительное количество призывавшихся на учебные сборы давало средства возмещать убыль, происходившую от роспуска весной по домам старшего возраста.

В случае политических осложнений являлась возможность задерживать под знаменами призванных на учебные сборы.

Обучение.

Недостатки командования были ясно сознаны во время Русско-Японской войны. Русские начали изучать иностранную военную литературу и уставы, в особенности немецкие, развивая в себе здоровые военные взгляды. Новейшие русские уставы в общем соответствовали нашим и противодействовали вкоренившимся в армию недостаткам.

О будущих действиях русских мы судили в 1913 г. следующим образом:

„Передвижения русских войск совершаются теперь, как и раньше, крайне медленно. Быстрого использования благоприятного оперативного положения ожидать от русского командования также трудно, как быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Для этого слишком велики препятствия со всех сторон при издании, передаче и выполнении приказов. Поэтому немецкое командование при столкновении с русскими будет иметь возможность осуществлять такие маневры, которых оно не позволило бы себе с другим, равным себе противником".

На основании именно этого взгляда ген. Людендорф предложил ген. Гинденбургу операцию, приведшую к сражению у Танненберга. Было крайне смело снять все силы с фронта, против которого в расстоянии 2—3 переходов находилась армия Реннепкампфа (между Мазурскими озерами и Прегелем оставались только две кав. бригады). Немногие вожди отважились бы на это. Но противник был оценен правильно и результатом явилась одна из наиболее блестящих побед всех времен.

Позиционной войне в России придавалось очень большое значение, но в нашем суждении 1913 г. указывалось, что от этого взгляда стали заметно отклоняться. Мы теперь знаем, что железная воля великого князя Николая Николаевича умела вести русских в атаки.

Русская армия была опытна в ночных операциях и достигла в них высокой степени совершенства.

„Русские искусны в выборе места для укреплений и в возведении их". Оборона должна была вестись активно. Русские были, подобно французам и в противоположность нам, ярыми приверженцами демонстраций (см. выше).

Выучка русской пехоты нами рассматривалась, как массовая дрессировка. Мы считали, что для индивидуального обуче-

ния, в особенности стрельбе, учебному персоналу не хватает старания и способности. Большое значение придавали русские боевой подготовке, которой помогало одновременное пребывание частей всех родов войск в течение 4-х месяцев в году в лагерях и на маневрах. На первом месте в смысле боевой подготовки мы ставили артиллерию.

Мобилизация и боевая готовность.

Наибольшее затруднение для русской армии при мобилизации заключалось в протяжении империи. Поэтому все сводилось к возможно более тщательной подготовке к мобилизации.

Нам было хорошо известно, насколько за последние годы мобилизация ускорилась. Штаты рот пехоты на западной границе еще в 1909 г. были увеличены с 116 до 158 чел. Батареи полевой артиллерии на западе имели полные запряжки. Кавалерия и конная артиллерия уже и раньше имели почти полный состав военного времени. То, чего не хватало в отношении пулеметных, саперных и разведывательных команд, войска получили в 1913 г. и в начале 1914 г.

Мы знали, что с 1911 г. срок готовности к выступлению в поход отдельных войсковых частей был сокращен на один день. Мы считали, что перволинейные войска будут готовы к выступлению к вечеру 5-го дня мобилизации, а второлинейные к вечеру 8-го дня. Таким образом, достигался тот же срок, что и у французов, перволинейные части которых выступали на 4-й и 5-й день мобилизации. На сколько облегчало мобилизацию удержание зимой выслужившего срок службы возраста, об этом уже было упомянуто выше.

Важным средством для осуществления мобилизации без трений явились пробные и контрольные мобилизации.

Для пробных мобилизаций, начиная с 1913 г., отпускалось ежегодно 91.000.000 рублей. Для контрольных мобилизаций в 1913 г. было отпущено 120.000.000 руб.

Пробные мобилизации служили для того, чтобы проверить выполнимость мобилизационных планов. Необходимые для этого люди и лошади брались из других войсковых частей. В 1913 г. и весной 1914 г. число пробных мобилизаций значительно увеличилось.

Гораздо дальше шли контрольные мобилизации, число которых наряду с пробными мобилизациями в последние годы перед войной постепенно все возрастало. Они проводились в

полной мере с призывом всех запасных и набором всех необходимых лошадей и обоза и позволяли поэтому перевести отдельные войсковые части на полное боевое положение.

Нам стало также известно установление подготовительного к войне периода. Эта мера должна была сократить срок мобилизации тем, что целый ряд серьезных мобилизационных мероприятий приводился в исполнение еще в мирное время в период политического осложнения. Благодаря этому явилась возможность при известных обстоятельствах тотчас же по издании приказа о мобилизации иметь в боевой готовности по крайней мере пограничные корпуса. Материал, доставшийся нам во время войны, подтверждает правильность нашего взгляда. Россия с марта до июля 1914 г. фактически предприняла ряд мероприятий, предусмотренных для подготовительного к войне периода, так что уже до 26 июля, то есть до дня официального начала подготовительного к войне периода, многие войсковые части были доведены до численности военного времени.

Много и других мероприятий увеличивало боевую готовность русской армии.

$5^1/_2$ сибирских арм. корпусов со времени Русско-Японской войны оставались в почти полном боевом составе, так что их мобилизация и отправка могли совершиться в кратчайший срок. Работы по возведению крепостей: Новогеоргиевска, Гродно, Ковно, которые должны были прикрывать развертывание русской армии, шли весьма энергично.

Значительные закупки материалов нужных при мобилизации состоялись в 1913 г. и в первой половине 1914 г. Большие закупки лошадей за границей должны были покрыть потребность в них при мобилизации. 27 марта 1914 г. последовал приказ о запрещении вывоза лошадей из России, распространившийся сначала только на верховых лошадей, а затем (до конца июля) был запрещен всякий вывоз.

Напряженный момент 1912—13 г. дал повод русским основательно пересмотреть все проведенные до того времени мероприятия к повышению боевой готовности и устранить найденные недостатки. Особое внимание следует обратить на то, что все подготовительные работы как гражданских, так и военных властей, касающиеся мобилизации, были еще раз тщательно пересмотрены.

Пробелы в мобилизационных запасах обмундирования, вооружения, снаряжения и продовольствия были спешно пополнены. Посредством обширных и срочных заказов как внутри

государства, так и за границей, Россия приобрела запасы всевозможных военных материалов, а в том числе и тех, которые собственная промышленность совсем не производила, или производила в ограниченном количестве или, наконец, для изготовления коих требовался большой срок, как, например, оптические приборы для артиллерии, радиостанции, медицинские инструменты и медикаменты для санитарных учреждений.

Стратегическая железнодорожная сеть непрерывно расширялась, причем главным образом имелась ввиду быстрая переброска войск из Петербургского, Московского и Казанского округов к границам Германии и Австрии. Для этой цели перед войной был сделан во Франции миллиардный заем. Провозоспособность железных дорог для военных потребностей была увеличена благодаря исправлению путей и искусственных сооружений, увеличению подвижного состава, пополнению запасов топлива на случай мобилизации, увеличению и улучшению личного состава и учреждению районных комиссий для целесообразного распределения подвижного состава.

На Великом Сибирском пути прокладка второй колеи, игравшей громадную роль для быстрой переброски сибирских корпусов, была настолько ускорена, что закончилась до начала 1914 г.

Железнодорожные линии Сосновицы—Варшава и Александрово—Варшава, находившиеся до того в частных руках, в 1912 г. были взяты в казну. В виду важности этих ж.-д. линий в случае мобилизации служащих польского происхождения начали заменять русскими, а в следующем году начали немецкую колею перешивать на русскую.

На основании всего вышесказанного, взгляд Б.Г.Ш. в 1914 г. сводился к следующему:

„Из всего этого вытекает, что боевая готовность России сделала со времени Русско-Японской войны колоссальные шаги вперед и стоит теперь на большей высоте, чем когда бы то ни было раньше. В особенности же должно быть обращено внимание на то, что по некоторым пунктам боевой готовности она превосходит прочие великие державы, в том числе и Германию, а именно: удержанием на службе старшего возраста до окончания обучения новобранцев, чем избегалось с военной точки зрения ослабление армии зимой; частой практической поверкой всех мобилизационных мероприятий при помощи примерных и пробных мобилизаций и возможностью чрезвычайного ускорения мобилизации с помощью „подготовительного к войне периода“.

Общий вывод.

При общей оценке русской армии необходимо было принять во внимание, что очерченный подъем военного дела умалялся прирожденными недостатками народа, которые нельзя было устранить одними организационными мероприятиями. Но наряду с этими недостатками имелись и положительные военные качества, заключавшиеся в первую очередь в том, что русский народ на 9/10 состоял из крестьян.

„Людской материал в общем также хорош, как и раньше", считали мы в 1913 г. „Русский солдат силен, нетребователен и бесстрашен. Положительные качества русской пехоты имели большее значение при прежних условиях боя в сомкнутом строю, чем при настоящих. По внешним признакам—русский сравнительно мало воспримчив и после неудач русские войска, повидимому, быстро оправятся и вновь будут готовы к упорной борьбе".

Достойными внимания казались нам успехи, которые сделала революционная пропаганда за последние годы в России. Во всех ее общественных кругах замечалось усилившееся недовольство. Революционное движение за последние годы в армии и флоте и в особенности в технических частях неоднократно имело успех. „В общем, русский солдат еще верен царю, добросовестен и послушен".

ФРАНКО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

Для суждения об общем военно-политическом положении Генеральному Штабу было очень важно установить факт, что усиление военной мощи России происходило по соглашению с Францией и отчасти даже по ее настоянию.

Военной конвенцией 1892 г. были предусмотрены имевшие ежегодно место обоюдные визиты высших начальствующих лиц. „Матен" в июле 1912 г. говорит, что русско-французская конвенция определенно устанавливала необходимость присутствия время от времени на маневрах начальника Генерального Штаба и командующего флотом, для того, чтобы обе армии могли хорошо друг друга узнать.

„Эксельсиор" подтверждает наличие подобного соглашения.

Эта мера не была простой формой вежливости или демонстрацией, долженствовавшей показать миру прочность „Антанты". С осени 1911 г., когда в Петербурге находились начальник французского Г. Ш. Дюбай и его предшественник Лафон де Ладеба, эти посещения получили особое значение, благодаря личностям, которые были для этого выбраны.

В 1912 г. Пуанкаре посетил Россию, а в августе того же года начальник русского Г. Ш. ген. Жилинский вместе с начальником Морского Штаба кн. Ливеном ездили во Францию. В том же году вел. князь Николай Николаевич принимал участие во французских маневрах и посетил крепости на французском восточном фронте. Для переговоров ездили в Париж и морской министр Григорович, министр иностранных дел Сазонов и военный министр Сухомлинов.

В номере от 25 сентября 1912 г. „Юманите" дало интересное освещение поездки великого князя Николая Николаевича: „Осушим слезы умиления и прочтем в финансовом отделе газет следующие скромные строки: на октябрь анонсируется русский заем в размере от 1200 до 1500 миллионов. Вот в чем оказывается секрет поездки г. Пуанкаре в Россию, появление великого князя во Франции и паломничество его на Лотарингскую границу. Если прежде нужно было выкачивать французские финансы, то приезжал сам царь Николай, теперь это уже является лишним. Союз сделал такие шаги вперед, что в настоящее время достаточно послать французского министра в Россию или великого князя во Францию. Теперь Франция позволяет себя сосать как угодно. Нам однако кажется в высшей степени опасным, что великие князья и великие княгини приезжают во Францию и разыгрывают представления на германо-французской границе с единственной целью облегчить такого рода сделки".

О том, как судила об этой поездке бельгийская дипломатия, вытекает из найденного во время войны доклада бельгийского посланника в Париже от 1 октября 1912 г.: „Лица, стоящие во главе французского правительства, настроены искренно, мирно и не имеют иной цели кроме той, чтобы возвратить своей стране в европейском концерте держав то место, которое она имела до 1870 г. Но не менее верно и то, что их деятельность выходит из пределов умеренности. Хорошо поддерживать достоинство страны, но опасно разжигать его шовинизм. Началось с военных парадов и еженедельного дефилирования по улицам Парижа музыкантов, игравших вечернюю зарю. Рамки эти вскоре раздвинулись и патриотические торже-

ства стали непрерывными. Чрезвычайный церемониал встреч г. Пуанкаре в России и великого князя Николая Николаевича во Франции не имел иной цели, как только поднять национальное чувство в стране. Мильеран, который за несколько недель до того посетил войсковые части и тщательно осмотрел укрепления, расположенные на восточной границе, вновь начал тот же самый осмотр в широких размерах в сопровождении великого князя, в то время как великая княгиня поехала на границу, чтобы поздравить приобретенные провинции. Поездка эта завершилась парадом возле Нанси, который так рекламировался прессой, что являлся как бы предлогом настоящей демонстрации против аннексии Эльзас-Лотарингии. Г. Делькассе присутствовал в Булони при спуске нового броненосца, что также сопровождалось многочисленными патриотическими манифестациями в честь флота. Все это действует на общественное мнение, которое тем более убеждается в военном превосходстве и будущей победе Франции, что правительство непрерывно заказывает боевые аэропланы. Кроме балканских осложнений других туч, которые заставляли бы опасаться в близком будущем германо французского конфликта, не видно, но инциденты, конечно, могут возникнуть неожиданно. Общественное мнение, указавшее путь в 1870 г. Наполеону III и ставшее опять нервным и восприимчивым, в один прекрасный день снова могло бы в этом отношении повторить историю и поставить оба правительства в такое положение, из которого не осталось бы другого выхода, как только призыв к оружию".

В 1913 г. во Францию ездили русский председатель совета министров Коковцев и генерал-квартирмейстер главного управления Г. Ш. ген. Данилов. В том же году отправился в Петербург глава французского адмиралтейства Лебри, а Жофр с блестящей свитой, в которой было 5 генералов и 7 офицеров штаба, принял участие в русских маневрах.

В 1914 г. незадолго до начала войны Пуанкаре посетил Петербург.

Наряду с этими посещениями большую роль играло воздействие французского посла в Петербурге. Громадное напряжение всех сил России следует, повидимому, приписать в значительной мере длительным стараниям тогдашнего французского посла в Петербурге Делькассе.

„Крейц Цейтунг" в номере от 4 июня 1913 г. приводит сообщение Жиль Блаза, написанное парижским корреспондентом „Манчестер Гардиен", исходившее, по его словам, из вполне достоверного источника. Согласно этого сообщения Пуанкаре

передал Клемансо, что требование введения 3-хлетнего срока службы во Франции исходит из России и что в случае неисполнения являлась угроза с ее стороны отказа от союзного договора. „Жиль Блаз“ сообщал, что в Петербурге напомнили Пуанкаре о том, что во время заключения франко-русского союза во Франции существовал 3-хлетний срок службы; введенный же позже 2-хлетний срок службы означает якобы ее ослабление. Затем он получил еще сообщение, в котором указывалось, что одно из балканских государств хотело бы присоединиться к франко-русскому союзу, но медлит только потому, что Франция кажется ей недостаточно сильной по сравнению с Германией.

„В этом заключалась причина того“, продолжает дальше дословно Жиль Блаз, „что г. Пуанкаре и его правительство решили внести предложение о введении 3-хлетнего срока службы, с целью произвести за границей то впечатление, которое ожидали от этого союзники. Поэтому Делькассе и был послан в Петербург. Нам угрожали разрывом франко-русского союза, так как мы якобы недостаточно сильны или по крайней мере так якобы кажется“.

В том же духе писал парижский корреспондент в феврале 1913 г. в „Депеш де Тулуз“ („Кельнише Цейтунг“ 24/II 1913 г.): „Проблемы, стоящие в настоящее время перед Европой, таковы, что необходимо елико возможно упрочить союз полным единством взглядов. Россия должна отказаться от авантюр в Азии и научиться видеть грозящую Европе опасность. Ей необходимо предпринять ряд военных мероприятий и создать угрозу германской восточной границе в той же мере, как это делает Германия по отношению французской Вогезской границы. Для достижения европейского равновесия Россия должна определенно и решительно обратиться к выполнению своей прямой задачи в качестве европейской державы. Все указывает на то, что это и является целью и значением назначения Делькассе“.

„Речь“ 19 июля 1914 г. по поводу посещения Петербурга г. Пуанкаре открыто высказывалась в том смысле, что Россия по понуждению Франции взвалила на себя тяжелую военную ношу.

В связи с этим посланная на русские маневры французская военная миссия с начальником Г. Ш. ген. Жофром во главе приобрела особо важное значение. Она должна была подтвердить правильность сообщения министра Барту, сделанного 16 июня 1913 г. в палате депутатов: „За ответственностью

обоих правительств я заявляю, что наш союзник со своей стороны употребляет все необходимые усилия, чтобы обе армии, французская и русская, были готовы ко всяким неожиданностям". С другой стороны эта миссия должна была оказать давление на ускоренное проведение в жизнь предположенного увеличения численности армии.

Пресса обеих стран работала в том же направлении, как и дипломатия. Достаточно указать на многие статьи „Тан", в которых эта газета выставляла широкие требования в отношении ускорения и увеличения русского вооружения, создания новых корпусов на западной границе и расширения стратегической сети железных дорог. В своей статье „Наши союзники и мы" в июле 1913 г. ген. Лакруа требовал кроме 3-х новых корпусов (два из них для западной границы) значительного усиления артиллерии и кавалерии, железнодорожного строительства и увеличения подвижного состава на случай сосредоточения и развертывания русских вооруженных сил на западной границе. В декабре 1913 г. „Корреспондент" писал: „с момента заключения союза Франция ссудила России свыше 17 миллиардов франков, ожидая, что Россия со своей стороны всей своей военной силой поможет Франции. Франция свое обязательство выполнила, России остается сделать то же самое".

Но и Россия выставила контр-требования для своей военной программы. „Биржевые ведомости" 14 июля 1914 г. говорили: „Россия довела армию до 2.320.000 чел., Германия располагает свыше 880.000 чел., Австрия свыше 500.000 чел., Италия свыше 400.000 ч., поэтому Россия должна ожидать от Франции 770.000 чел., что возможно лишь при 3-хлетнем сроке службы". „Петербургский курьер" от 14 мая 1914 г. также определенно требовал от Франции выполнения союзных обязательств. „Тан" сообщает даже, что тогдашний французский посол в Петрограде Палеолог, преемник Делькассе, во время своего кратковременного пребывания в Париже весной 1914 г. заявил, что если 3-хлетний срок службы будет оставлен под вопросом, то он к своему посту не вернется. Это сообщение в такой форме было впоследствии опровергнуто.

О том, что все военные мероприятия были направлены главным образом против Германии, говорилось прямо в известном и очень распространенном военном органе „Разведчик": „всем нам хорошо известно, что мы подготовляемся к войне на западном фронте, главным образом против немцев (Австро-Венгрии и Германии). Поэтому наши приморские группировки

на маневрах должны иметь в виду то, что мы ведем войну с немцами; так, например, одна из групп должна называться „немцами“. Но не только армия, весь русский народ должен быть приучен к той мысли, что мы готовимся к решительному бою с немцами и что немецкие государства должны быть уничтожены, если даже для этого мы должны будем потерять сотни тысяч жизней“.

При этом нужно принять во внимание, что русская пресса в отношении всякого рода сообщений по военным вопросам была скована строгой цензурой. То, что она говорила, являлось, следовательно, преднамеренным. С другой стороны, „Тан“ определенно считался французами органом тогдашнего русского посла в Париже Извольского.

Насколько настроение в России было враждебно по отношению к Германии, ярко показывает возбуждение, вызванное посылкой ген. Лимана фон-Сандерса в Турцию. В мае 1913 г. великий кн. Николай Николаевич пробовал при помощи заявления протеста собрания офицеров Петербургского гарнизона побудить Россию к войне. Но эту опасность удалось во время устранить. К войне не были еще вполне готовы.

На русских морских вооружениях мы здесь подробно останавливаться не будем. Военное соглашение 1892 г. было расширено в 1912 г. заключением морской конвенции. Посещение Франции русским флотом в сентябре 1913 г. вызвало там большой энтузиазм. Гораздо большее значение имело предполагавшееся морское соглашение с Англией, которое также следует рассмотреть, как завершение военных приготовлений России к войне. Наш тогдашний военный атташе в России полк. фон-Эггелинг до самого последнего времени держался той точки зрения, что Россия расчитывает на возникновение войны лишь в будущем, а именно не ранее 1916 г. Он мотивировал это тем, что раньше не могут быть закончены существенные мероприятия по подготовке к войне, как-то: увеличение численности армии, изготовление тяжелой артиллерии, реорганизация кавалерии и полевой артиллерии, а также окончание некоторых железнодорожных сооружений. Вопрос заключался лишь в том, удастся ли до тех пор сдержать военную партию.

В настоящее время к взглядам, высказанным Б. Г. III. относительно начала мировой войны, можно добавить, что все описанные военные приготовления России стояли в тесной связи с таковыми же во Франции и не без ее давления колоссально возросли. Не смотря на то, что предположенное увеличение численности армии могло быть завершено вполне лишь чере-

несколько лет, в июле 1914 г. в России уже царила уверенность в превосходстве сил над Германией и Австрией, вытекавшая в свою очередь из расчетов на помощь Франции и поддержку Англии.

30 июля 1914 г. бельгийский поверенный в делах в Петербурге сообщал в Брюссель: „Сейчас в Петербурге твердо уверены и даже имеют гарантии в том, что Англия поддержит Францию. Эта поддержка играла чрезвычайно большую роль и не мало способствовала перевесу, который возымела военная партия". (Германская Белая книга). Война могла начаться. „Россия готова, Франция тоже должна быть готова", писали весной 1914 г. „Биржевые ведомости" в статье, инспирированной и одобренной военным министром. Настроение в военных кругах и в особенности в кругах военной партии было страшно повышено.

Ясно, где нужно искать „милитаризма", у Антанты или у нас. Благодаря военному соглашению 1892—94 г.г. Франция и Россия были тесно связаны против нас. Пункты 2 и 4 этого соглашения гласят: „В случае, если бы вооруженные силы тройственного союза или одной из принадлежащих к нему держав были мобилизованы, Франция и Россия имеют право, при первом же известии об этом и без предварительных между собой переговоров, немедленно и одновременно мобилизовать все свои вооруженные силы и развернуть их как можно ближе к границе. Эти вооруженные силы должны будут немедленно начать решительные сражения с тем, чтобы Германии пришлось одновременно сражаться на востоке и на западе".

„Генеральные Штабы обеих стран должны все время находиться в контакте для подготовки предстоящих предусмотренных мероприятий и облегчать их выполнение".

Стратегический план и оперативные намерения.

Вооруженные силы, расположенные в Европейской России и на Кавказе, которые Россия могла выставить в случае войны, мы в БГШ принимали в 30 арм. корпусов, $35^1/_2$ кавал. и казач., 35 резервн. и 40 ополч. дивизий, общей численностью:

полевые войска	2.712.000
тыловые войска	573.000
запасные формирования действующих войск .	356.000

Надо было обдумать, как могла Россия употребить эти колоссальные массы войск. Не было сомнения, что, конечно, не для обороны, как можно было судить по первому взгляду о предпринятом в 1910 г. полном изменении дислокации войск.

Суть дела здесь заключалась в другом. Нецелесообразность мирной дислокации войск, имевшая место до того времени, ярко сказалась во время Русско-Японской войны. Поэтому часть расположенных до того времени на западной границе войск была перемещена в центр России. Казалось бы, что такой увод войск с границы облегчал положение Германии и во французской прессе часто обращалось на это внимание России, а также напоминалось о союзнических обязательствах. На самом же деле это изменение в дислокации было шагом вперед. После введения незадолго до того во всей империи территориального набора, мобилизация могла совершаться значительно быстрее чем раньше. Благодаря новому размещению войск создавался сильный подвижной резерв, который можно было с помощью хорошо построенной стратегической железнодорожной сети быстро перебрасывать в любом нужном направлении. „Франс милитер" от 15/II 1911 года тоже соглашалось с тем, что это мероприятие являлось плюсом и для Франции: „Мы ожидаем от нашего союзника, что он принудит нашего общего противника разделить свои силы на две по возможности равные части. Это возможно сделать посредством наступления... Теперь эта операция может быть произведена русскими быстрее и большими силами, чем раньше".

Развертывание русских германский БГШ до войны предполагал в следующем виде:

Большую часть сил Россия выставляла против Австрии и меньшую часть сил оставляла против Германии. Образ действий последних зависел от того, насколько энергично стала бы производить развертывание своих сил на восточном берегу Вислы Германия. Быстрое наступление русских в Восточную Пруссию казалось вполне вероятным.

Предполагалось, что Россия использует:

1) Войска Виленского и Варшавского военных округов— против Германии.

2) Войска Киевского военного округа—против Австрии и что войска Одесского военного округа будут прикованы Румынией.

3) Многочисленные войска Петербургского, Московского и Казанского военных округов, в зависимости от обстановки, но предположительно преимущественно против Австрии. Использо-

вание сибирских и туркестанских войск для европейского театра войны не предполагалось. Для сформирования кавказской армии имелись в распоряжении расположенные на Кавказе в мирное время войска. С переброской войск с Кавказа—считались.

„Окончание мобилизации и развертывания по опыту напряженного периода 1912—13 г. должно будет завершиться быстрее чем раньше. Введение подготовительного к войне периода, задержка под знаменами старшего возраста зимой и так называемые пробные мобилизации могут дать русскому военному командованию возможность пополнить войсковые части запасными и лошадьми, а также предпринять ряд других необходимых мер до начала мобилизации в собственном смысле этого слова, в результате чего с момента прибытия в часть последних запасных до момента готовности к выступлению в поход достаточно будет 24-х часов.

Во время политического осложнения 1912—13 г.г. фактически были предприняты постепенно почти все меры для подготовительного к войне периода. Следует рассчитывать, что и в будущем Россия к ним прибегнет. Если же это удастся, то надо признать, что русская мобилизация закончится уже на 1-й или 2-й день после того, как она фактически будет объявлена".

По нашим предположениям против Германии должны были выступить: Виленская армия из войск Виленского военного округа, состоящая из $4^1/_2$ арм. корпусов с сильной кавалерией и, по всей вероятности, усиленная двумя арм. корпусами Петербургского военного округа, которая сосредоточилась бы против восточной границы Восточной Пруссии и могла бы наступать в общем направлении на Ангербург—Бартенштейн.

Варшавская армия из войск Варшавского военного округа, состоящая из $5^1/_2$ арм. корпусов с очень сильной кавалерией, которая сосредоточилась бы за линией Бобр—Нарев.

Против Австрии:

Киевская армия, состоящая из войск Киевского военного округа, которая сосредоточилась бы в районе Владимир-Волынск, Луцк, Каменец-Подольск.

Против Румынии:

Бессарабская армия, состоящая из войск Одесского военного округа.

Войска Петербургского, Московского и Казанского военных округов могли быть использованы, смотря по надобности, для

усиления прочих армий и сообразно такой задаче распределены по железнодорожным линиям.

Как в действительности хотели их использовать русские известно не было, но во всяком случае мы предполагали, что главным образом против Австрии. В состав этих войск входили 10 арм. корпусов и 18 резервных дивизий.

Кроме того, принимались во внимание: охрана побережья, гарнизоны крепостей и тыловые войска.

Мы считали, что при благоприятных обстоятельствах Неманская (Виленская) армия будет готова к выступлению в поход в течение 6—8 мобилизационных дней, Наревская же (Варшавская) армия—в течение 3—5 дней.

Посмотрим теперь с современной точки зрения, когда многие факты стали нам точно известны, насколько правильно оценивал Г. Ш. вопросы, касающиеся численности армии, ее мобилизации и развертывания, а также операционных планов России.

Политические и дипломатические условия периода, предшествовавшего войне, я не рассматриваю. Сухомлиновский процесс достаточно ясно показал, как был осуществлен приказ о мобилизации. Я ограничусь военными событиями. („Русская мобилизация для мировой войны". „Новые документы для истории мировой войны". Составлено и издано по распоряжению начальника Генерального Штаба полевых войск. Берлин 1919 г. Миттлер и С-н „Подготовка России к мировой войне", составленное на основании неизданных русских документов. Роберт Генигер. Берлин 1919 г. Миттлер и С-н—Ф. Еггелинг).

Из захваченных во время войны русских документов вполне выясняется, что еще до объявления мобилизации Россией в широком масштабе были осуществлены военные мероприятия, как это и полагал Б. Г. Ш.

Правда, приказ о подготовительном к войне периоде 1913 г. попал в наши руки только в выдержках, но и по ним можно судить о его значении в целом. Во время напряженного политического положения 1912—13 г. перед началом мобилизации намеченные к осуществлению мероприятия распадались на такие, для которых кредиты уже имелись, и на такие, для которых требовался отпуск чрезвычайных кредитов. Обе категории мероприятий осуществлялись особыми приказами. В то время, как первой категорией предусматривался ряд подготовительных мероприятий, обычных и для других армий, вторая—шла дальше: резервные и запасные части привлекались к учебным сборам в более широких размерах, чем это было

установлено; подвижной состав с пограничных железнодорожных линий отводился в тыл; иностранный подвижной состав задерживался; в пограничной полосе и внутри страны устанавливалась охрана железных дорог; крепости вооружались; запасы продовольствия сосредоточивались в районе развертывания; подготовлялись подрывные команды и т. д.

Официально подготовительный к войне период вошел в силу лишь 26 июля 1914 г. Но целый ряд предусмотренных им мер, а также и других, которые должны были подготовить правильное течение мобилизации, осуществлялся уже в период марта—июня. О покупках лошадей, запрещении вывоза их, закупках военных материалов уже упоминалось. Кроме того, пополнялись продовольственные запасы, был запрещен вывоз зерна, железные дороги запасались углем и увеличивали подвижной состав, государственные и частные заводы увеличивали свое производство. Все это делалось в высшей степени секретно; въезд германским и австро-венгерским подданным был чрезвычайно затруднен.

Упомянутый выше труд Б. Г. Ш. („Русская мобилизация" и т. д.) дает сводку сообщений, полученных в Г. Ш. в решающие перед началом войны дни, начиная с 26 июля 1914 г.

Для каждого дня указывается, какие выводы делались из поступавших сообщений и какие соответственно принимались меры с немецкой стороны. Эти данные доказывают, что Германия, стремясь сохранить мир, принимала свои контр-меры на сколько возможно позднее и что дальнейшее промедление в принятии этих контр-мер могло тяжело отразиться на безопасности собственных пограничных районов. В отношении частностей я должен отослать интересующегося к этому труду. Здесь же возьму из него только наиболее важное.

На серьезность положения уже указывали сообщения, полученные 26 июля. С этого дня входил в силу подготовительный к войне период в отношении обеих категорий мероприятий.

27 июля нам стало точно известно, что Россией предприняты чрезвычайные военные меры. Мы же в связи с этим ограничились только усилением охраны железных дорог в пограничной полосе за счет гражданских служащих.

28 июля поступили еще более тревожные сообщения о запрещении вывоза лошадей, подготовке подвижного состава и охране железных дорог. Русский военный министр вечером 26 июля дал честное слово германскому военному атташе, что никакого приказа о мобилизации еще не издавалось, приняты

лишь подготовительные меры, запасные еще не призывались и лошади еще не набирались. Наш военный атташе держался того мнения, что хотя мобилизация еще не объявлялась, но зато предприняты уже крупные меры по подготовке к ней.

29 июля днем начальник русского Г. Ш. ген. Янушкевич сообщил германскому военному атташе, что военный министр поручил ему еще раз подтвердить, что все осталось так, как было три дня тому назад. Он дал честное слово, что ни люди, ни лошади не набирались. Военный атташе считал это попыткой ввести его в заблуждение. Другие полученные в этот день сведения позволили заключить, что хотя фактически приказ о мобилизации еще не издавался, тем не менее тайные военные мероприятия по подготовке к мобилизации в России сделали большие шаги вперед. Со стороны Германии в этот день были изданы приказы о возвращении войск с учебных плацов в места стоянок, о возвращении отпускных и об охране угрожаемых железнодорожных участков.

Фактически приказ о призыве в России запасных всех возрастов в Одесском, Киевском, Московском и Казанском военных округах и во флоте был отдан 29 июля. Этим заканчивались в означенных округах последние мероприятия по подготовке к мобилизации.

Из сообщений, полученных у нас по этому поводу 30 июля, приходилось заключить, что 29-го в Одесском, Киевском и Казанском военных округах мобилизация уже началась, в Варшавском округе она, повидимому, предстояла в ближайшие дни, а о Виленском и Петербургском военных округах определенных сведений не имелось. Кроме того, поступали сведения об угрожающей группировке на границе кавалерийских частей и о больших передвижениях из тыла к границе.

Фактически общий приказ о мобилизации в России был отдан днем 30 июля. (Генигер на стр. 123 говорит, что в окончательной форме общая мобилизация, начатая 30-го против воли царя, была санкционирована им только утром 31-го). Приказом о мобилизации призывались под знамена во всех военных округах Европейской и Азиатской России все резервисты и запасные 1-й очереди. 31-е июля было определено первым днем мобилизации. В Германии 30 июля была приведена на боевое положение пограничная охрана и было приступлено к работам по вооружению крепостей.

По полученным утром 31 июля сведениям выяснилось, что и в соседних с Германией Варшавском и Виленском военных округах мобилизация объявлена. После того в час дня в Гер-

мании было объявлено положение, „угрожающее военной опасностью“. 31-е июля фактически было уже первым днем мобилизации.

1-го августа с очевидностью выяснилось, что еще до приказа о мобилизации русская армия тайно выполнила все приготовления к войне. Официальная мобилизация была в ходу с 31 июля. Семь кавалерийских дивизий сгруппировались вблизи границы и были готовы напасть на Германию. Уже в течение нескольких дней многочисленные эшелоны двигались из внутренних областей России к границе. Патрули в четырех местах перешли нашу границу. Только теперь 1 августа в 5 ч. пополудни его величество Кайзер решился отдать приказ о мобилизации.

Мнение, которое мы себе составили о русских подготовительных к мобилизации мероприятиях, вполне подтвердилось.

Призванные на учебные сборы после роспуска старшего возраста весной 1914 г. были задержаны под знаменами. Благодаря предварительным мероприятиям и вошедшему в силу с 26 июля подготовительному к войне периоду, все полевые войска Европейской России были приведены на военное положение. Фактически это являлось общей мобилизацией. Находившиеся в Сибири $5^1/_2$ арм. корпусов и без того имели уже приблизительно численность военного времени. Предписанная 29 июля частичная мобилизация в Одесском, Киевском, Московском и Казанском военных округах захватывала $^2/_3$ Европейской России и в связи с готовностью сибирских корпусов никоим образом не являлась, следовательно, направленной только против Австро-Венгрии, а представляла большую угрозу и для Германии. Даже после того, как был объявлен приказ об общей мобилизаии, Россия все еще не объявляла войны. Теперь уже мы знаем из захваченных бумаг, что это было сделано преднамеренно: „Может оказаться очень выгодным произвести развертывание, не начиная еще открытых военных действий, чтобы не отнять у противника последней надежды на то, что война еще может быть избегнута. Наши намерения должны маскироваться притворными переговорами, чтобы возможно больше усыпить опасения противника. Подобные меры, если они дадут возможность выиграть несколько дней, должны быть безусловно приняты. Для этой цели установившееся мнение о том, что объявление мобилизации равнозначуще началу войны, должно быть отброшено“. Из этого вытекает, что мы, надеясь поддержать мир, задерживали принятие контр-мер

до последних пределов, совместимых с безопасностью государства.

В отношении нашего операционного плана мы из-за этих соображений зашли слишком далеко. Потеря каждого дня могла оказаться роковой.

Развертывание русских в 1914 г. совершилось в общем именно так, как мы и предполагали.

В отношении боевой готовности России к войне, как показала действительность, мы ошибались в положительную сторону.

Неманская армия начала переход границы 17 августа. Главные силы Наревской армии перешли границу 21 августа.

Как мы и ожидали, большая часть войск Московского и Казанского военных округов развернулась против Австрии. Сибирские корпуса не были оставлены против Японии, Туркестанские корпуса были также подтянуты, а Кавказские корпуса появились раньше, чем предполагалось.

План войны 1912 г., ставший известным во время мировой войны в 1914 г., сохранял еще силу. Согласно этого плана предполагалось, что главные силы немцев будут прикованы на Западе, но все же допускалось, что, несмотря на это, немцы „начнут войну нападением на русские области, так как они превосходят русских в быстроте мобилизации и сосредоточения".

Но вместе с тем был подготовлен и второй план развертывания на тот случай, если бы главные силы немцев были направлены против России. Здесь этот план может быть оставлен без рассмотрения.

Главные силы русских должны были быть направлены против Австрии. Против Германии была двинута 1-я армия на Средний Неман и 2 я армия—на линию Гродна—Белосток, Ломжа. Мазурские озера должна была обойти с севера Неманская армия (левый фланг ее должен был пройти через Ангербург—Растенбург) и с запада Наревская армия (правый фланг которой должен был пройти через Иоганисбург—Зенсбург). В действительности же в группировке армии в августе 1914 г. произошли изменения в связи с образованием еще Варшавской армии, которая предназначалась, повидимому, для отражения наступления немцев с линии Торн—Познань, а затем для перехода самой в наступление в этом направлении. Благодаря этому, части Варшавской армии приняли участие в решительных боях в Восточной Пруссии и, главным образом, у Танненберга („Франц. Русское наступление против Германии в августе 1914 г." изд. 1920 г., т. 2-й).

Возражения против суждений Генерального Штаба.

Б. Г. Ш. якобы недооценивал русскую армию в целом и ее боевую готовность в частности.

Полк. Иммануэль утверждает: „Российская Империя и ее армия считались в Германии отсталыми и гиблыми. К голосам, раздававшимся относительно положительных сторон постановки военного дела в России, не прислушивались или отвергали их,—одним словом в военных кругах Германии считалось решенным, что в случае мировой войны серьезной опасности с русской стороны нельзя было ожидать раньше нескольких месяцев после начала войны. Официальная осведомленность следовательно хромала. Если Россия уже в течение нескольких месяцев под всякими предлогами начала производить мобилизацию и развертывание, то по справедливости русские заслуживают за это меньше упреков, чем политические и военные представители Германии в России, которые ничего не замечали и не сообщали по этим вопросам ничего определенного".

Мы привели эту цитату дословно, чтобы показать, какова у нас даже военная критика.

Профессор др. Штейнгаузен также утверждает, что Россию недооценивали. Он ссылается на „высказанный правым политическим деятелем И. Рейнкесом взгляд о сильном развитии военной мощи России и об ее неожиданно быстрой мобилизации: . . . „для нашей дипломатии и военного командования этот удар явился неожиданным".

Возможно, что в невоенных кругах Германии часто рисовали себе неправильную картину о вооруженных силах России. Б. Г. Ш. всегда восставал против такого взгляда.

Он осведомлял относительно России все ответственные военные учреждения, а через них учреждения иностранных дел и насколько нужно народных представителей. Например, в январе 1913 г. высшее военное командование на Востоке было осведомлено о военном положении России, причем обращалось особое внимание на ее большую боевую готовность. В марте 1913 г. для осведомления Рейхстага был отправлен военному министру доклад, который начинался следующим образом: „со времени поражения в Японской войне русская армия очень усердно и с решительным успехом работала над своим усовершенствованием. Патриотически настроенная и готовая на жертвы Дума дала в распоряжение правительства все потребован-

ные, весьма значительного размера, денежные средства, что позволило быстро реорганизовать армию в 1909 и 1910 г. г. Так как думские прения по важным вопросам обороны страны происходят секретно и русская пресса не имеет права печатать почти никаких военных сообщений, то в Германии, в общем, продолжают недооценивать русскую армию на основании неудач в Японской войне. Фактически же в настоящее время русская армия в Европе является стоящей вполне на уровне других великих держав. Мобилизация, благодаря территориальной системе пополнения, значительно ускорилась. Кавалерия и конная артиллерия могут быть готовы к выступлению в поход в первый же день мобилизации, остальные войска на 5-й день, резервные формирования на 8-й день".

Все годовые отчеты русского отдела Б. Г. Ш. также определенно указывают на успехи военного дела в России. В издаваемом Б. Г. Ш. журнале за четверть года „Вождение войск и военное искусство" все время появлялись сообщения о России, указывающие на значительные успехи армии со времени Японской войны. Например, в 1911 г. в этом журнале в статье „Новая организация и дислокация русской армии" говорилось: „описанные организационные изменения несомненно помогут внутреннему укреплению и увеличению боевой готовности армии". Об успехах обучения и тактики говорилось в статьях в 1910, 1911 и 1914 г. г. („Новые уставы и наставления русской армии", „Тактические взгляды в русской армии", „Военное обозрение"). Статья о финансовом усилении России в 1913 г. приходила к следующему заключению: „Несомненно, что в Российской Империи после революции стал заметен финансовый и хозяйственный подъем, который по быстроте является совершенно исключительным". На военное значение этого факта указывалось подробно.

Надо думать, что упомянутые выше критики ничего из этого не знали и ничего не читали.

Наконец, упомянем еще о том, что говорил о русском солдате в том же журнале в 1905 г. ген. фон-Фрейтаг-Лорингговен в статье „Русские во время войны в прошлом": „Превосходные качества русского солдата известны. Нетребовательность, выдержка, отвага, привязанность к своему начальству отличали его всегда". Гнейзенау писал в 1813 г. по поводу сражения русского корпуса Ланжерона у Цобтена 19 августа: „Невозможно сражаться с большим бесстрашием, чем сражаются войска воинственной русской нации". Кто когда-либо имел дело с человеком из русского народа, тот вполне при-

соединяется к благоприятному отзыву Байена, высказанному им в 1807 г. Поведение русских войск в Восточной Азии, принимая во внимание фанатизм и феноменальную храбрость такого противника, как Япония, оправдывает мнение Гнейзенау и для настоящего времени".

III. АНГЛИЯ.

Армия мирного времени.

Как известно, первоначально регулярная английская армия предназначалась, главным образом, для службы в колониях и поэтому комплектовалась вербовкой охотников с продолжительным сроком действительной службы. Только лишь в последнее время английская армия была предназначена также к участию в европейской войне. Сообразно этому ее организация и обучение были изменены. Кроме того, была создана обученная по милиционному образцу территориальная армия. Это реформирование армии было закончено в 1909 г. Находившиеся в Соединенном Королевстве части регулярной армии составили во время войны полевую экспедиционную армию, которую можно было употребить для европейской войны. Она состояла из 6 пех. и 1 кав. дивизии и 2 конных бригад. Общую численность их мы принимали в 132.000 чел. При мобилизации экспедиционная армия пополнялась наполовину резервистами, служившими в регулярной армии. Для пополнения вспомогательных войск и обозных частей и для создания запасных формирований имелся только навербованный специальный резерв из обученных по милиционному образцу. Остальная меньшая часть армии в виде мелких соединений составляла гарнизонные и этапные части.

Территориальная армия (добровольческая милиция) была предназначена для защиты самой страны и состояла из 14 пех. дивизий и 14 конных бригад, численность коих должна была равняться 318.000 чел.; по нашим сведениям до этого числа не хватало 70.000 чел. Мы считали, что во время войны территориальные дивизии будут также использованы на материке, но в то же время предполагали, что это случится по прошествии нескольких месяцев после начала войны, так как милиционное обучение мирного времени территориальных частей в начале было недостаточно.

Наши суждения в Б. Г. III. в 1912 г. об английской армии сводились к следующему: „Английская полевая армия, правда, невелика, но тем не менее представляет достойного противника. Английский офицер физически крепок, ловок, практически сметлив и обладает большой личной энергией. Его общее и специальное военное образование менее высоко, зато многие молодые и почти все старые офицеры имеют боевой опыт, приобретенный в колониальных войнах. Так как подразделения регулярных войск военного и мирного времени приблизительно одинаковы, то высшее командование хорошо сработалось со штабами и, благодаря долгому сроку службы, достигает высокой степени индивидуального усовершенствования. Большинство солдат служат 7 лет под знаменами и 5 лет в резерве регулярных войск. Дисциплина, хотя и не соответствует нашим представлениям о ней,—хороша. Солдаты резерва приблизительно равноценны солдатам действительной службы.

Обучение отдельного солдата и частей вплоть до батальонов в пехоте—хорошо. Выполнение походов и обучение стрельбе стоят на высоте. Местность используется весьма искусно. Обучение сигнализации стоит в английской армии на высокой ступени".

Вооружение и снаряжение английской армии были вполне на высоте. Вообще английскую армию мало за что пришлось бы порицать. Предполагали, что у генералов не хватает еще опыта в командовании большими соединениями в условиях большой европейской войны. Но можно было в этом отношении ждать перемены, так как в течение нескольких лет стали производить маневры в крупном масштабе. В период, начиная с 1909 г., имели место маневры армии. Все же казалось, что в полевой войне войска не имеют еще достаточно опыта и уменья.

Достижения во время войны.

В Б. Г. III. тщательно обдумывался вопрос о том, как могло бы выразиться участие английского экспедиционного корпуса в случае войны Германии и Франции.

Соглашений в письменной форме, согласно которых Франция и Англия в случае войны были бы должны поддерживать друг друга, якобы не было. „Английское правительство в этом неоднократно уверяло и только потому ему приходится верить". На самом же деле такому утверждению мы не придавали значения. Мы были твердо уверены, что Англия поддержит Фран-

цию и считали, что военные власти обеих стран находились в этом отношении в контакте. Это впоследствии и подтвердилось (см. выше).

Первые сведения о предполагавшейся поддержке дало „Матен“ в октябре 1905 г. в ряде статей, напечатанных после падения министра иностранных дел Делькассе, вероятно им самим „инспирированных“. Там говорилось: „Англия фактически осведомляла правительство Республики о том, что если бы на Францию было совершено нападение, то она была бы готова мобилизовать свой флот, овладеть Кильской гаванью и высадить в Шлезвиг-Гольштинии 100.000 чел.“

Государственными деятелями обеих стран отрицалось существование определенных соглашений и военной конвенции между этими странами. Но тот факт, что Англия предполагала поддержать Францию, вытекал из более или менее запутанных объяснений и из заметок прессы. Прежний премьер лорд Розбери в одном из собраний в январе 1912 г. говорил, имея ввиду Францию, следующее: „Мы взяли на себя обязательства, род и размер которых я не знаю, но которые, несмотря на то, что они не зафиксированы в письменной форме, весьма категоричны и связывают нас и, благодаря этому, в каждый момент могут нас втянуть в величайшую войну“.

В 1911 г. „Журналь де Женев“ опубликовал парижскую телеграмму, в которой говорилось, что хотя военной конвенции между Францией и Англией не заключено, тем не менее однажды, когда создалась угроза войны, оба правительства совещались между собой. Совещание якобы привело к очень серьезному обмену мнениями относительно того, как должны быть употреблены вооруженные силы обеих наций. В период с 1906 г. по 1911 г. имели место частые обоюдные посещения больших маневров высшим начальством английской и французской армий. Особенно часто присутствовал на французских маневрах ген. Френч, который намечался на пост командующего английским экспедиционным корпусом.

Французский президент Пуанкаре был несомненно прав, заявив в 1912 году в палате депутатов, что, хотя дружественное согласие не закреплено соответствующим актом, оно все же имеет на своей стороне большинство населения обеих стран.

Значение Англии, как союзника Франции, в европейской войне заключалось прежде всего в ее флоте, но мы держались того мнения, что никоим образом нельзя было пренебрегать той поддержкой, которую с первого же момента мог оказать

экспедиционный корпус. Мы считались еще и с тем, что из гарнизонов на Средиземном море будет быстро образована и подтянута седьмая дивизия. Это, как известно, так и случилось. Таким образом, нам приходилось иметь дело с „серьезным, хотя и численно слабым противником". Мы не могли однако ответить на вопрос, какие части могли бы быть привлечены из разных великобританских колоний. При участии в европейской войне, для которой она должна была дать всю свою регулярную армию, Англия должна была в Индии и на путях к ней держать большие гарнизоны. По нашему мнению, не исключалась возможность восстания туземцев.

Во всяком случае приходилось считаться с тем, что Англия в случае войны с Германией за мировую гегемонию напряжет все свои силы. Поэтому мы придавали значение стремлениям, направленным к созданию английской народной армии, которую можно было бы использовать на континенте. Защитники этой идеи предполагали сначала ввести милиционную повинность, а затем превратить ее постепенно в общую воинскую повинность со сроком службы в несколько лет. Им же удалось привлечь на свою сторону много сочувствующих всеобщей милиционной повинности. В 1912 г. Г. Ш. говорил: „Если территориальная армия, которой в настоящий момент не хватает 60.000 чел. до штатной численности в 320.000 ч., не будет в течение некоторого времени пополнена добровольцами, то возможно, что будет введена какая-либо форма принудительного пополнения милиции. . . Набранная, на основании установленной законом о воинской повинности, милиция, подобная теперешним добровольцам, могла бы притти на помощь союзникам Англии на континенте не ранее, как через несколько месяцев после начала войны". Затруднения, с которыми было связано введение в Англии всеобщей воинской повинности по образцу германской, были, по нашему мнению, весьма велики. Но думать об этом нам уже не приходилось.

Подходящими местами для высадки английского экспедиционного корпуса нам казались Дюнкирхен, Кале и Булонь. Большие работы по сооружению гаваней в Канале ясно указывали на то, что все подготовлялось для быстрой и безопасной высадки англичан. Высадку в Ютландии мы считали совершенно невозможной. Дальнейшее использование английских войск на континенте должно было все время находиться в зависимости от поддержания тесной связи с местами высадки. По нашим тщательным вычислениям экспедиционный корпус мог быть готов на 10-й день мобилизации. Если бы сосредо-

точение в местах посадки началось утром 11-го дня мобилизации, то на 12-й день утром могла бы начаться и самая посадка. Предполагалось, что транспортные суда к этому времени будут в полной готовности. При благоприятных условиях к вечеру 12-го дня посадка могла закончиться. Высадка в Дюнкирхене, Кале или Булони могла бы закончиться, не считая двух Ирландских дивизий, которые должны были быть сменены территориальными войсками, приблизительно на 14-й день, а считая обе Ирландские дивизии—на 15-й день мобилизации. О подготовительных мерах, предпринятых для английской армии в Бельгии, уже говорилось. Являлось также несомненным, что самостоятельные колонии Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южно-Африканский союз будут готовы принять участие в европейской войне. Принципы совместной обороны империи были установлены с 1909 г. Большие английские колонии должны были в случае войны не только защищать самих себя, но и оказывать друг другу и в особенности метрополии вооруженную поддержку. Соответствующие обсуждения и соглашения составляли главный предмет колониальных и имперских конференций, состоявшихся в 1907, 1909 и 1911 г. г. Переговоры по этому вопросу являлись в главной своей части тайными. Следствием их явилось создание имперского Генерального Штаба в Лондоне, который, сохраняя полную военную самостоятельность колоний, должен был в единении с ними разрабатывать все вопросы, касающиеся обороны Британской империи. Вновь изданные во всех колониях в последние годы перед войной уставы о военной службе опирались на милиционную систему и предусматривали сначала набор добровольцев. Мобилизационная повинность все же везде имелась в виду. Милиционные армии к началу войны были настолько подготовлены, что, опираясь на них, Канада, Австралия и Новая Зеландия могли принять участие в европейской войне с значительными и доброкачественными вооруженными силами.

Завершением военно-политической подготовки Англии к войне являлось морское соглашение ее с Францией и Россией. Результатом переговоров с Францией было то, что в 1912 г. Франция получила возможность сконцентрировать свои суда в Средиземном море и предоставить Англии защиту своего западного и северо-западного побережья. Англия же стянула свой флот в Северном море.

По этому поводу „Дэи Национ“ писала: „Трудно было бы придумать более откровенное и обидное доказательство враж-

дебной по отношению к Германии морской политики. Фактически дело свелось к морскому союзу между нами и Францией и с Россией в качестве третьего союзника в хвосте. Поэтому германо-английское сближение становится невозможным". Тоже самое высказывала и „Дейли Ньюс": „морской союз представляет не что иное, как блокаду в буквальном и фактическом значении этого слова. Ни одной великой державе никогда так открыто не угрожали".

К этому присоединялось морское соглашение с Россией, возникновение которого следует отнести к посещению в апреле 1914 г. английским королем Парижа. Впоследствии относительно этого выяснилось следующее: „сначала было решено осведомить русское правительство о тайных военных соглашениях, состоявшихся между Англией и Францией. Эти соглашения должны были послужить образцом для англо-русских переговоров, которые должны были вестись между Г. Ш. обеих стран. Английский совет министров вполне одобрил этот план. Русские считали, что задача их флота в Балтийском море заключается в том, чтобы отвлечь часть германского флота из Северного моря и при благоприятных условиях высадить десант в Померании; правда, для последней операции не имелось достаточного количества транспортных судов. В этом отношении Англия должна была притти на помощь России, послав до начала войны в балтийские порты значительное количество торговых судов. Соглашения, хотя и не столь серьезного характера, имелись и в отношении Средиземного моря.

Это соглашение до войны окончательно достигнуто не было. Насколько успешны были переговоры между английским и русским морскими штабами неизвестно, но то, что стало известным из документов, достаточно, чтобы установить стремление Англии опутать нас сетями. Относясь поощрительно к русскому возбуждению, она укрепляла веру Петербургского правительства в то, что Англия неизбежно примет участие в европейской войне. Эта вера в конечном счете привела Россию к мобилизации и затем к войне против Германии.

Картина, которую Г. Ш. нарисовал себе до войны об английских вооруженных силах, была в общих чертах правильна. То, чего Англия достигла фактически за $4^1/_2$ года войны, конечно, далеко выходит за пределы ее рамки, но учесть это раньше не представлялось возможным. На возможность развертывания в широких размерах территориальной армии и использования в большом масштабе вооруженных сил самостоятельных колоний можно было расчитывать. Мы предвидели введе-

ние всеобщей мобилизационной повинности и даже возможность всеобщей воинской повинности с обязательной действительной службой. На введение воинской повинности согласилась Англия не легко и лишь после того как все остальные средства оказались непригодными. Тот факт, что многочисленные заново сформированные дивизии достигли высокой степени боевой способности, не является еще общим доказательством положительных качеств милиции или на скоро сформированных войск. Длительная война предоставила Англии время, необходимое для тщательного сформирования и обучения своих дивизий в тылу.

В одном отношении мы ошиблись. Английское владычество в Индии и Египте оказалось настолько прочным, что до значительных восстаний туземцев дело не дошло. Англия имела возможность взять из Индии больше войск, чем мы предполагали и даже использовать туземцев на европейском театре войны, хотя последнее обстоятельство особого значения не имело.

Не считая гарнизонов, колониальные войска были выставлены во Франции, Македонии, Палестине, Месопотамии и в немецких колониях. Организация британских вооруженных сил мирного времени совершенно не соответствовала требованиям, выставленным войной. Громадное увеличение сил и преобразование английской армии в течение войны является первоклассным организаторским достижением.

Некоторый промежуток времени замечалась разница между старыми дивизиями регулярной армии и новыми формированиями, но в течение войны она сгладилась и впоследствии все дивизии по своему достоинству сравнялись.

В августе и сентябре 1914 г. на французский театр военных действий был отправлен экспедиционный корпус в составе 6 пех. и 1 кав. дивизии. Затем до войны 1915 г. были сформированы из находящихся в Англии и в колониях отдельных батальонов 6 новых пех. дивизий и из кавалерийских частей 3 новых кав. дивизии.

С 13 по 15 августа из экспедиционного корпуса были высажены 4 пех. и 1 кав. дивизии. Две другие пех. дивизии высадились 23 августа и 10 сентября. Высадки происходили главным образом в Булони и частью в Гавре, Диеппе, Кале. Дюнкирхене и С.-Назаре. Оттуда части направлялись по железной дороге в Ле-Като. Таким образом, наши предположения и вычисления в главных чертах подтвердились и только относительно последних двух дивизий мы ошиблись в благоприятную для англичан сторону.

Территориальная армия получила значительное развитие. Наряду с каждой из существовавших 14 территориальных дивизий была сформирована параллельно второлинейная часть. Кроме того, были созданы территориальные единицы 3-й и 4-й линий. Территориальные дивизии по окончании обучения были отправлены на театр военных действий весной 1915 г., второлинейные же части позднее. Территориальные части 3-й и 4-й линий служили в качестве запасных частей. Наиболее крупными формированиями были „китченеровские армии". Создание их началось осенью 1914 г. по широко задуманному плану тогдашнего военного министра фельдмаршала Китченера. Всего было сформировано 30 дивизий. Первые китченеровские дивизии появились на театре военных действий летом 1915 г. Следующие дивизии были сформированы зимой 1916—17 г., независимо от китченеровской армии, из батальонов, которые раньше не входили в состав дивизии, и из конных территориальных полков.

Из морских частей имелось несколько бригад, составленных из частей морской пехоты флотского резерва.

Ко всему этому следует еще прибавить заново сформированные дивизии, которые крупные английские колонии отдали добровольно в распоряжение метрополии: 4 канадских, 5 австралийских, 1 африканскую дивизии и несколько бригад юго-восточной Африки. Из туземных войск приходилось иметь в виду только индийскую армию. Туземцы Египта, островов Ост-Индии, Новой Зеландии и африканские негры являлись либо неприспособленными, либо не принимались во внимание, вследствие малочисленности. Из Индии были взяты 3 пех. дивизии полного состава, 4 вновь сформированные дивизии, 2 кав. дивизии и довольно значительное количество отдельных батальонов и кавалерийских полков. Из них 2 дивизии и большая часть кавалерии сражались зимой 1914—15 г. во Франции в то время, когда необходимо было быстро подкрепить английские войска, действовавшие на бельгийско-французском театре военных действий. Но эти войска не приспособились к европейскому климату и, за исключением кавалерии, были отправлены назад. Большая их часть впоследствии была использована в Месопотамии.

Из частностей упомянем еще о создании и постоянном увеличении танковых отрядов, действие которых в первый раз мы испытали 20/XI 1917 г. у Камбе. Мы со своей стороны не могли противоставить им ничего равноценного.

Старую вербовочную и добровольческую систему Англия более не могла сохранить, хотя попытки к этому сначала и

делала. Китченеровские армии были еще составлены из добровольцев. Увеличение территориальной армии вначале достигалось также прежней системой набора. Но вскоре стали являться затруднения. Последней попыткой разрешить вопрос о пополнениях без введения обязательной воинской повинности была вербовочная кампания лорда Дерби. Способные носить оружие от 18 до 40 летнего возраста заносились в списки, а на незаписавшихся оказывалось давление со стороны общественного мнения. Результаты оказались неудовлетворительными, и Англии после долгих стараний избежать этого пришлось в начале 1916 г. решиться на введение обязательной воинской повинности сначала для холостых, а вскоре после того и для женатых.

Трудности набора заставили и часть колоний, в особенности Канаду, ввести у себя обязательную военную службу.

Сопоставление ставших известными данных об английских вооруженных силах, бывших во Франции в различные периоды войны, наглядно показывает громадные организационные достижения Англии.

Во Франции находились:

В середине октября 1914 г. .	8 английск. пех. дивизий
	2 индийск. „ „
	3 английск. кав. „
	2 индийск. „ „
	Всего около 200.000 чел.
В мае 1915 г.	12 английск. пех. дивизий
	2 инд. „ „
	1 канадск. „ „
	3 англ. кав. „
	2 инд. „ „
	1 канад. „ бригада.
	Всего около 300.000 чел.
В феврале 1916 г.	37 английск. пех. дивизий
	3 канад. „ „
	3 английск. кав. „
	1 канад. кав. бригада.
	Всего около 900.000 чел.

В сентябре 1916 г.	47	английск.	пех. дивизий
	4	канад.	„ „
	4	австрал.	„ „
	1	н.-зеланд.	„ „
	1/3	юж.-африк.	„ „
	3	английск.	кав. „
	1	канад.	„ „
	Всего около 1.400.000 чел.		
В апреле 1917 г.	53	английск.	пех. дивизии
	4	канад.	„ „
	5	австрал.	„ „
	1	новозеланд.	„ „
	1/3	африкан.	„ „
	5	английск.	кав. „
	1	канадск.	„ „
	Всего около 1.600.000 чел.		

На этой высоте численность держалась приблизительно до конца войны.

Будучи вполне уверен в том, что англичане выступят на стороне наших врагов, германский быв. генеральный штаб старался посредством сообщений, бюллетеней и т. п. распространить в армии сведения об английской армии и ее достижениях. „Фиртельярсхефте“ также постоянно печатал отчеты об успехах военного дела в Англии со времени „Гальданской реформы“. Так, например, одна статья в 1908 г. указывала на то, с каким вниманием Англия использовала всякий военный опыт. События в восточной Азии были тщательно исследованы: „Английские офицеры учились на манчжурских полях сражения и принимали участие во всех маневрах военных держав, наблюдая, сравнивая и учась. Весь почерпнутый материал обрабатывается английским генеральным штабом и затем становится достоянием армии. Большие маневры стали так же обычны, как и на континенте“.

Об английских солдатах говорилось следующее: „Блестящее историческое прошлое Англии и многочисленные поля сражений во всех частях света доказывают, что они всегда умели постоять за честь своего оружия“. Общий вывод гласит: „Английская армия, которой крупный организатор придал соответствующую военным требованиям форму, обучается по новейшим методам, внушает уважение и континентальным армиям“.

В 1911 г. подчеркивалось, что английский экспедиционный корпус „не уступает ни одной из континентальных армий". Мы, конечно, предполагали, что территориальная армия в течение кратковременной континентальной войны не успеет значительно развернуться, но вместе с тем мы обращали внимание на то, что вследствие военных осложнений возможна затяжка войны и что в таком случае территориальные дивизии после полугодового или еще более длительного обучения могут дать большие плюсы в пользу Англии.

О канаде и Австралии там же говорилось, что это „страны неограниченных возможностей. В каком направлении они разовьются,—предугадать нельзя. То же самое касается и их будущих армий".

В противовес всем приведенным данным др. Штейнгаузен упрекает главный штаб в недооценке противника в одинаковой мере, как по отношению к Франции и России, так и Англии.

„Главный штаб, по всей вероятности, считался с Англией только как с противником на море и едва ли предвидел, что она так быстро выставит на континенте такую сильную армию". Далее, будто бы главный штаб почти не считался с появлением колониальных войск и совершенно не рассчитывал на введение всеобщей воинской повинности. Какие из этих упреков основательны и какие нет, об этом уже говорилось. Мы не предвидели всего, что произошло за $4^1/_2$ года войны. Вероятно, не предвидел этого также и др. Штейнгаузен. Адмирал фон-Тирпиц в своих „Воспоминаниях" утверждает также, что английская армия недооценивалась. Ее любили у нас изображать „Томми-Аткинсами в маленьких кепках с тросточками". Когда он предостерегал в начале войны ген. фон-Мольтке от слишком легкого к ней отношения, последний будто бы ответил: „Мы ее арестуем". Когда как-то в другой раз в то же время внимание ген. фон-Мольтке было обращено на участие в войне английской армии, он ответил: „Чем больше англичан, тем лучше". К сожалению, адмирал считает нужным вывести из этого следующее заключение: „Нас провели в войне не только с политической, но и с чисто военной стороны". Я могу только предположить, что ген. фон-Мольтке, начиная кампанию, так выразился, чтобы подчеркнуть известный оптимизм. Намерение „арестовать", напоминая известное изречение Бисмарка, было, вероятно, сказано в шутку. Об английской армии ген. фон-Мольтке был точно осведомлен. Я в качестве начальника отделения делал ему в течение ряда лет соответствующие доклады. Составленный перед войной бывш. главным штабом

письменный доклад об английской армии, разосланный всем заинтересованным учреждениям, выдержки из коего приводились выше, является официальным суждением начальника генерального штаба. Он является основанием для оперативных соображений о проходе правого фланга армии через Бельгию.

Адмирал фон-Тирпиц держится того взгляда, что главный штаб недостаточно оценивал морское значение Англии при затяжной войне. Мы якобы были подготовлены лишь к кратковременной войне и думали только о борьбе с Францией, имперское правительство передало заботы о выигрыше войны генеральному штабу. Последний же оказался некомпетентным в политических, хозяйственных и военно-морских вопросах мировой войны. На опасность блокады, которая могла нас абсолютно изолировать, было недостаточно обращено внимания. В этом есть большая доля правды. Один генеральный штаб не мог разрешить этих вопросов. Они должны были быть своевременно поставлены морскими властями, обсуждены совместно с военными и гражданскими властями и получить окончательное разрешение в высшей инстанции. Подобной же постановки дела у нас иногда нехватало.

Какую позицию займет Англия в случае войны Германии с Францией, было нам известно до войны. Утверждение Готхейна („Почему мы проиграли войну“ Георг Готхейн 1919 г., стр. 53), будто бы главный штаб считал, что Англия останется нейтральной, ложно. Записки ген. фон-Мольтке 1911 и 1912 г.г. и последующие заявления определенно показывают, что главный штаб считался с тем, что Англия будет на стороне наших противников. О целях английской политики английская пресса высказывалась открыто. Достаточно вспомнить нашумевшую статью лондонского еженедельника „Saturday Review“ 1897 г., приходившую к заключению, „Germaniam esse delendam“: английское благосостояние может быть упрочено только тогда, когда Германия будет уничтожена.

Сближение Франции и Англии, как известно, было делом рук короля Эдуарда. В мае 1903 г. он посетил Париж, а в июле Лубе сделал уже ответный визит. На благодарственную телеграмму, которую Лубе отправил после отъезда, король ответил следующее: „Мое горячее желание, чтобы сближение между нашими обеими странами было бы длительным“. Известное колониальное соглашение 1904 г., по которому Франция получала свободу действий в Марокко и Англия в Египте, явилось основанием „сердечного соглашения“ между обеими странами. По этому поводу в ноябре 1904 г. Клемансо заметил в „Письме

из Тулузы": „В первый же день нашего союза с Россией я позволил себе высказать, что если мы осуществим сближение между Францией и Англией, то скоро будет положен конец прусской гегемонии. С тех пор враждебное отношение английского народа по отношению к Германии стало настолько ярко и прочно, что сближение с Францией существенно облегчалось. Оставалось только докончить начатое. Германия, несомненно, могущественнее, чем в 1870 г., но и теперешняя Европа не та, что Европа того времени. Где те, на кого Вильгельм II может рассчитывать, как на своих „искренних" союзников, как на друзей во всяких испытаниях".

На известной англофильской политике Делькассе здесь не стоит подробно останавливаться. К какой цели он стремился, он указал в 1899 г., когда сказал в палате следующее: „Двойственный союз открывает широкие горизонты, но чтобы осуществить планы, нужно терпение, последовательность и время". О политике Делькассе Делези в своей книге: „Грядущая война" говорит: „Он был следовательно тем, кто в 1904 и 1905 г.г. в согласии с английским кабинетом и без предупреждения кого бы то ни было старался строить козни против Германии. Он работал над тем, чтобы оторвать Италию от тройственного союза; он вел переговоры в Петербурге, он интриговал в Константинополе и вел дело к тому, чтобы Англия с помощью Франции могла разбить изолированную Германию". В январе 1906 г. на одном большом собрании в Париже было заявлено, что Делькассе своей политикой „сердечного соглашения" с Англией создал враждебную ориентацию по отношению к Германии.

События, имевшие место при возникновении войны и бельгийские документы, ставшие известными впоследствии, утверждают правильность составленных нами до войны суждений о настроении и намерениях Англии. Барон Грейндль, бельгийский посланник в Берлине, 18/II 1905 г. доносил министру иностранных дел барону Фаверо следующее: „Настоящая причина ненависти англичан к Германии заключается в соперничестве, вызванном необычайно быстрым развитием германского торгового флота, германской торговли и промышленности". Относительно соглашения между Францией и Англией тот же барон Грейндль в 1905 г. доносит, что оно одобряется обоими народами, так как в нем проявляется взаимная ненависть против Германии.

5/IV 1906 г. он сообщал: „не остается никакого сомнения в том, что это был английский король, который независимо от своего правительства вовлек Делькассе в воинственную политику и дал ему невыполнимое обещание высадить в Голь-

штинии 100.000 английских солдат. Приглашение, полученное Делькассе от короля во время его пребывания в Париже, может рассматриваться лишь как вызов".

24 мая 1907 г. бельгийский посланник в Лондоне гр. Ланенг сообщал министру иностранных дел следующее: „ясно, что официальная Англия втихомолку преследует враждебную к Германии политику, которая рассчитана на изоляцию Германии и что король Эдуард не пренебрег послужить этой идее своим личным влиянием. Но несомненно, что весьма опасно так откровенно отравлять общественное мнение, как это делает безответственная пресса".

IV. АВСТРО-ВЕНГРИЯ.

В промежуток времени с 1889 г. по 1912 г. для усиления австро-венгерской армии было сделано мало. Военное дело страдало главным образом от недостатка отпускаемых на него средств. Контингент новобранцев равнялся 139.500 чел. Вооруженные силы мирного времени в 1909 г. достигали круглым числом 23.000 офицеров и 362.000 чел., т.-е. 0,77% населения. Новобранцы разделялись по языкам на 10 различных народностей.

До 1912 г. нельзя было достигнуть увеличения набора новобранцев и потому необходимое количество людей для новых формирований артиллерийских, пулеметных и технических частей должно было набираться из других родов войск. Благодаря этому наличный состав войсковых частей был настолько ослаблен, что австро-венгерская армия имела как бы одни только основные кадры. При старой организации в роте мирного времени состояло в среднем только 60 чел. Для доведения полевых войск первой линии до полного боевого состава не хватало запаса обученных людей; приходилось для этого привлекать недостаточно обученных запасных. Ландвер (гонвед) в австро-венгерской армии до 1912 г. не имел никакой артиллерии. „Армия вянет", заявлял в 1908 г. военный министр фон-Шенайх.

Правда, законом в июле 1912 г. контингент новобранцев был увеличен до 216.500 чел., т.-е. на 77.000 чел., но все же многих неблагоприятных обстоятельств преодолеть не удалось и численный состав роты не поднялся выше 92 чел.

Во время Балканской войны 1912—13 г. недостатки вооружения в австро-венгерской армии выявились настолько ярко, что в 1913 г. был внесен новый законопроект, ставший в марте 1914 г. законом. Контингент новобранцев был вновь

увеличен на 35.000 чел. Но и при этих условиях численный состав рот увеличился до 120 чел. только в пяти корпусах, во всех же остальных роты остались в составе 92 чел. В артиллерии должно было наступить действительное улучшение, заключавшееся в увеличении числа батарей с 6 до 10 в составе пехотных дивизий. Но в общем и этот запас не достигал цели, не хватало средств. В обоснованиях было сказано, что для армии требуется только минимум, безусловно необходимый для выполнения союзнических обязательств. Но прежде всего этот закон не мог быть использован для войны, так как его проведение едва могло закончиться к 1916 г. Железнодорожная сеть для стратегических целей была недостаточна.

Численность армии мирного времени в 1914 г. достигала круглым числом 27.000 офицеров и 442.000 чел., т.-е. 0,91% населения.

Численность армии военного времени равнялась:

Полевые войска	1,400.000 чел.
Резервные	350.000 „
Ландштурм	550.000 „
Итого	2.300.000 чел.

Все эти обстоятельства нам были хорошо известны. Наш взгляд на австро-венгерскую армию в 1913 г. был формулирован следующим образом:

„Офицерство является главным и пока еще действительным противником разноязычности армии. Офицер отличается верностью долгу, нетребовательностью, знанием службы и пользуется доверием подчиненных. Нижние чины дисциплинированы, усердны, патриотичны, в большинстве верны императору и еще не затронуты антимилитаристическими подстреканиями. Средняя степень интеллигентности и образования ниже, чем в германской армии.

Принципы, положенные в основание уставов, вполне отвечают времени. Но обучение хромало и в особенности в пехоте в течение целого ряда лет. В маневрах не могли принимать участия войска в достаточном количестве, не говоря уже об участии войсковых соединений в составе военного времени. Немногочисленные маневры [illegible] из всех родов оружия по той же причине не давали [illegible] новым начальникам достаточно опыта в управлении войсками".

В заключение говорилось, что „еслибы австро-венгерская армия была одновременно занята борьбой на два фронта (на восточной и южной границах), то она не могла бы освободить

германские силы, собранные на русской границе, что являлось настоятельно необходимым".

В другом месте мнение об австро-венгерской армии было выражено в сравнительно еще мягкой форме следующим образом: „численный состав, степень обучения, организация и отчасти вооружение австро-венгерской армии оставляют желать многого".

Мы бы хорошо сделали, если бы последовали примеру французов и русских, которые умели строгим взаимным контролем достигать высшей степени боевой подготовки войск союзников. Наши же отношения к Австрии не могут служить почвой для упреков нас в милитаризме. То, что главным образом ослабляло военную мощь Австро-Венгрии и что не могло изменить наше вмешательство, заключалось в разношерстности населения монархии, состоящего из немцев, мадьяров, чехов, поляков, русинов, сербов, кроатов, словаков, словенов, румын, итальянцев и цыган.

2. Военное положение Германии до войны.

Обзор военных мероприятий по подготовке к войне враждебных нам стран должен с полной очевидностью показать всякому беспристрастному человеку, кто стремился и побуждал других к войне. Это не был германский „милитаризм".

Причины возникновения мировой войны ясны: во Франции дошедший до крайности шовинизм, в России стремление к господствующему влиянию на Балканах (панславизм) и к обладанию Константинополем, в Англии—соперничество Германии в мировой торговле, промышленности и морском флоте. Ненависть к нам соединила их, несмотря на все существовавшие между ними разногласия. Король Эдуард довел это дело до конца. Сухомлиновский процесс раскрыл подстрекательства русской военной партии. Приказ о мобилизации в России дал последний толчок. Дорога к Константинополю должна была вести через Берлин.

В последние годы перед войной делалось все заметнее, как тон французской печати становился все враждебнее и настойчивее побуждал к войне.

В начале марта 1908 г. французский ген. Прюдом в „Ля Франс Милитер" призывал к войне с Германией: „Надо желать, чтобы неизбежная война наступила как можно скорее. Никогда не представится нам более благоприятного случая вновь занять подобающее место в мире, так как теперь мы можем иметь неожиданно двойную поддержку России и Англии, которая стремится уничтожить германский военный флот и ее морскую торговлю".

Полк. Пьер Феликс пишет в „Рипост“ 1912 г.: „Куда ни посмотришь, под каким углом зрения ни исследуешь международное положение, приходишь к выводу, что Пруссия погибла, если только тройственное согласие не останется пассивным или кто-нибудь из его политических деятелей, ставши во главе дипломатического движения, путем воздействия на друзей и врагов, поставит их в случае надобности перед совершившимся фактом вместо того, чтобы все время только лавировать. Час настал, Франция должна вновь получить потерянное... Наши матери говорили нам о реванше. Но кто говорит о реванше, тот думает о нападении“.

„Ля Франс Милитер“ 17-го января 1912 г. пишет: „Все наши мысли должны быть о войне“.

Жорж Обер в своей книге „Франко-германское безумие“, вышедшей в Париже за 4 месяца до войны, говорит, что вина вовлечения обеих стран в колоссальный военный конфликт должна быть приписана не Германии, а Франции.

Этим взглядам соответствуют громадные вооружения наших противников, которые уже были описаны. Бремя, взятое на себя особенно Францией, было так велико, что выдержать его долгое время не представлялось возможным. Все было расчитано на близость войны.

Бельгийские дипломаты в Париже, Лондоне и Берлине, чьи доклады стали нам известны впоследствии, высказывают относительно военного и политического положения те же суждения, что и мы. Собранные полк. Швертфельгером бельгийские документы содержат преимущественно материал для определения причин мировой войны. („О европейской политике: Идея реванша и панславизм“). „Они показывают с непреложностью“, резонно замечает он в предисловии, „что до летних дней рокового 1914 г. едва ли хоть один из бельгийских дипломатов усматривал главную опасность, угрожающую европейскому миру, со стороны Германии. Их доклады скорее ясно и беспристрастно свидетельствуют о том, что они ожидали много зла для будущего от французской политики реванша, от русского панславизма и от политики изоляции Германии Эдуарда VII“. Уже само заключение франко-русского союза выясняло его цели.

Когда в июле 1891 г. французский флот под командой адмирала Жерве появился на Кронштадском рейде, вихрь воодушевления охватил Париж и Петербург.

„Сближение“, писал английский посланник в Берлине барон Грейндль в 1891 г., „покоится лишь на взаимной ненависти Франции и России к Германии. Поэтому оно может иметь только агрессивный характер, несмотря на все старания

французов и русских убедить мир в том, что франко-русский союз является второй мирной лигой". В 1893 г. та же картина повторилась при ответном посещении Тулона русским флотом. 25/X 1893 г. барон Грейндль доносил в Брюссель: „нет ничего более низкого чем ненависть к Германии, которой не могут простить того, что она стала сильнейшей страной в мире, каковою прежде была Франция, а в будущем надеется стать Россия. В устах всего народа клич: „да здравствует Россия" имеет то же значение, что клич 1870 г. „в Берлин". Французский народ надеется, что царь либо добровольно, либо вынужденно в один прекрасный день поможет ему занять вновь потерянное положение. Тулонский визит, усилив французское самомнение, уменьшил таким образом безопасность для Европы". Военная конвенция 1892—94 г. укрепила направленный против нас союз.

В последующие годы бельгийские дипломаты высказывались в том же смысле относительно дальнейшего развития франко-русской политики, направленной против Германии. Доклад бельгийского посланника 16/V 1906 г. гласит: „среди пущенных в ход для изолирования Германии средств, одним из наиболее употребительных и действительных является поход прессы. В течение ряда лет Германии приписываются макиавеллистические приемы, которых она никогда не применяла, и честолюбивые планы, о которых она никогда не помышляла. Постоянным повторением этой лжи добивались того, чтобы представить немецкую политику в качестве угрозы европейскому миру, но при этом забывали, что ей обязаны 35-ю годами мира и что опасность грозит не со стороны Германии, которая довольна тем, что она имеет, а со стороны держав, которые стремятся перекроить карту Европы... Тройственный союз долгое время поддерживал мир в Европе. Сомнительно, чтобы новая группировка держав, которую стараются дополнить, представила бы те же гарантии".

В 1908 г. бельгийский посланник в Берлине барон Грейндль сообщал министру иностранных дел: „В чем усмотрел Делькассе желание Германии навязать другим европейским народам свое преобладание. Мы ее ближайшие соседи и в течение 20 лет я не замечал никакой склонности злоупотреблять своей силой или нашей слабостью. Я бы желал, чтобы другие великие державы в такой же степени считались бы с нами. Что угрожало миру Европы, как не французская идея реванша. Политика, которую ведет король Эдуард под предлогом спасти Европу от воображаемой германской опасности, создала действительную опасность, которая грозит в первую очередь нам".

30/V 1908 г. он же доносил: „Тройственный союз стоял в течение 30 лет на страже мира. Новая группировка (он имеет в виду Англию, Россию и Францию) угрожает ему, так как она состоит из держав, которые хотят, во что бы то ни стало, пересмотреть status quo с целью привести к молчанию голоса вековой ненависти".

В том же году в докладе от 14/XI он еще раз подчеркивает: „Не подлежит сомнению, что 37-ю годами покоя, которыми мы пользовались, мы обязаны Германии и стремлению к миру императора".

До начала мировой войны бельгийские дипломаты оставались при этом мнении. Еще 24/VI 1914 г. в докладе бельгийского посланника в Париже говорится: „Франция и Россия ведут в настоящее время опасную игру. Они побуждают друг друга доводить вооружения до крайней степени и предаются, особенно Россия, блеффу, могущему иметь самые вредные последствия"...

Никто не сомневается в мирных намерениях императора Вильгельма. Но долго ли можно будет расчитывать на такой образ его мыслей в виду угрожающей позиции Франции и России и того влияния, которое она имеет на шовинистов и милитаристов Германской империи.

Пытались объяснить французские вооружения, в особенности проект закона о воинской повинности 1913 г., как следствие увеличения германских вооруженных сил. Проекты законов о воинской повинности Франции и Германии по времени приблизительно совпадают. Французское правительство умело воспользовалось германским проектом о воинской повинности, чтобы провести в парламенте свои военные требования. Но нужно указать, что эти требования были вызваны не германскими мероприятиями, а были выработаны уже раньше.

Французский военный министр Мильеран сказал сотруднику „Франс милитер", что он, будучи на этом посту с января 1912 г. по январь 1913 г., решил испросить военный чрезвычайный кредит. Депутат Клемансо в докладе палате указал, что Мильеран принял это решение еще в декабре 1912 г., когда о германском законопроекте о воинской повинности еще не говорилось ни слова. Проект был готов у военного министра 19/XII 1912 г. Первые общие сведения о новом германском проекте о воинской повинности попали в прессу в средине января 1913 г., причем указывалось, что предположено сформировать несколько новых пулеметных рот, 15 эскадронов, а также увеличить количество лошадей в артиллерии. Это сведение стало известно только 12/II 1913 г. Заседание же французского кабинета министров, на котором было решено требо-

вать принятия чрезвычайных мер обороны, состоялось 10/II 1913 г., то есть еще до того, как стали известны какие-либо подробности о германском законопроекте. Фактически требования французского правительства для обороны „Тан“ опубликовал 17 февраля и указал в общих чертах, для каких целей эти средства предназначались. Одновременно тот же орган сообщал известие о том, что правительством обсуждается законопроект, имеющий в виду усиление вооруженных сил посредством возвращения к 3-хлетнему сроку службы. Проект этого закона был подписан 6/III 1913 г. и тотчас же опубликован. Официальный текст германского проекта появился в прессе лишь 29/III 1913 г. Сопоставление этих дат указывает на то, что французские военные законопроекты предшествовали германским. Это подтверждается и с французской стороны. Депутат Шотан 2/VI 1913 г. осуждал все возраставший шовинизм и замечал, что французский законопроект был заготовлен задолго до усиления германских вооруженных сил. В сделанном палате от имени военной комиссии докладе о чрезвычайном военном кредите депутат Пате сказал, что потребованных миллионов быть может не хватит.

В то время, когда было сделано это заявление, об усилении германских вооруженных сил еще ничего не было известно.

Эти факты не могут быть опровергнуты французской „Желтой книгой“, в которой французский посол введение 3-хлетнего срока службы выставляет как ответ Франции по отношению германского законопроекта. Оба доклада военного и морского атташе Франции, датированные 15 марта, доказывают скорее противное. В то время, как французский законопроект был опубликован уже в начале марта, сообщить сведения об увеличении германских вооруженных сил на основании данных германской прессы французские атташе могли бы лишь в середине марта.

Из попавших в наши руки бельгийских документов видно, что 19/II 1913 г. бельгийский посланник в Париже барон Гильом доносил министру иностранных дел о разговоре с французским министром иностранных дел. В этом докладе говорится: „Германская пресса удивляется военным мероприятиям, которые французское правительство хочет предпринять в ответ на усиление вооруженных сил Германии. Иначе и быть не могло. Немцы черпают свои силы из постоянного прироста населения, мы же со своей стороны должны принять все меры к тому, чтобы это преимущество сгладить лучшей организацией наших сил. Газеты, в особенности „Тан“, не правы, выставляя планы французского правительства, как ответ на принятые с

германской стороны мероприятия. Многое из этого является только результатом давно предпринятых обсуждений".

Германия не стремилась к тем военным целям, которых домогались Англия, Франция и Россия. Громадный хозяйственный подъем Германии настоятельно требовал для своего полного развития мира. Для того, чтобы поддержать его, в виду угрожавшего Германии изолирования, ей необходимо было иметь сильную армию. Географическое положение могло заставить ее вести войну на два фронта. Иное положение в этом отношении занимали Франция, Россия и даже Англия. Это признал и сам Ллойд-Джорж, когда он в 1914 г. в день нового года сообщил „Дейли Хроникль", что германская армия является не только жизненным условием для устойчивости Германской империи, но и для возможности существования самой германской нации, так как Германия окружена другими нациями, почти равными ей по силе. Не надо забывать, что Германия должна обезопасить себя как со стороны Франции, так и со стороны России. Напряжение сил обороны Германии не отвечало в полной мере ни трудности ее положения, ни степени вооружения настроенных враждебно к нам стран.

Мы оставались позади наших врагов. В этом заключалась наша главная ошибка. Ежегодно не призывались тысячи военнообязанных и даже закон 1913 г. не охватывал всех годных к военной службе. Кадры резервных войск, как и раньше, обучались недостаточно. Австрия оставалась еще дальше позади нас.

Приведем еще раз для сравнения наиболее важные цифры.

Соотношение между вооруженными силами мирного времени и численностью населения в Германии (за исключением вольноопределяющихся, служивших 1 год; цифры в скобках включают их) было:

1871 г.—1%	1905 г.—1,05% (1,07%)
1890 г.—1,04% (1,06%)	1911 г.—0,997% (1,023%)
1893 г.—1,13% (1,15%)	1912 г.—0,984% (1,984%)
1899 г.—1,10% (1,12%)	1913 г.—1,188% (1,212%)

После введения 3-хлетнего срока службы, соотношение во Франции было 2,10%, в Германии, после проекта 1913 г.—1,26%. Вооруженные силы мирного времени после введения с обеих сторон новых законов возросли во Франции до 850.000 чел., в Германии до 786.460 чел. После окончательного проведения их в жизнь Франция должна была иметь 863.000 чел. Германия 792.132 чел.

Таким образом во Франции при 40 миллионах населения под знаменем было бы приблизительно на 70.000 чел. больше, чем в Германии, имеющей 67 миллионов населения.

Сравнительная таблица полевых частей по числу едоков.

Весна 1912.		Весна 1913.		Весна 1914.		После введения военной реформы.	
Германия	1.843.000	Германия	1.853.000	Германия	2.061.000	Германия (1.4.17.) . .	2.138.000
Австро-Венгрия . . .	1.009.000	Австро-Венгрия . . .	1.100.000	Австро-Венгрия . . .	1.100.000	Австро-Венгрия (до 18)	1.140.000
Итого. . .	2.852.000	Итого. . .	2.953.000	Итого. . .	3.161.000	Итого. . .	3.278.000
		Франция [1])	1.614.000				
		Россия [2])	2.040.000			Франция [1])	2.104.000
Франция [1])	1.565.000	Кроме того 2 кавказ.		Франция [1])	2.104.000	Россия [2]) (до осени	
Европ. Россия . . .	1.818.000	армкорпуса	126.000	Россия [2]) с Кавказом.	2.712.000	1915 года с Кавказом)	2.822.000
Итого. . .	3.383.000	Итого. . .	3.780.000	Итого. . .	4.816.000	Итого. . .	4.926.000
—	2.852.000	—	2.953.000	—	3.161.000	—	3.278.000
Превосходство Франции и России	531.000	Превосходство Франции и России	827.000	Превосходство Франции и России	1.655.000	Превосходство Франции и России	1.648.000
Кроме того:		Кроме того:		Кроме того:		Кроме того:	
Бельгия	180.000	Бельгия	180.000	Как и в 1913 г.		Бельгия (до 1917) . .	340.000
Англия (только экспедиц. корпус)	144.000	Англия (только экспедиц. корпус)	144.000			В остальном как и в 1913.	
Румыния	280.000	Сербия	285.000				
		Румыния	280.000				
		Болгария	320.000				

[1]) Без черных войск.

[2]) Без сибирских и туркестанских корпусов.

Сравнительная таблица

фактически вооруженных сил мирного и военного времени летом 1914 г. На основании известных теперь материалов.
(Численность людей, включая офицеров [1]).

Государства.	Силы мирн. времени.	Силы военного времени.		
		Пехдивизии.	Кавдивизии.	Численность.
Германия	760.908	85 [2])	11	2.019.470
Австро-Венгрия	477.859	57	11	1.470.000
Итого.	1.238.767	142	22	3.489.470
Россия	1.581.000	118½ [4])	40 [5])	3 461.750
Франция	883.566	75 [6])	10	2.032.820
Англия	248.000 [7])	6	1 и 2 самост. бриг.	132.000 [8])
Сербия	51.600	10	1	285.000
Бельгия	61.282	6	1	280.000
Итого.	2.852.448	215½	54	6 191.570

Проектировавшаяся численность полевых и гарнизонных войск исчислялась в следующих цифрах:

Для 1913 года до введения новых законов:
Для Франции — 3.895.000 чел.
„ Германии — 3.703.000 „
Для 1915 г. по введении их:
Для Франции — 4.364.000 чел.
„ Германии — 3.879.000 „

---

[1]) При сравнении с цифрами, указанными в других местах, следует иметь в виду, что здесь, с одной стороны, включены все офицеры, с другой, исключены формирования, указанные в примечании 2-м, а также и то, что данные относятся к лету 1914 г.

[2]) Исключая резервные формирования, ландвер и ландштурм в Германии, территориальную армию во Франции, ополчение в России.

[3]) Включая 6 мобилизованных резервн. дивизий.

[4]) Выше приведены только европейские и кавказские армкорпуса и не приняты во внимание сибирские и туркестанские.

[5]) Включая 12 казачьих дивизий.

[6]) 48 активных и 27 резервных дивизий, из которых две были сформированы лишь в октябре 1914 г.

[7]) Регулярная армия в Англии и колониях.

[8]) Только экспедиционный корпус.

Если бы мы захотели обойтись меньшими силами на Восточном фронте против России, то главную тяжесть русского наступления должна была бы принять на себя Австрия; сравнение между Австро-Венгрией и Россией являлось неблагоприятным:

Силы мирного времени 1912 года.		Воен. врем. 1912 г.	Мирн. врем. 1914 г.	Воен. врем. 1914 г.
Россия	1.300.000	4,6 млн.	2.000.000	Около 5 млн.
Австро-Венгрия .	380.000	1,4 „	442.000	„ 2,3 „

3. ПОЗИЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА К МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

Генеральный Штаб не вовлекал в войну.

Приведенные цифры являются главным образом результатами вычислений, произведенных Б. Г. Ш. до войны и говорят сами за себя. Г. Ш. вполне сознавал серьезность положения и, конечно, при этих условиях не мог побуждать начать войну. Если бы он когда-либо этого хотел, то не преминул бы для этой цели воспользоваться наиболее благоприятной обстановкой 1905 г., когда Россия выбыла из строя.

Г. Ш. мог и должен был настаивать перед военным министерством о принятии необходимых для усиления мер на основании предназначенных для рейхстага соображений, что он и делал. Это доказывают материалы рейхстага и подробные доклады ген. фон-Мольтке. Непосредственное влияние на рейхстаг было нежелательно и не относилось к компетенции Г. Ш. Отстаивание интересов армии в парламенте принадлежало исключительно военному министру.

Доклад Г. Ш. от ноября 1911 г. помещен в выдержках в книге: „Вовлекал ли германский Г. Ш. в войну“. Документы германского Г. Ш. Декабрьский доклад 1912 г. опубликовал ген. Людендорф („Французск. искажение моего доклада 1912 г.“ Берлин 1919 г.). Коснемся существенных мест обоих докладов, поскольку они не были приведены выше. В части, касающейся военно-политического положения Германии—ноябрьский доклад 1911 г. основывался на данных о Франции. Он подчеркивал, что

националистическая партия развила там оживленную деятельность. В нем говорилось: „Благоприятные виды, уверенность в военной поддержке со стороны друзей и союзников, пробудившееся вновь за последнее время чувство собственной мощи, никогда не затихавшая идея реванша, надежда на восстановление французского престижа и на возвращение потерянных провинций могут при легко возбудимом характере народа неожиданно быстро привести к войне. Поколебленная поражением русских уверенность возродилась, когда царская империя вновь окрепла; общественное мнение Франции в последние годы до войны обрабатывалось откровенно в ежедневных газетах и журналах, а также и более серьезные научно-обработанные военные статьи начальствующих лиц, занимающих высокие посты, стремились доказать превосходство французской армии над германской. Успехи воздухоплавания (в отношении создания и работы воздушного флота Франция заняла несомненно первое место в ряду других стран и сильно опередила Германию) в буквальном смысле слова опьянили страну. В этом „четвертом роде оружия" Франция видела верное средство для победы".

В Германо-Французской войне Англия и Россия должны были оказаться на стороне Франции. Позиция Италии была сомнительной. Если она склонилась на сторону Антанты, то это в значительной степени повредило бы силе удара Австрии против России. Имелись определенные сведения о том, что в этом случае Австрия направит свои главные силы против Италии, против же России будет действовать оборонительно.

Большую роль для нас должна была сыграть позиция Турции как в отношении России, так и Англии. Но при всем том с уверенностью можно было расчитывать только на соединенные военные силы Германии и Австрии.

При этом сопоставлении приходилось принимать во внимание, что за последний ряд лет обстоятельства для союзных монархий ухудшились. Россия со времени несчастной для нас Японской войны основательно реорганизовала свою армию, ускорила мобилизацию, улучшила материальную часть и настолько расширила жел. дор. сеть, что для стратегического развертывания армии на Западе и Юго-Западе требовалось вдвое меньше времени, чем 5 лет тому назад. Неправы оказались утверждавшие, что Россия еще долгое время не будет готова к европейской войне. Англия со своей стороны сделала все, чтобы увеличить и улучшить свои военные силы, насколько это было возможно в рамках ее государственного устройства, она могла выставить на континенте армию в 150.000 чел. Франция содержала

армию, которая по численности мирного времени была почти равна германской, по численности же военного времени лишь незначительно ей уступала. Она использовала все свои рессурсы в такой степени, что Германия в этом отношении стала сильно отставать. В то время, как Германия призывала для обучения в строю 52,7%, а всего 53,2% военнообязанных, Франция в то же время призывала 78,1%, а всего 82,9%. Бельгия также намеревалась усилить свои вооруженные силы.

Почти во всех европейских странах стала царить повышенная военная деятельность. Все стали готовиться к великой войне, которую все равно рано или поздно ждали. Только Германия и союзная с ней Австрия не принимали участия в этих приготовлениях. В то время, как австрийское правительство уже в течение ряда лет напрасно боролось за незначительное увеличение состава армии в мирное время, Германия в отношении требования „на предстоящее пятилетие" держалась в самых умеренных границах. Фактически, правда, незначительное увеличение сил обороны могло наступить, но не раньше чем в 1914 г. Окруженная со всех сторон врагами, Германия оставляла ежегодно тысячи людей, способных носить оружие, необученными и поэтому бесполезными для защиты страны. Относительно предположенных на случай войны операций говорилось кратко лишь в том смысле, что опаснейшим врагом является Франция и что главные силы необходимо направить против нее, против же России следует выставить ровно столько, сколько необходимо для защиты восточных провинций.

В этом докладе никто не найдет даже маленького намека на то, что Германия имела в виду вести наступательную войну. Из него вытекало, что Германия ожидает нападения более сильного врага и хочет подготовиться для его отражения. В нем подчеркивалось, что Германия не имеет никаких целей, походящих на французские, что ее целью является только сохранение приобретенного. Результатом этого доклада явилось увеличение армии 14 июня 1912 г., причем прирост вооруженных сил мирного времени выразился круглой цифрой в 29.000 чел., являвшейся совершенно недостаточной. Напряженность положения в 1912 г. увеличилась. Во врученном 21 декабря этого года рейхсканцлеру докладе делались соответствующие выводы.

Этот доклад исходил также из того, что в будущей европейской войне против тройственного союза выступит Франция, Россия и Англия. Расчитывали, что Румыния может стать на сторону тройственного союза. Что касается Австрии, то считались с тем, что она будет частью отвлечена положением на Балканах.

В отношении верности Италии этот доклад был более оптимистичен, чем первый, но на безусловное выступление всех ее вооруженных сил на стороне тройственного союза все-таки не расчитывали.

Трудно было допустить, что Италия пошлет на Верхний Рейн 3-ю армию (5 арм. корпусов и 2 кав. дивизии). На ее помощь можно было расчитывать только в смысле приковывания небольших французских сил к альпийской границе:

Тройственный союз заключен в качестве оборонительного и потому в нем налицо все слабости такового... Тройственное согласие точно также называется оборонительным союзом, но в то время, как в основе тройственного союза лежат ясно выраженные оборонительные тенденции, в тройственном согласии имеются налицо крупные агрессивные цели, к достижению которых стремилась Антанта. Россия имеет понятное желание, поразив Австрию, стать преобладающей славянской державой в Европе и через Сербию открыть себе путь к Адриатическому морю. Чувство самосохранения заставляет Австрию противодействовать этому. Франция желает реванша за поражение 1870 г. и возвращения потерянных провинций. Германия напротив желает сохранить то, что имеет. Англия с помощью союзников желает освободиться от морской мощи Германии. Германия же не думает об уничтожении английского флота и в этом отношении хочет только защищаться.

В результате, следовательно, наступательные цели с одной и оборонительные цели с другой стороны.

Главное бремя войны должно было лечь на плечи Германии, численность же ее армии, принимая во внимание необходимость иметь несколько фронтов, была недостаточной. Чтобы иметь возможность наступать на одном фронте, на другом мы должны были ограничиться меньшими силами, достаточными лишь для обороны. Наступление должно было быть направлено против Франции. Здесь можно было надеяться достигнуть быстрой развязки, тогда как наступление на Россию затянулось бы на неопределенно долгое время. Но чтобы иметь возможность наступать на Францию, необходимо было нарушить бельгийский нейтралитет. Напасть на французскую армию в открытом поле и разбить ее можно было только при условии прохода через Бельгию. В этом случае перед нами оказался бы английский экспедиционный корпус и, если бы не удалось притти к соглашению с Бельгией, бельгийские войска. Во всяком случае такая операция имела большие шансы на успех, чем фронтальное наступление на укрепленный французский восточный фронт; последнее

связало бы военное командование операциями осадного характера, отняло бы много времени и не дало бы возможности армии проявить порыв и инициативу, которые были тем более необходимы, чем больше было бы врагов, с которыми нам пришлось бы считаться. Перевес сил Антанты (Англии и Франции) на западе достигал 124 батал., а считая и Бельгию в числе наших противников, 192 батал. Перевес сил России над Германией и Австрией на востоке равнялся 374 батал., 319 эск. и 82 батар. Кроме того, приходилось считаться еще с тем, что Россия с каждым годом все больше усиливается. Наши пограничные провинции также требовали усиления. На востоке, да и на западе, следовало ожидать нападения противника тотчас по объявлении мобилизации. Мне кажется, что в вышеприведенных соображениях я даю достаточные доказательства необходимости увеличения наших вооруженных сил и улучшения условий обороны страны. Политическое положение требовало этого во чтобы то ни стало.

При проведении нужных для этого мер, которые в отдельности указаны во II части доклада, конечно, от нации потребуются большие жертвы, как в отношении личного состава, так и денежные. но они будут во всяком случае меньше тех, которые потребовались бы от нас в случае проигранной кампании.

В странах наших противников делаются громадные напряжения для увеличения своей боеспособности, Германией также должны быть принесены жертвы.

Во второй части доклада выставлялись соответствующие требования. Людского материала для усиления армии было достаточно. Франция выставляла 82% своих военно-обязанных, Германия же только от 52% до 54%. Если бы мы напрягли наши силы подобно Франции, то при проведении всеобщей воинской повинности мы могли бы достигнуть увеличения контингента новобранцев на 150.000 чел., а наших вооруженных сил мирного времени на 300.000 чел.

Увеличение призыва молодых годов являлось бы социальным долгом и тогда старшие возрасты, среди которых было много отцов семейств, могли бы быть отпущены, Мы бы избежали необходимости немедленной отправки на фронт большей части приданных резервным частям ополченцев, в то время как тысячи молодых людей оставались дома, потому что не были обучены. Существеннейшие требования заключались в следующем: в увеличении штатов всех родов войск, с целью придать большие силы действующим частям во время войны; в сформировании по крайней мере трех новых арм. корпусов для наступления на западе, с целью сгладить разницу в силах и одно-

временно оставить достаточную защиту на восточном фронте; в создании армейских инспекций, нескольких кавалерийских полков и т. д.; в пополнении тяжелой артиллерии, сапер и войск сообщений; в развитии авиационных частей; в усовершенствовании обозных формирований; в пополнении и улучшении войскового снаряжения (походные кухни, больший запас боевых припасов, зенитные орудия); в усилении вооружения пограничных крепостей (расширение Грауденца и Торна).

Кроме того, являлась настоятельная потребность в омоложении и дальнейшем усовершенствовании резервных формирований за счет ландвера. Франция в значительной степени усилила боевую готовность и качество соответствующих категорий войск. Доклад был дополнен статистическим материалом. Дальнейшие подробные данные были представлены для парламентских обсуждений весной 1913 г. (см. вышеприведенную таблицу).

Этот доклад явился главным стимулом для усиления армии. Согласно закона от 3/VII 1913 г., который все же не соответствовал выставленным требованиям, эта военная реформа увеличила наши силы мирного времени на 117.267 чел., но она не дала трех необходимых арм. корпусов.

Выставленные докладом требования и их обоснования являются главным образом делом Людендорфа, бывшего тогда начальником отделения Б. Г. Ш. в чине полковника. Он употребил всю силу воли для его осуществления. Имеются все основания быть ему благодарным. Мы были бы еще более ему благодарны, если бы ему удалось настоять на сформировании трех новых корпусов. Это его требование не дошло до рейхстага.

Значение, которое этот вопрос получил в обществе, заставляет нас выяснить нашу позицию по отношению к нему. Тогдашний военный министр ген. Геринген привел в „Крейццейтунг“ от 13 ноября 1919 г. причины, которые в то время побудили военное министерство отнестись к этому вопросу отрицательно. Образование трех новых корпусов привело бы к созданию многочисленных высших штабов и войсковых частей. Без ущерба для внутренней структуры армии и в связи с другими заключающимися в законопроекте значительными расширениями достичь этого было нельзя. После этого ген. фон-Мольтке заявил о том, чтобы его требования, в случае если они не будут внесены в законопроект, были бы доведены до сведения рейхстага. Однако, исполнить это одновременно с представлением других обширных требований военное министерство считало неудобным. Генеральный Штаб должен к этому добавить следующее. Решение кайзера отложить формирование трех новых арм. корпусов

на будущее время являлось результатом доклада военного министра 23/I 1913 г. Начальник Г. Ш. узнал об этом решении позднее из сношения военного министерства от того же числа. На этом он однако не успокоился. В марте 1913 г. он писал рейхсканцлеру о том, что в связи с вероятностью возвращения Франции к 3-х летнему сроку службы, он просит еще раз внимательно пересмотреть этот вопрос и выяснить, не является ли возможным в связи с этим обстоятельством сформировать в ближайшее время до 1 октября 1913 г. по крайней мере один арм. корпус. 5 марта 1913 г. начальник Г. Ш. еще раз доносил канцлеру, что по имеющимся сведениям Россия предполагает сформировать 3—4 арм. корпуса, что, в связи с предстоящим возвращением Франции к 3-х летнему сроку службы, отразится на нас неблагоприятно. В будущем же программа организации армии, развитая в докладе 21/XII 1912 г., во всяком случае явится недостаточной, а потому осуществить ее немедленно тем более необходимо. Долг заставляет начальника Г. Ш. обратиться еще раз к рейхсканцлеру с просьбой вновь обсудить—нельзя ли тотчас же приступить к осуществлению программы, которая имела в виду, кроме дальнейшего увеличения штатов мирного времени, сформирование трех новых арм. корпусов и еще раз подчеркивалось, что это требование является минимальным по отношению к тому, что должно быть теперь же сделано для реорганизации армии. Копии сношений от 1 и 5 марта были сообщены военному министру. Эти примеры показывают размер полномочий начальника Г.Ш. и рамки, в которые он был поставлен при защите выдвигаемых им требований. Надо заметить, что доклад 1912 г. ни в коей мере не ратует за наступательную войну. Наоборот, в нем ясно подчеркивается, что агрессивные цели налицо у наших противников, в то время, как у нас речь идет лишь об удержании за собой нашего собственного достояния. Ясно, что такого рода оборонительная война при осуществлении ее не может ограничиться обороной и что после начала военных действий нельзя выжидать и смотреть, что решит предпринять против нас противник, а нужно попробовать посредством наступления нанести поражение по крайней мере одному из противников.

В этом смысле и надо понимать слова, когда речь идет о наступательных тенденциях. В дальнейшем мы конечно коснемся вопроса о предусмотренном нарушении бельгийского нейтралитета. Вопрос, нужно ли было вести наступление через Бельгию, будет рассмотрен позднее.

Французская „Желтая книга“ среди „Дипломатических документов 1914 года“ вместо доклада 1912 года опубликовала

другой доклад от 19 марта 1913 года, который должен был доказать, что мы искали войны и стремились к наступлению с широкими политическими целями. Составителем этого доклада „Тан“ называет ген. Людендорфа. Последний, перепечатав его в упомянутой уже книге („Французское извращение моего доклада 1912 г. о грозящей войне“), отрицает какое бы-то ни было отношение к нему. Содержание его ни в коей мере не отвечало взглядам Г. Ш. Очевидно, это—подлог, жертвой которого стало французское правительство. Поэтому рассматривать его мы не будем.

В связи с тем, что Г. Ш. узнавал о постановке военного дела у противников, обстановка с 1912 г. по 1914 г. непрерывно менялась. Поэтому весной 1914 г. Г. Ш. счел нужным еще раз в отправленном рейхсканцлеру и военному министру докладе выставить требование о скорейшем проведении закона о всеобщей воинской повинности, то есть о приеме на военную службу всех немцев, способных носить оружие. Это требование до начала войны выполнить не удалось. Мотивировка приводилась следующая: „с 1912 г. обстоятельства у наших предполагаемых противников изменились в значительной мере не в нашу пользу. Франция ввела 3-х летний срок службы и сформировала новый арм. корпус. Россия ввела $3^1/_2$ и $4^1/_2$-летний срок службы и сформировала от 4 до 5 новых арм. корпусов. В то же время она намеревается в течение ближайших лет основательно улучшить все военное дело, что совершенно не принималось в расчет“.

Далее прибавляется то, что за последнее время на Балканах политическое положение совершенно изменилось. „Нам уже не приходится расчитывать на Румынию, как на союзницу; вероятно, она очутится в рядах наших противников. При этом Австрия окажется настолько связанной на Балканах, что об австрийском наступлении вглубь России говорить серьезно уже не приходится. Поэтому мы должны быть готовы к тому, что русские почти всеми силами поведут наступление против наших сил, находящихся на востоке, причем необходимо принять во внимание, что эти силы русских с 1917 года будут повидимому совершенно заново вооружены и обмундированы, а благодаря $3^1/_2$-летн. и $4^1/_2$-летнему сроку службы и штатам, равным боевым уже в мирное время, будут готовы в случае надобности перейти границу без предварительного объявления войны.

Мы не имеем права скрывать от себя этих неблагоприятных для нас обстоятельств.

Мой служебный долг заставляет сказать, что наступил крайний срок обучить военному делу каждого немца, способного

носить оружие, если мы не хотим, чтобы в будущем на нас лег тяжелый упрек за то, что мы не сделали всего для сохранения Германской империи и германской нации, так как уже едва ли может оставаться сомнение в том, что в будущей войне дело будет итти о самом существования немецкого народа".

Нельзя не признать, что Г. Ш. ясно представлял себе размеры и значение будущей войны,—войны, в которую он не вовлекал, но для которой требовал крайнего напряжения сил немецкого народа. В то же время, те же доклады показывают, насколько неосновательны утверждения, будто Г. Ш. недооценивал наших противников, в особенности военную мощь России.

Если германский народ для своей военной подготовки не сделал всего того, что мог и должен был сделать, принимая во внимание усилие наших врагов, то вина за это лежит не на Генеральном Штабе. Кто является за это ответственным, мы не будем здесь рассматривать.

Теперь мы подходим к положению, непосредственно предшествовавшему началу войны. Роковые дни конца июля 1914 года были очень тяжелы для Г. Ш. Объявление мобилизации влекло за собой мировую войну, которую не хотели начинать до тех пор, пока являлась хоть какая-нибудь возможность избежать ее. Но малейшее опоздание в объявлении нашей мобилизации могло нанести нам непоправимый вред. Тяжелую ответственность за правильный выбор момента мобилизации с точки зрения военной необходимости нес начальник Г. Ш. Взгляд ген. фон-Мольтке на создавшееся 28 июля положение вытекает из представленного на другой день рейхсканцлеру доклада, опубликованного в книге: „Побуждал ли Г. Ш. к войне". „Документы германского Г. Ш.".

Там мы читаем: „Австрия мобилизовала против Сербии только часть своих вооруженных сил, а именно 8 арм. корпусов, которых было достаточно только для осуществления карательной экспедиции. Россия же в это время принимает все меры, чтобы иметь возможность в наикратчайший срок мобилизовать 12 арм. корпусов Киевского, Одесского и Московского военных округов и чтобы привести в боевую готовность северный участок границы против Германии и побережье Балтийского моря. Она заявляет, что желание объявить мобилизацию вызвано намерением Австрии вторгнуться в Сербию, которое может привести к разгрому Сербии, на что Россия согласиться никак не может, хотя Австрия и объявила, что о разгроме Сербии она и не думает. Что же должно было явиться последствием этого? Если Австрия вторгнется в Сербию, то ей придется иметь дело не только с сербской армией, но и с превосходными силами русских, другими словами:

она не сможет вести войну против Сербии. Это значит, что Австрия будет вынуждена мобилизовать и вторую половину своей армии, так как она никоим образом не может отдаться на милость или немилость готовой к войне России. В тот момент, когда Австрия мобилизует всю свою армию, столкновение между ней и Россией станет неизбежным. Для Германии же это явится casus foederis. Если Германия не хочет быть вероломной и отдать своего союзника на уничтожение превосходным силам России, то она в свою очередь должна также мобилизоваться. Это повлечет за собой мобилизацию остальных военных округов России. Но тогда Россия может сказать, что на нее нападает Германия и этим она обеспечит себе поддержку Франции, которая обязана согласно договорам принять участие в войне, в случае нападения на ее союзницу—Россию. Таким образом, франко-русский договор, который, как говорилось, был заключен с чисто оборонительной целью для отпора завоевательным планам Германии, становился активным, влекущим за собой взаимное растерзание культурных государств Европы.

Под постоянными предлогами, что она еще не мобилизуется, а что принимаются только подготовительные меры „на всякий случай", что „до сих пор еще не призван ни один запасный"— Россия подготовится к войне настолько, что в случае действительной мобилизации будет готова к наступлению в течение немногих дней.

Россия уверяет, что против Германии она не желает ничего предпринимать, но она прекрасно знает, что Германия не может остаться безучастной при столкновении своей союзницы с Россией. Германии также придется мобилизовать свою армию и тогда Россия опять-таки сможет сказать всему миру: „я не хотела войны, она вызвана Германией".

Так должны развиться события, если не произойдет какого-нибудь чуда, которое в последний час помешало бы войне, грозящей уничтожить на десятки лет культуру почти всей Европы.

Германия не желала этой ужасной войны. Значительное превосходство сил наших противников вытекает из данных, приведенных в таблице. Численность полевых войск в феврале 1914 г. для Германии и Австро-Венгрии принималась в 3.161.000 чел. (без черных войск) и для России, включая Кавказ, в 4.816.000 чел. Это давало Франции и России перевес в силах на 1.655.000 человек. Численное превосходство в начале войны стало еще больше, так как к этому времени прибыли черные войска Франции, а Россия подтянула свои армейские корпуса из Восточной Азии и из Туркестана. К этим силам нужно при-

бавить 609.000 человек Англии, Бельгии и Сербии. Сопоставление наличных сил, коими располагали обе стороны летом 1914 года, включая офицеров, но без запасных формирований, без ландвера и ландштурма Германии, без территориальной армии Франции и без ополчения России, дает подавляющее численное превосходство наших противников, которые располагали 6.200.000 чел. против 3.500.000 чел., которыми располагали Германия и Австро-Венгрия.

Все сводилось к тому, чтобы все эти превосходные силы не успели выступить раньше, чем Германия будет готова. Следить за этим было делом Г. Ш. Задача была нелегкая. По точным наблюдениям во время прежних напряженных политических моментов, нам было известно, что Франция тогда уже принимала меры к усилению боевой готовности в пограничных областях и к подготовке мобилизации, при этом нужно было различать мероприятия, принимавшиеся отдельными войсковыми начальниками и местными властями и вызываемые их осторожностью или возбуждением и те, которые исходили от правительства. Считаться приходилось только с последними. В случае грозящей опасности французский военный закон давал военному министру большие полномочия в отношении мероприятий, могущих увеличить боевую готовность еще до объявления мобилизации. Ему было предоставлено право самостоятельно задерживать под знаменами выслуживших срок службы солдат, увольняемых осенью домой, а также призванных на учебные сборы запасных по окончании этих сборов. Он мог также призывать запасных, которые не отбыли еще двух сборов, и с согласия совета министров, мог призвать младший возраст запасных. Эти мероприятия приводили к существенному усилению армии; благодаря этому пограничные части доводились до штатов военного времени.

Кроме того, военный министр был уполномочен, независимо от общей мобилизации, доводить численность пограничных частей (11 пех. и 3 кав. дивизии) до штатов военного времени, вооружать их и держать в полной боевой готовности в пограничных районах. Это выполнялось по телеграфному приказу („ordre de départ en couverture“). Означенные дивизии могли быть выставлены на границе в полной боевой готовности в течение $1^1/_2$ суток.

Дальнейшие мероприятия во время напряженных моментов относились к закрытию дорог через границу, к подготовке железных дорог к перевозкам и к хозяйственным распоряжениям.

На основании этих ранее полученных данных, а также при помощи тщательно организованого наблюдения, мы зорко следили за французскими мероприятиями в июле 1914 года, с целью

узнать, в какой мере подвигалась во Франции подготовка к мобилизации и на сколько она грозила в этом отношении нам.

О том, что Россия имела возможность подготовить свою мобилизацию в широком масштабе во время подготовительного к войне периода, уже упоминалось. Здесь имел место ясно выраженный план—ложными дипломатическими переговорами ввести противника в заблуждение и дать ему надежду на то, что война еще может быть избегнута. Здесь, следовательно, от нас требовалось особенное внимание. Русская мобилизация являлась для нас решающим моментом. Английскую работу по подготовке к мобилизации трудно было установить. Сведения об Англии поступали более скудно, чем о континентальных государствах. Было известно, что резервисты для соответствующих формирований не должны были привлекаться. Несмотря на все переговоры с Антантой, Англия оставляя за собой свободу действий и объявила мобилизацию лишь 4-го августа. Правда, первая военная предосторожность была ею принята 27-го июля, когда был отдан приказ о сосредоточении флота в Портланде.

Бельгия начала свою мобилизацию 29-го июля, т. е. за 4 дня до германской, призвав в первую очередь три возраста запасных. Эта мера, а также подготовка железных дорог и мостов к разрушению в связи с прочими сведениями о Бельгии указывали на враждебное ее отношение к Германии.

Сопоставление по дням поступавших сведений о мероприятиях наших противников с фактически принятыми ими и с контр-мерами со стороны Германии дает следующую картину:

25 и ю л я. Франция и Англия: ничего существенного. В России уже в течение некоторого времени происходят поверочные и пробные мобилизации и т. п.

26 и ю л я. Франция и Англия: положение продолжает оставаться спокойным. В России все войска из лагерей переводятся в места расквартирования. Положение серьезное. (Фактически в этот день начался подготовительный к войне период).

27 и ю л я. Франция и Англия: возвращение войсковых частей и отпускных в места расквартирования. Усиленная охрана границ.

Россия: отход пограничной стражи в глубь страны; возвращение отпускных офицеров и т. п. (Фактически второй день подготовительного к войне периода).

Германия: усиленная охрана железных дорог железнодорожными служащими в пограничных районах и около Берлина.

28 и ю л я. Франция: положение напряженное. Принятие многочисленных предохранительных мер. Дальнейшее возвращение

отпускных. Досрочный призыв на учебные сборы. Подготовка средств для перевозок.

Англия: широкие приготовления к войне во флоте.

Бельгия: призыв трех возрастов (это стало известно лишь 29-го июля).

Россия: военная охрана железных дорог, заграждение минами гаваней, мобилизация лошадей, подготовка железнодорожных средств. (Фактически третий день подготовительного к войне периода).

Германия: отозвание в места расквартирования войсковых частей, предназначенных для ускоренной мобилизации. Усиленная охрана железных дорог и т. п.

29 июля. Франция: возвращение всех войск и отпускных в места квартирования. Военная охрана дорог в пограничной полосе. Подготовительные меры к железнодорожным перевозкам войск. Призыв младшего возраста запасных в пограничных областях.

Бельгия: становится известным призыв трех возрастов. Производится открыто мобилизация.

Россия: действующие войска появляются на границе. Призыв запасных. Мобилизация лошадей. (Фактически четвертый день подготовительного к войне периода). Приказ о частичной мобилизации. Призыв всех возрастов запасных в Одесском, Киевском, Московском и Казанском военных округах, а также во флоте.

Германия: Возвращение войск с маневров и из лагерей в места квартирования. Возвращение отпускных. Военная охрана железнодорожных сооружений. Подготовка позиций в пограничных крепостях.

30 июля: Франция: Охрана границ войсками. Работы по приведению крепостей в боевую готовность. Отозвание запасных из пограничных областей. Вероятность издания „Ordre de départ en couverture“ (телеграфного приказа).

Англия: Принятие различных мер предосторожности, но никаких приготовлений к мобилизации армии. Океанский флот наблюдает за Немецким морем.

Россия: Сосредоточение кав. дизизий. Перевозка войск из глубины в пограничные области. Мобилизация в большей части России. (Фактически 5-й день подготовительного к войне периода и 1-й день частичной мобилизации).

Германия: Военная охрана островов в Северном море и больших радио-станций. Охрана границ от нескольких пограничных корпусов.

31 июля. Франция: издан „Ordre de départ en couverture". Усиление войск на границе. Широкая подготовка транспортных средств. Предстоит немедленная мобилизация.

Англия: Оживленная военная деятельность в заграничных морских базах. Мобилизация флота закончена.

Россия: Объявление общей мобилизации в пограничных областях. Перевозка войск из глубины страны продолжается. (Фактически призыв всех возрастов запасных и ополчения 1-го разряда). 1-й день мобилизации.

Германия: В час дня издан приказ, объявляющий „состояние угрожающей военной опасности".

1 августа. Франция: 31 июля пополудни издается приказ об общей мобилизации. (Это сведение, как оказалось впоследствии, было преждевременным). Усиление войск на границе. Прибытие во Францию африканских войск.

Англия: Экспедиционный корпус сосредоточивается в Эссексе.

Россия: семь кавалерийских дивизий и многочисленные смешанные отряды уже сосредоточены на границе (2-й день мобилизации).

Германия: в 5 час. 30 мин. пополудни издается приказ о мобилизации. В 7 час. 10 мин. вечера объявлена война России.

2 августа. Франция: В час пополудни первого августа объявлен приказ о мобилизации, таким образом, 2-е августа — 1-й день мобилизации.

Бельгия: сообщение о движении трех французских арм. корпусов через Бельгию (оказалось ложным).

Россия—3-й день мобилизации.

Германия: 1-й день мобилизации.

3 августа. Франция: 2-й день мобилизации.

Англия: заявление Грея о том, что армия и флот находятся в периоде мобилизации.

Бельгия: сообщение о переходе двух французских арм. корпусов бельгийской границы (оказалось ложным).

Россия: 4-й день мобилизации.

Германия: 2-й день мобилизации. Объявлена война Франции.

4 августа. Англия: разрыв сношений с Германией. Приказ об общей мобилизации армии и флота. 1-й день мобилизации 5-го августа.

Из этого сопоставления вполне беспристрастно можно вывести заключение, что Россия в своих приготовлениях к войне не много нас опередила. Наоборот, необходимо определенно ука-

зать на то, что у нас по окончании ежегодных подготовительных для мобилизации работ с 31 марта 1914 г. до момента отозвания войск в места расквартирования 28 июля не принималось больше никаких мер. Франция и Бельгия закончили подготовку мобилизации раньше нас. Мы опаздывали по отношению ко всем. Дальнейшее промедление явилось бы преступлением. Мобилизация великих военных держав была согласована не только по дням, но почти что по часам. Еще фельдмаршал Мольтке указывал на то, что начало войны 1870 г. является прекрасным доказательством того, какое значение имеет просрочка хотя бы одного дня мобилизации или перевозки войск. Если бы операции германцев у Верта и Шпихерна были перенесены с 6 на 7 августа, то кронпринц встретил бы на Зауэре вместо одного французского корпуса—два. По ту сторону Саара император Наполеон мог бы 7 августа без затруднений сосредоточить четыре корпуса в районе С. Авольд. Мы же 8 августа могли бы наступать только четырьмя корпусами.

Для 1914 г. остается один уязвимый пункт: объявление Германией войны России и Франции. Но оно имело лишь формальное значение, фактически же положение вещей нисколько не меняло. Никто не может серьезно обвинить Германию в возникновении мировой войны. Если это пытается сделать Антанта, то она фальшивит. Причиной войны была русская мобилизация и потому вина лежит на России. Тем не менее мы должны были действовать осторожнее. Рейхсканцлер фон-Бетман Гольвег считал нужным объявить войну, считаясь с выставленным с военной стороны требованием о немедленном начатии наступления на Францию через Бельгию, так как после русской мобилизации война на два фронта стала неизбежной. Говорят, что движению немцев через Бельгию должно было предшествовать предъявление ультиматума; но таковой был излишним, уже благодаря тому, что мы находились в положении, принуждающем вести войну (Kriegszustand).

Военный министр фон-Фалькенгайн был против объявления войны, также и адмирал фон-Тирпиц. Последний указывает, что ген. фон-Мольтке не придавал значения объявлению войны России и Франции. В недавно опубликованных „Германских документах о возникновении войны“ также нельзя усмотреть, чтобы ген. фон-Мольтке считал необходимым по военным соображениям и требовал объявления войны России и Франции; для осуществления предложенных им на первое время мероприятий достаточно было объявления мобилизации. Предъявление Бельгии ультиматума 2 августа являлось актом военной необходимости, но он не

имел в виду ни состояния войны с Францией, ни тем более с Россией, так как не находился с ней ни в какой связи. О состоянии войны в ультиматуме ничего не упоминалось. В опубликованных документах имеется обращение фон-Мольтке от 2-го августа в министерство иностранных дел, в котором он говорит: „Объявление нами войны Франции совершенно не связано с предпринятым шагом в отношении Бельгии. Одно не обусловливает другого. Я предполагаю, что если мы временно воздержимся от этого, то общественное мнение Франции принудит ее начать военные действия против Германии без формального объявления нам войны. Нужно думать, что как только шаг Германии по отношению к Бельгии станет известным в Париже, Франция в качестве охранительницы бельгийского нейтралитета введет свои войска в Бельгию. В виду этого уже отданы соответствующие распоряжения, чтобы германские войска не переходили французской границы до тех пор, пока к этому не вынудят шаги, предпринятые самой Францией". С другой стороны, документы доказывают, что 1 августа ген. фон-Мольтке не делал никаких существенных возражений против намеченной формулировки объявления войны России и Франции и выразил лишь желание, чтобы передача соответствующих актов состоялась возможно позднее.

Других определенных данных о роли Мольтке в объявлении войны мне достать не удалось. В генеральном штабе таких документов не было.

Тогдашний генерал-квартирмейстер граф Вальдерзее при решении вопроса об объявлении войны во всяком случае не присутствовал и уверяет, что ген. фон-Мольтке был с ним одного мнения относительно того, что мы должны ограничиться мобилизацией, объявления же войны не требовалось. Мне подтверждали то же самое и другие. Надо полагать, что так было и на самом деле. Ген. фон-Мольтке не требовал объявления войны, но и не противился ему категорическим образом.

Объявление войны создало неблагоприятное впечатление. Им воспользовались, чтобы обвинить нас в нападении и оно же дало повод Румынии и Италии считать себя свободными от обязательств. Мы бы могли принять необходимые военные меры и без формального объявления войны, медлить же таковыми, независимо от самого факта объявления войны, являлось недопустимым ни под каким видом.

Ни в генеральном штабе, ни в армии, ни в военных кругах кайзера не было такой военной партии, которая побуждала бы к войне. Что таковая делала успешно свое дело в России, доказал Сухомлиновский процесс.

Перспективы войны.

Профессор—доктор Штейнгаузен, утверждая, что Г. Ш. недооценивал противника, в упомянутом уже труде делает из этого дальнейшие выводы:

„На основании неправильной оценки противника Г. Ш. рассчитывал на успех войны. Определенный оптимизм являлся особенно характерным для прусского солдатского характера, который во время войны, правда поддерживал настроение и помог преодолеть не один кризис, но приносил часто и вред, вызывая нередко недостаточно серьезное отношение к противнику. При правильной оценке своих шансов на успех, Германия должна была стараться насколько возможно избежать войны". По моему профессор доктор Штейнгаузен не доказал, каким образом Германия могла этого все-таки избежать.

Я перечитал целый ряд книг по политической истории предшествовавшего войне периода, а именно труды: ф. Гельферриха, ф. Бетман Гольвега, ф. Ягова, графа Ревентлова и др. Один думает, что мы должны были искать соглашения с Англией, другой стоит на точке зрения восточной ориентации. Мне стало ясно, что мы наделали политических ошибок и не оказали достаточно дипломатической ловкости. Надо сознаться, что наш народ не политик. В тех случаях, когда в мировой истории наша политика стояла на высоте, мы были обязаны этим отдельным выдающимся личностям.

„Германия! Но где она? Я не могу найти эту страну.
„Там, где начинается наука,—политика кончается".
(Шиллер).

Но я не нашел нигде ясного указания на то, каким образом мы могли продолжать избегать войны, принимая во внимание определенно враждебные военные цели противника.

Генеральному штабу была ясна надвигавшаяся опасность во всем ее объеме.

Решать вопрос, быть войне или миру, являлось делом государственного деятеля, делом политики. Г. Ш. мог только постоянно указывать на те громадные милитаристические напряжения, которые делали наши противники и доказывать, что напряжение наших собственных сил было недостаточно и что наши противники были значительно сильнее нас. Он это и делал весьма определенно, даже резко, но без достаточного успеха. Дальше этого его полномочия не шли.

Но раз дело дошло до войны, то лучше было, чтобы Г. Ш. начал кампанию оптимистически, а не пессимистически. То, что что нам не хватало в смысле численности, мы должны были возместить качеством. Армия, с которой Германия выступила в 1914 г., была лучшей, какую она когда либо имела. В маневренной войне она превосходила всякую другую. По отношению к русским это было доказано в самом начале войны блестящей победой под Танненбергом; по отношению к французам и англичанам—в августе и сентябре 1914 года. Это признал определенно и маршал Жофр. Исход Марнской битвы зависел от других причин. Походы в Румынию в 1916 г. и в Италию в 1917 г. также подтвердили наше превосходство в искусстве ведения операций. Противник на западе получил в конце-концов перевес над нами в позиционной войне, благодаря громадному количеству артиллерии, огнестрельных припасов, аэропланов и технических вспомогательных средств, а также и становившемуся постепенно все заметнее перевесу живой силы.

Надо сознаться, что мы не предвидели такой длительной позиционной войны на всем фронте от моря до Швейцарии. Все наши планы мы строили на маневренной войне и она должна была дать нам успех. Скажу по опыту, что наше командование 1-й армией в 1914 г. никогда не тревожили донесения корпусов о том, что им приходится сражаться с противником, имеющим некоторый численный перевес. Мы всегда были уверены в исходе и никогда не ошибались. Я никогда не забуду момента, когда однажды в жаркий день после длинного перехода IV арм. корпус проходил в Лувене мимо остановившегося на углу одной из улиц популярного командира корпуса Сикста-фон-Армин. Нельзя было без умиления наблюдать молодцеватые войска под командой безукоризненного офицерства, одушевление коих ярко сказывалось при прохождении мимо начальника.

С такими войсками и с такими командирами можно и должно было отважиться начать кампанию. Честь нашим войскам и нашим полководцам, делавшим свое дело с такой верой в успех. Этот оптимизм не имел ничего общего с подзадориванием к войне. Г. Ш. не побуждал к войне неправильной оценкой противника и не воздействовал в этом отношении на политику и потому он должен самым категорическим образом отвергнуть упрек, бросаемый ему профессором—доктором Штейнгаузеном, который говорит: „Не было ли делом Г. Ш., который должен был иметь представление о шансах на успех и о вероятном ходе войны, обрисовать положение таким образом, чтобы побудить правительство избежать войны“. Он указывает даже на то, что

хотя Г. Ш. и не содействовал сознательно вовлечению в войну, но, исходя из ее неизбежности, считал за лучшее предупредить события, пока оставалось еще время. Относительно ген. Бернгарди доктор Штейнгаузен говорит, что он не отожествляет его взглядов со взглядами Г. Ш., но все же считает, что этот генерал, хотя и считает при известных обстоятельствах вполне правильным предупредить противника, этим самым выражает лишь господствовавшие в его время воззрения военных кругов.

Я не представляю себе, как это правительство могло бы постоянно „лавировать". Старания избежать войну могут только усилить наступательные тенденции готового к войне противника, но во всяком случае это уже дело политики. Когда же дело дошло до войны, солдат должен был считаться только со словами Гете: „Противостоять всякому насилию, никогда не склоняться, выказывать всю свою силу и призывать на помощь богов".

Так думал Фридрих Великий. Таким показал он себя в семилетней войне с Австрией, Россией и Францией.

„Было безумием верить в возможность победить полмира", говорит профессор — доктор Штейнгаузен. Тоже самое можно было сказать маленькой Пруссии в 1756 году. В тяжелые моменты войны, когда наши силы готовы были дрогнуть, а врагов становилось у нас все больше и больше, я часто вспоминал о великом короле, которому солдаты восклицали: „Фридрих, король и герой наш, для тебя мы сжили дьявола со света"! Эта мысль меня часто укрепляла. И Фридрих должен был в конце-концов, когда его силы были уже не те, что у Россбаха и Лейтена, перейти к позиционной войне. Но несмотря на семилетнюю борьбу, 90 миллионов не могли повергнуть ниц 5 миллионов. Напротив, последние, истекая кровью, продолжали оставаться стойкими и готовы были в каждый момент возобновить прерванную борьбу. С другой стороны, совершенно утомленные 90 миллионов, видя бесполезность и даже вред дальнейших усилий, просят о заключении давно желанного мира" (граф Шлиффен). Конечно, нужно принять во внимание, что прусскими войсками предводительствовал сам Фридрих Великий и что Англия была на его стороне.

Этот старинный прусский дух был жив еще в наших вождях и в нашем генеральном штабе, когда мы начинали в 1914 году кампанию, полагаясь на свою армию и веря в свои способности, приобретенные долголетней суровой работой. Можно только пожелать, чтобы по окончании разрухи остаток этого сильного духа перешел в лучшие времена.

Численность не всегда является решающим фактором, победа не всегда остается за „большими батальонами". Италия, мы

думали, останется по крайней мере нейтральной. Выступления Америки нельзя было предвидеть. Англия в начале войны могла выставить только свой экспедиционный корпус. Мы знали, что война будет не та, которую в 1866 г. вели против австрийцев под плохим командованием и не та, что в 1870 г., когда мы имели довольно большой численный перевес. Речь шла не о „легкой веселой войне". Мы выходили на тяжелый путь, но с надеждой и воодушевлением. Великие дела, совершенные нашими войсками на востоке и на западе, оправдали наши надежды, несмотря на то, что в конце-концов нас победили.

Мы могли бы выиграть войну даже после того, как битва на Марне в 1914 г. окончилась для нас неблагоприятно. Весьма вероятно, что в 1915 г. мы могли бы покончить с Россией, победа была бы возможна даже весной 1918 г. Подводная война могла бы привести к полному успеху, если бы она началась решительно, неожиданно, в подходящий момент и проводилась бы затем последовательно.

Конечно, мы не предвидели всего ужаса $4^1/_2$ летней войны. Это была не только обычная война гигантски возросших, миллионных армий, но это была борьба народов, борьба против всех народных сил и средств, против их финансов и хозяйства.

Как же мы представляли себе картину этой войны, как готовился к ней Г. Ш., какова была финансовая и хозяйственная подготовка?

Граф фон-Шлиффен.

Нашим учителем и воспитателем для „Великой современной войны" был фельдмаршал граф фон-Шлиффен. Основываясь на опыте и указаниях своего великого предшественника Мольтке, он стремился овладеть искусством управления современными миллионными массами войск для уничтожения противника. Вся его жизнь была посвящена этой задаче. Возражения не вводили его в заблуждение: „Точно также, как в настоящее время есть много умных людей", писал он, „которые в применении миллионных армий видят извращение военного искусства, так сто лет тому назад было не меньше умных людей, относившихся крайне скептически к стотысячным армиям".

О Шлиффене писалось много. Я не ставлю себе задачей охарактеризовать подробно его личность. Его жизнь и деятельность описал ген. барон фон-Фрейтаг-Лорингoвен в труде: „Сборник мемуаров графа ф.-Шлиффена". Берлин 1913 г. Я хочу лишь добавить несколько личных наблюдений.

Граф ф.-Шлиффен был самой выдающейся личностью, с какою когда-либо мне приходилось соприкасаться за время моей долголетней службы.

Как я уже упоминал, он часто привлекал меня к оперативным работам, военным играм и полевым поездкам Г. Ш. Некоторые из своих оперативных идей он демонстрировал мне на карте. От своих подчиненных он требовал очень многого, соответственно своей собственной необычной работоспособности.

Мне вспоминается один из вечеров того времени, когда ему было поручено руководство операциями в юго-восточной Африке. В рейхстат нужно было представить доклад о положении дел. В 10 час. вечера он пришел за проектом, но он не понравился ему. В 3 часа утра он уже вновь принес его, заново переработав и переписав. Рано утром, как обыкновенно, он уже был верхом на лошади, а позднее за рабочим столом.

В течение нескольких лет под Рождество в моей квартире раздавался звонок. Специальный курьер приносил мне рождественский подарок от графа ф.-Шлиффена—большой набросок военного положения (обстановка), с задачей составить проект операции. Он был бы очень удивлен, если бы оконченная работа не была вручена ему вечером в первый день праздника. На второй день праздника присылалось продолжение задачи. Воскресные и праздничные дни, по его мнению, были предназначены для таких работ, которые можно исполнить, не отрываясь текущими делами.

Его память была необычайна. Насколько он сам был в курсе всех отраслей работы, настолько же он требовал от начальников отделений точной осведомленности во всякое время. Противоречия с предыдущими докладами от него никогда не ускользали. В таких случаях даже через год он возражал: „Вы же мне говорили тогда то-то и то-то“...

Таким образом, каждый из нас приучился быть весьма и весьма на чеку. Удовлетворить его было очень трудно; мало кого он находил достаточно прилежным. О многих он отзывался резко и саркастически. Тонкий наблюдатель и знаток людей, он был склонен относиться к массе отрицательно, но кто заслужил его доверие, того он определенно ценил.

Он посвятил себя целиком своей работе по исполнению возложенной на него огромной задачи. Я вспоминаю об одной нашей совместной поездке из Берлина в Инстербург; оттуда должна была начаться полевая поездка Г. Ш. Граф Шлиффен ехал со своим адъютантом. Рано утром поезд шел из Кенигсберга по приветливо освещенной восходящим солнцем Прегельской долине.

До тех пор не было произнесено во время поездки ни одного слова. Адъютанту захотелось завязать разговор и он указал на приятный ландшафт Прегельской долины. „Препятствие, не имеющее значения“, заметил граф; разговор прервался до Инстербурга. При всей скупости на слова он очень ценил юмор и мог от души смеяться над веселым расказом; произносившиеся им по разным случаям речи являлись образцовыми по богатству мысли, форме и изложению. Стиль его докладов и написанных после отставки трудов своеобразен, краток, ясен и точен.

Он сознательно старался поменьше быть на виду. Того же требовали и от офицеров Г. Ш.: „офицер Г. Ш. должен больше быть таковым, чем казаться“. Под его внешним спокойствием горел тот священный огонь, который необходим главнокомандующему. Однажды во время большой поездки Г. Ш. мы находились в Маркирне в Вогезах. Это происходило во время Марокского кризиса. После обеда я в качестве начальника 3-го отделения должен был докладывать ему переданные по телеграфу из Берлина сведения о Франции. Из них вытекало, что положение серьезно, что французы начинают готовиться к войне: „Пусть они только придут“, воскликнул он, ударяя кулаком по столу.

„Массирования, пишет он, для фронтального наступления с недостаточными силами, приводят к последовательным ударам, постепенно ослабевающим и остающимся почти безрезультатными... Вследствие этого современное сражение сведется еще больше чем прежде к борьбе за фланги... В этой борьбе за фланги победит тот, кто будет иметь последние резервы не за серединой фронта, а на его крайнем фланге. А туда они могут быть подвезены лишь тогда, когда орлиный взор главнокомандующего в зареве идущей на протяжении многих квадратных миль битвы установит решающий пункт. Нет, они должны быть подвезены туда по железным дорогам, согласно заранее назначенного плана перевозок и с пунктов выгрузки походным порядком подведены к полю сражения“. Для того же, чтобы установить определенный взгляд на этот вопрос, он изучал военную историю, начиная с Ауфидусе до Седана и результаты этой научной работы свел в своем труде „Канны“.

Он не хотел вести обыкновенных боев, при которых противник в лучшем случае был отброшен. „Противник, лишенный своих сообщений, должен быть уничтожен“; к этой мысли он постоянно обращался в своих тактических и оперативных задачах при поездках Г. Ш. и в своих трудах.

Поверочные задачи, которые он предлагал прикомандированным к Г. Ш. офицерам, обыкновенно ставили нас в крайне

тяжелое положение по отношению к превосходным силам противника. В остроумных решениях этих задач он избегал опасности каким-либо смелым приемом и переход в наступление сосредоточенными силами в наиболее уязвимом месте, большей частью на фланге.

Ему не суждено было осуществить свои идеи на практике в решительной битве на Марне в сентябре 1914 г. Мы не сумели заблаговременно подвести резервы на крайний фланг, как он этого требовал. Но один из его учеников, Людендорф, посоветовал начальнику штаба ген. ф. Гинденбурга принять у Танненберга такие меры, которые были вполне достойны Шлиффена. Весьма смелое решение изменило опасное положение и привело к большой победе—к уничтожению противника. Восточная Пруссия была спасена.

Теория и методы графа Шлиффена часто подвергались нападкам. Широкие оперативные задачи, которые он ставил молодым офицерам, выходили далеко за их круг мышления и за пределы их ближайшей практической деятельности,—так думали. Он же полагал, что во время войны и молодому офицеру Г. Ш. придется принимать такие решения, которые потребуют от него широкого кругозора. Я считал, что он был прав при условии маневренной войны, при которой не всегда можно расчитывать на телефонную связь. Командированным штабным офицерам и молодым полковникам часто приходилось при тяжелых обстоятельствах принимать самостоятельные решения, требовавшие полного понимания обстановки во всей ее совокупности.

Графа Шлиффена упрекали за то, что императорские маневры и военные игры с участием императора велись таким образом, что его величество кайзер всегда оставался победителем. В отношении императорских маневров он безусловно был прав; так как таковые являлись большим торжеством для всего округа, о них сообщалось в местной и иностранной прессе. Нельзя было сообщать о поражении императора; можно было бы возразить, что кайзеру лучше было бы в таком случае не браться за командование. Но с другой стороны, главе верховного командования это необходимо было делать. Тактические решения на маневрах являются всегда результатом более или менее подтасованной обстановки, но большой беды в этом не было.

Несколько иначе обстояло дело с военными играми, в которых одной стороной командовал кайзер. Они происходили в узком кругу лиц Г. Ш. при участии некоторых других офицеров. Здесь можно было бы действовать более свободно.

Нельзя отрицать того, что граф Шлиффен при прочих поездках Г. Ш. и военных играх оказывал давление на их ход. Ему было важнее провести определенную оперативную идею, чем дать свободно разыграться столкновению обеих сторон. Он хотел узнать, как сложится операция при определенных условиях, что будет предпринято начальником в ответ на действия противника. Для этой цели он часто ставил одному из начальников особенно трудные условия, в то время как другому облегчал положение. Таким образом, это были упражнения главным образом для него самого. Этим объясняется и то, что опубликованные в его труде „Канны" очерки надо понимать не как военно-исторические описания, а как тактические и оперативные рассуждения на основании военно-исторических событий. Изучая военную историю, он старался уяснить себе, как все произошло, как должно было произойти и что произойдет в будущем; он весь высказался в этих оперативных рассуждениях.

Он не знал ни отдыха, ни развлечений. Он любил повторять слова Мольтке: „гениальность требует знаний и работы". На празднике военной академии, обращаясь к офицерам, он сказал: „Это положение подтверждается целым рядом великих полководцев, которые работали все вплоть до Александра Великого, не только укрощавшего Буцефала, но и сиживавшего у ног Аристотеля".

Свои взгляды относительно будущей войны, которая, вследствие изменившихся во многом условий, должна была принять иные формы, он развил перед широкими кругами читателей в появившейся в 1909 г. в „Дейтше Ревю" статье: „Война в настоящее время". О ней много говорилось, многие ее хвалили, а некоторые относились к ней отрицательно.

Он исходил в ней из того, что обстановка и естественное желание обеспечить себя, в связи со стремлением использовать силу современного оружия, привели к громадному удлинению фронтов сражения. Не подлежит сомнению, что явления, имевшие место в восточно-азиатской войне, повторятся в европейской войне. Арм. корпус займет, быть может, в три раза больше места, чем 40 лет тому назад. Будущие поля сражения будут иметь совершенно другое протяжение, чем это было раньше. Всеобщая воинская повинность создала невиданные до сих пор массы войск. Вся трудность заключается в управлении этими массами и в использовании их на полях сражения.

Русско-японская война доказала, что при обыкновенном наступлении на неприятельский фланг в лучшем случае можно добиться только незначительного успеха. Враг отступит, но че-

рез некоторое время возобновит в другом месте прерванное сопротивление. Война будет продолжаться. Чтобы добиться решительного успеха и разгрома противника, необходимо вести наступление одновременно с двух или трех сторон, то есть с фронта и с одного или с обоих флангов. Необходимые для сильного флангового удара средства можно получить, ослабляя насколько возможно фронт, который во всяком случае должен также участвовать в наступлении.

Вместо того, чтобы нагромождать позади фронта бездействующие и могущие быть использованными в решающем пункте резервы, лучше позаботиться о подвозе достаточного количества огнестрельных припасов. Все войска, которые задерживались для использования в решительный момент, должны быть теперь с места двинуты в бой, чтобы результаты наступления были наиболее полны.

Существеннейшая задача командования состоит в том, чтобы задолго до сражения назначить всем армиям и корпусам пути следования и указать им для исполнения задачи на каждый день; развертывание сил для сражения начинается с момента выгрузки войск на железных дорогах.

В свое время очень много говорилось о той роли, которую, по мнению графа Шлиффена, должен был играть главнокомандующий во время сражения. Современный Наполеон не останавливается на возвышенности, окруженный блестящей свитой. Имея наилучший бинокль, он увидел бы немного. Его конь явился бы легко доступной целью для бесчисленного количества батарей. Главнокомандующий должен находиться в отдалении от фронта, в помещении с поместительными рабочими кабинетами, где в его распоряжении имеются обыкновенный и беспроволочный телеграф, телефоны и сигнальные аппараты, где в любой момент можно получить достаточное количество автомобилей и мотоциклеток, готовых и приспособленных для самых дальних поездок. Здесь, сидя в удобном кресле, перед большим столом, современный Александр видит перед собой на карте все поле сражения, отсюда передает он зажигающие слова и сюда получает донесения от командующих армиями и командиров корпусов, а также и от воздушной разведки, следящей за противником на всем фронте и наблюдающей за его позициями.

Такая обрисовка современной войны в то время вызвала оживленную критику. Этот вопрос следует рассмотреть подробнее, так как граф Шлиффен воспитал на своих воззрениях целое поколение, а в силу своего умственного превосходства

он пользовался в Г. Ш. безусловным авторитетом, в результате чего его воля проникала во всю нашу деятельность. Я вполне убежден в том, что и во время войны его желания внедрились бы во всех офицерах Г. Ш., причем каждый из них до последнего полковника включительно гордился бы действовать именно так, как этого хотелось бы его главному начальнику.

Можно допустить, что граф Шлиффен ошибался, но эту ошибку он разделяет со многими другими. В упомянутой статье он говорит, что в настоящее время, когда существование нации покоится на непрерывном развитии территории и промышленности и когда остановившаяся машина необходимо должна быть вновь пущена в ход, продолжительные войны невозможны. Стратегия истощения невозможна, когда для содержания миллионных армий потребны миллиардные расходы.

Французский Г. Ш. также рассчитывал на кратковременную войну, на что указывает упоминавшийся доклад комиссии, расследовавшей причину потери Брие. Маршал Фош в изданной им до войны книге „Принципы войны" держится той же точки зрения.

Мольтке, наоборот, выказал особую дальновидность, говоря еще в 1890 г.: „Если разразится война, которая уже больше десяти лет висит над нами как Дамоклов меч, то длительности и конца ее предвидеть нельзя. В борьбу вступят вооруженные как никогда великие европейские державы; ни одна из них не может быть разбита в течение одного или двух походов настолько, чтобы признать себя побежденной, решиться на заключение суровых условий мира и не быть в состоянии через некоторый промежуток времени оправиться настолько, чтобы возобновить войну. Война может стать и семилетней, и тридцатилетней". За это время условия, конечно, изменились. Едва ли кто-нибудь мог теперь думать о такой продолжительности войны. Не только в военных, но и в промышленных кругах думали, что при длительной войне рухнут финансы и все хозяйство страны. Мы все в этом ошиблись. Хозяйство страны старалось приспособиться к войне, финансы не рухнули. Даже полная блокада, хотя и очень вредила нам, не повергла нас ниц. Самые тяжелые последствия сказались только тогда, когда мы сложили оружие.

Эта ошибка являлась причиной недостаточности нашей экономической подготовленности к войне. Г. Ш., правда, указывал на необходимость такой подготовки и в последние годы перед войной много занимался этими вопросами, обращая на

их важность внимание общества. Не раз в периодическом издании Г. Ш. („Фиртельярсхефтен"), прекрасно редактировавшемся бароном ф. Фрейтаг-Лорингговеном, выставлялись определенные требования. В этом журнале за 1912 г. имеется статья проф. Гизевиуса об обеспечении продовольствием во время мобилизации. В ней была помещена ссылка на слова Мольтке о том, что любая война была бы проиграна еще до первого выстрела, если бы в предвидении ее сельское хозяйство Германии не было в состоянии прокормить народ и армию без заграничной помощи. Профессор Гизевиус определенно считал возможным принудить голодом народ к миру и продиктовать ему мирные условия и призывал наше сельское хозяйство позаботиться о том, чтобы оно могло во время войны защитить нас от голода.

Ген. Ф. Штейн („Опыт и исследование мировой войны", 1919 г.) пишет, что он в качестве начальника отделения Г. Ш. не раз вносил предложение о том, чтобы до и после жатвы запасались продовольствием, принимая во внимание, что Германия изолирована со всех сторон. Это предложение отвергалось, так как власти не имели достаточно средств, а для этого якобы требовались слишком большие расходы. В статье, помещенной в том же журнале в 1913 г. „Экономическая подготовка к войне", выставлялось требование основательной разработки вопроса об экономическом положении во время войны и о том, каким образом можно будет избежать экономической катастрофы. На почве безденежья могут возникнуть волнения, которые сильно повредят боеспособности.

„Не должно быть ни голода, ни революции". Особое внимание обращалось на необходимость ввоза продовольствия, на финансовую подготовку к войне, на приобретение сырья и т. д. и предлагалось организовать совещание из практических деятелей сельскохозяйственного, промышленного и коммерческого мира. При таких условиях, несмотря на все трудности, возможность выдержать затяжную войну на нескольких фронтах не была бы исключена. Затруднения состояли бы главным образом в массовом отвлечении рабочей силы, в прекращении внешней торговли и ввоза сырья.

О финансовой подготовке к войне подробно говорилось в статье того же журнала за 1913 г. „Финансовое положение Германии в случае войны". Автор статьи приходит к заключению, что хотя немецкий народ по состоянию своих доходов и по богатству может вынести бремя войны, тем не менее необходима

тщательная подготовка в смешанной комиссии из представителей армии, флота, министерства финансов, имперского банка и др.

Наша финансовая мобилизация, как утверждает Гельферих („Мировая война"), была основательно продумана и подготовлена в мирное время, но в то же время настоящего экономического и промышленного плана по заготовке и разверстке продовольствия и сырья, по видоизменению нашей промышленности и торговой деятельности и по перегруппировке рабочих сил не имелось. Повидимому, на долгую войну не рассчитывали, надеялись на подвоз из нейтральных стран и не считали вопрос слишком острым. Но и тогда, когда угроза войны была уже близка, ничего не было сделано для того, чтобы в последний момент незаметно получить запасы меди, селитры и проч.

Общая экономическая мобилизация страны и ее подготовка не касались Г. Ш. Он мог только возбуждать и двигать этот вопрос, Но во всяком случае нужно признать, что он мог бы действовать энергичнее.

Нельзя упрекать графа Шлиффена за то, что он ошибся в вопросе продолжительности войны. В остальных своих взглядах на будущую войну он был прав.

В свое время на него нападал ген. ф. Бернгарди („О современной войне" 1912 г.). На этом следует остановиться подробнее, так как с этим связаны общие вопросы Генерального Штаба.

Ген. ф. Бернгарди полагает, что статья Шлиффена опровергает взгляды, получившие широкое распространение в германской армии и имевшие, повидимому, влияние и на правящие круги. Возникает, следовательно, вопрос о том, не начал ли Г. Ш. войну, имея ложные оперативные и тактические взгляды.

Ген. ф. Бернгарди усматривает в Шлиффенской характеристике вождя ограничение индивидуального элемента в командовании и не находит в его изложении научной серьезности. В эффекте телефонной передачи „зажигательных слов" он сомневается. „Правда, руководить операциями следует из центрального пункта, расположенного в тылу. Во время сражения, в котором принимает участие большая часть всех сил на большом протяжении или на значительно удаленных участках фронта... верховный главнокомандующий может оставаться в центрально расположенной главной квартире. Во время сражения отдельной армии или в период совместной операции нескольких армий главнокомандующий нисколько не связан с главной квартирой, расположенной вдали от поля сражения. Усовершенствование технических средств связи позволяет ему не быть привязанным к определенному месту. Поэтому он имеет полную возможность, в

случае необходимости, не отказаться от преимущества лично вмешаться в дело и воздействовать своей индивидуальностью на ход сражения, как это делали полководцы всех времен. Как только главнокомандующему станет ясен пункт, где должен решиться исход сражения, он не должен медлить отправиться туда, покинув на время свою главную квартиру, с которой он все же останется связанным. Место главнокомандующего, как и прежде, там, где решается судьба и откуда он сам может обозреть поле сражения".

Несмотря на все уважение к талантливому генералу, который, будучи до войны уже долгое время в отставке, при возникновении ее немедленно поспешил под знамена и остался до последнего дня на своем посту, я считаю нужным возразить ему.

Как определить решительное место сражения? В какой момент оно может быть выяснено? Как попасть туда и что можно там „обозреть"? Насколько обеспечена и быстра может быть в этом случае связь с главной квартирой? Мне пришлось участвовать в качестве начальника штаба одной из армий, руководя большим пятидневным сражением, в качестве начальника штаба одной из групп, руководя длившимися неделями и месяцами боями на Сомме, у Арраса, во Фландрии и при наступлении 1918 г. Весь мой опыт противоречит взглядам ген. Бернгарди. В случае отъезда главнокомандующего из главной квартиры, руководство боевыми действиями поневоле остается в руках начальника штаба. Некоторые решения не терпят ни малейшего отлагательства, часто играют роль минуты. Не существует такой надежной связи, которая дала бы возможность находиться в непрерывном сообщении с главнокомандующим во время его объездов. Может случиться, что в решающий момент его нельзя будет найти. Подобных примеров было не мало. При современном артиллерийском огне телефонная связь часто прерывается, что мы, к сожалению, не раз испытывали в штабах. Если главнокомандующий оставляет штаб, то его не найти и другими средствами.

При продожительных сражениях необычайно трудно наметить, где будет их исход, и большей частью это выясняется лишь впоследствии. Еще труднее во-время прибыть туда. И что можно в конце-концов там увидеть? Каждый, кто присутствовал при больших сражениях, согласится, что очень немного.

Мне кажется, что руководителю современного большого сражения больше подходит кресло Александра, чем конь Наполеона. Мчаться с флагом через мост, как Наполеон у Арколе, могут и командиры бригад. Я этим никоим образом не хочу сказать, что

не бывает случаев, когда главнокомандующий должен оставить свой штаб, чтобы в определенном месте оказать свое личное влияние. Но это исключение. Обращение к войскам с „зажигательными словами" должно быть предоставлено командирам корпусов, дивизий, бригад и полков.

По отношению к ним дело обстоит иначе. При позиционной войне и они часто были принуждены управлять по телефону, находясь в тылу.

Когда в 1918 г. мы перешли на Западе в наступление, они должны были вновь приучиться к тому, чтобы размещаться ближе к передовым линиям, дабы лучше видеть и влиять на свои части, как это всегда и делалось в начале войны, когда она была маневренной.

Затем г. фон-Бернгарди возражает против тактического учения, которое граф Шлиффен развивает в названном труде. „Если только обход может обеспечить успех наступлению, то обороняющийся будет с этим считаться и со своей стороны противопоставит обходу новый фронт. Новый обход поведет к дальнейшему удлинению фронта, против которого обороняющийся будет также все больше удлинять свой фронт и это будет продолжаться до тех пор, пока обе стороны не исчерпают свои силы до последнего бойца. Конечно, достижение победы путем обхода не исключается, в особенности при большом численном превосходстве в силах. Отвергнутый графом Шлиффеном прорыв может дать наилучшие результаты именно при современных условиях".

Его взгляд на значение резервов настолько же неудачен, насколько неудачна его теория обходов. „Грузовики, наполненные огнестрельными припасами, являются для наступающего самыми плохими резервами. Таким образом, основная идея, на которой строится такое понимание современного сражения, несомненно неудачна. Мы вернулись вполне к линейной тактике. Активная оборона в будущем привела бы опять очень быстро к сокращению фронта. Неизбежность глубоких построений при атаке явится противовесом тенденциям растягивания линии боя. Армия, которая пойдет сознательно и намеренно по пути глубокой тактики, будет иметь большие преимущества".

Если рассмотреть ход войны в отношении приведенных здесь мнений, то найдутся примеры, говорящие как будто то за одно, то за другое. Приведенные до сих заключения ген. ф. Бернгарди направлены против шлиффенской тактики. Но в труде графа Шлиффена говорится не только о тактических, но и о стратегических (оперативных) мероприятиях. Те и другие так тесно связаны друг с другом, что мы можем их не разделять.

Представляется еще большим вопросом, в состоянии ли противник своевременно создать новый фронт против угрожающего и вытекающего из оперативного плана развертывания обхода. Часто дело идет не об обороняющейся или наступающей стороне, а о маневренной войне, во время которой обе стороны ведут свои маневренные операции.

В 1914 г. на Западе мы хотели обойти французов. В августе успех был на нашей стороне. Спастись от разгрома французский левый фланг мог только благодаря поспешному отступлению, следствием которого явилось общее отступление всей французской армии. В битве на Марне в 1914 г. обход со стороны французов у Урка угрожал уже нам. Если бы он удался, нас постигло бы полное поражение. Напряжением всех сил удалось избежать этого обхода, но наше высшее командование решилось на отступление. Французский обход достиг своей цели—германское намерение, обход и план операции не удались.

Сначала ген. Жоффр хотел еще в начале августа у Амьена сформировать армию для наступления против германского правого фланга. Эта мысль являлась преждевременной, так как наступательная группа не была своевременно готова. Затем он намеревался отойти за Сену, но принял решение, повидимому, не считаясь с советом своего начальника штаба, принять бой на Марне. Но собранная наспех армия Монури оказалась недостаточно мощной для того, чтобы осуществить с успехом обход. Быть может, начальник штаба был прав: пока французы отходили за Сену, они могли бы собрать против правого фланга немцев превосходные силы. Сильно укрепленный фронт на Сене можно было бы оборонять более слабыми силами.

Наша попытка произвести обход французов в Артуа и во Фландрии в сентябре и октябре 1914 г. переброской туда подкреплений не удалась. Случилось то, о чем предсказывал ген. ф. Бернгарди: противник, учтя опасность и имея со своей стороны намерение обойти нас, удлинил фронт, мы удлинили его в свою очередь, пока, наконец, в этом беге на перегонки мы не уперлись в море. В чем же заключалась разница сравнительно с положением на Урке? Мы исчерпали все свои силы. Те, которыми мы могли располагать, прибывали медленно, передвижения делались частью вдоль фронта и удлиняли его постепенными боковыми захождениями, тогда как предназначенные для обхода войска должны были бы выгружаться непосредственно у фланга. Для производства обходов мы недостаточно пользовались железнодорожными переброскими и маневрированием, не так, как французы на Урке.

Когда мы впоследствии захотели перейти к более основательному обходу, то натолкнулись на громадные местные препятствия, вследствие разлива Изера. Только что сформированные наши резервные корпуса не были в состоянии выполнить выпавшей на их долю задачи.

Таким образом, на западе мы перешли к позиционной войне. Обходы стали невозможны. Прорывы не удавались даже после боев, длившихся месяцами.

На востоке, как известно, мы одержали с помощью охватов блестящие победы. Во всех ооношениях удался также прорыв у Горлицы. Но до разгрома русских дело все-таки не дошло; они во-время, хотя и с громадными потерями, отошли. Решительных результатов можно было добиться только обходом. Если бы при дальнейшем развитии сражения наш северный фланг был сильнее и если бы ему своевременно удалось охватить противника, то такой результат был бы возможен. Начавшееся в конце августа наступление группы Гинденбурга на Вильну не было уже в состоянии охватить противника.

Ген. ф. Бернгарди прав, подчеркивая необходимость наличия у фронта резервов. Но мне кажется достаточно ясным, что в случае возможности охвата вся масса резервов не должна находиться за фронтом. Мы допустили ошибку, распределив во время марша-маневра через Бельгию наши корпуса второй линии вдоль всего фронта, вместо того, чтобы сосредоточить их псключительно позади ударного фланга. Даже прибывшие впоследствии резервные дивизии отправились на левый фланг армии.

Во время войны нам не удалось сократить длину фронта на западе; глубокая тактика наступающего не привела к решительному успеху.

Благоприятный момент в начале сентября 1914 г., когда мы могли произвести обход и имели возможность быстро кончить войну, был раз навсегда упущен.

„Мгновенье, что утратил,
Вся вечность не вернет".

Таким образом, опыт войны подтверждает тот взгляд, что больших решительных успехов можно достичь только обходами. Но обход дело не легкое. В мировой истории было немного „Канн". Граф Шлиффен постоянно подчеркивал это.

Ген. ф. Бернгарди находит, что шлиффенская система низводит искусство ведения войны до степени ремесла: „Войсковые части распределяются и с определенных железнодорожных станций двигаются к полю сражения по определенным направле-

ниям. Резервов наготове нет. Таким образом, Александру не остается ничего иного, как только ожидать того, что должно случиться, предоставив себя воле судьбы.

Это—стратегия численного превосходства, но вместе с тем признание несостоятельности военного искусства, если нет численного перевеса сил. Такое „механическое“ понимание войны ограничивает до крайности роль полководца. Ему ген. ф. Бернгарди противопоставляет понимание войны, как искусства, которое предоставляет свободу действий таланту полководца. „Современные массы обладают известной свободой передвижений, которая дает полководцу возможность свободно воплотить свои идеи. Победа вовсе не обусловливается определенной системой“. С последней фразой согласится, конечно, каждый. Но, с другой стороны, надо принять во внимание, что меняющиеся со временем обстоятельства заставляют военное командование действовать в определенном направлении. Современными массами нельзя действовать по внутренним операционным линиям в роде того, как это делал Наполеон при Монтенотте и Мондови.

Статья Шлиффена имела в виду, главным образом, нарисовать картину того, как можно было бы целесообразно использовать массы войск в первую стадию войны Германии с Францией, и отнюдь не должна была явиться шаблоном всякой войны. Он прекрасно знал, и задачи, дававшиеся им офицерам Г. Ш. в мирное время, подтверждают то, что по мере хода войны могут представиться случаи для принятия самых разнообразных решений и для свободы переброск. Но если на границе развертываются массы против масс, то для охватывающего широкий фронт является более выгодным, чем узкий и расчлененный далеко в глубину. Само собой разумеется, что в последнем случае на решающем фланге необходимы резервы. На востоке, где мы развертывали только часть своих сил, никому не приходило в голову применить этот метод. В мирное время граф Шлиффен не раз разыгрывал операции, в которых защитник Восточной Пруссии, будучи наготове позади Мазурских озер и действуя по внутренним операционным линиям против вторгавшихся со стороны Немана и Нарева русских, наступал на одну из неприятельских армий, поражая ее во фланг, или нападал превосходными силами на отдельные передовые части противника. Для графа Шлиффена стратегия являлась также системой отдельных, соответствующих каждый раз данной обстановке мероприятий.

Рассмотрим теперь его „механическое военное искусство“ по отношению к ходу операций в августе и сентябре 1914 г. Мы

развернулись широким фронтом; французский фронт был уже—глубже нашего, „гениальнее".

Несмотря на то, что французы первые напали на Эльзас и повели наступление вглубь Лотарингии, инициатива в августе была в наших руках; мы принудили их к перегруппировке, к принятию контр-мер, к частичным атакам и, наконец, в конце августа к общему отступлению. Французам не удалось своевременно создать нового, достаточно сильного фронта против обходившего германского фланга. Большое решительное сражение на Марне было вторым актом. Мы проиграли его не потому, что пользовались шлиффенской системой, а потому, что не следовали ей. Мы не сделали достаточно глубокого обхода и преждевременно свернули влево. У нас не было для обхода усиленного до крайней возможности фланга, у нас не было резервов, соответствовавших требованиям графа Шлиффена, мы даже в значительной степени ослабили в решительный момент правое крыло фронта, а наше левое крыло безрезультатно наступало не малыми, а значительными силами на Мозельском фронте. Иначе мы могли бы выиграть сражение, несмотря на нашу меньшую численность. Если бы победа вторично осталась за нами, последствия ее были бы неизмеримы. Если не обладать перевесом в силах, то системой Шлиффена нельзя пренебрегать, нужно только последовательнее проводить основную мысль—усилять насколько возможно ударное крыло и отказываться от другого крыла, по возможности ослабляя его.

Кресло Александра Македонского вовсе уже не так беззаботно. Современный Александр не может просто наблюдать, ожидая, во что выльется начатая им большая операция. Если бы она велась даже в духе Шлиффена, то все же было бы необходимо принимать важные решения, вмешиваться, напоминать, регулировать взаимодействия войск. Сама по себе операция семи армий не могла итти по раз намеченной колее, в особенности когда контр-меры противника расстраивали планы. Тот, кто проследит передвижения отдельных армий до битвы на Марне, легко убедится в этом. Часто наступали кризисы, требовалось давать распоряжения о поддержке соседним армиям, одна армия выдвигалась, другая задерживалась. Необходимо было внимательно следить за действиями 6-й и 7-й армий, в виду вторжения французов в Верхний Эльзас и Лотарингию. Они никоим образом не должны были выходить за рамки поставленных им задач. Если же это случалось, то для того, чтобы сохранить основной план операции, необходимо было находить средства для выхода из положения, перебрасывать силы и давать новые указания.

Я и в то время думал, думаю и теперь после опыта, приобретенного войной, что граф Шлиффен по существу воспитал нас, офицеров Ген. Шт., для войны правильно.

Другой вопрос—останется ли после опыта, который дала война, система Шлиффена в полном объеме и для войны будущего. Возможно, что военные действия будут начинаться могучими эскадрильями бронированных аэропланов, сбрасывающих неслыханное количество бомб на пути сообщений и в промышленные центры. Невероятное развитие военной техники и действие оружия, значение колючей проволоки, позиционной войны и многое другое могут существенно изменить методы ведения войны, основные же принципы останутся одними и теми же, что и во времена Ганнибала. Но зачем все эти рассуждения, ведь нам обещают вечный мир!

Генерал фон-Мольтке.

Преемником графа Шлиффена был генерал фон-Мольтке, благородный человек, большого, ясного, быстро все схватывающего ума и чрезвычайной работоспособности. Он скромно работал на своем тяжелом посту. Его здоровье было подорвано уже в начале войны, что, быть может, повлияло на то, что его нервы не выдержали войны. Его внезапная смерть показала, что болезнь была серьезнее, чем думали.

В мирное время им было создано много ценного в смысле подготовки к войне и не упущено ничего, что входило в круг его обязанностей. Усовершенствование образования офицеров Г. Ш. велось им образцово. Основывалось оно на системе подготовки всего нашего офицерского состава, которая в общем до войны была удовлетворительна. Организация и преподавание в военных школах отвечали целям. Дальнейшая же практическая подготовка в строю была недостаточна. В этом отношении французы шли впереди нас. Они уже давно придавали большое значение совместным действиям разных родов войск. Мы развивали каждый род войск слишком односторонне. В достаточной мере помочь этому не могла и Военная Академия, так как она являлась доступной лишь для небольшого количества офицеров. Теоретическое усовершенствование образования (зимние работы, военные игры, доклады) было тоже недостаточно, чтобы двинуть вперед взаимное понимание и согласованность действий различных родов войск, являющиеся основой современного боя. Необходимо было ввести как правило одногодичные прикомандирования определенного количества офицеров к другим родам

войск, а также особые курсы для совместных упражнений пехоты с артиллерией. В Ген. Штабе ясно отдавали себе отчет в том, что в этом отношении многое еще нужно было сделать.

Способ преподавания в Военной Академии, вообще говоря, был удовлетворительным, следовало бы только выдвинуть на первый план обучение на самой местности и в войсках. Прикомандированные к Г. Ш. офицеры обыкновенно были слишком заняты ведомственными работами, так что для тактической и стратегической (оперативной) подготовки у них не оставалось достаточно времени. Поэтому Г. Ш. еще задолго до войны стремился к тому, чтобы вся ведомственная работа исполнялась исключительно командированными специально для этой цели офицерами.

Г. Ш. настойчиво стремился к тому, чтобы прикомандированные офицеры возможно шире привлекались к учебным полевым поездкам, к участию в маневрах и к пробному несению службы при войсковых штабах и таким образом имели возможность выказать свои практические способности. Эта мера не была осуществлена вследствие сопряженных с ней расходов. Лишь в самые последние годы кое-что в этом отношении было сделано, хотя и не в той мере, как этого желал Г. Ш.

Попасть в Г. Ш. стремился каждый честолюбивый молодой офицер, но это было не легко. Офицеры профильтровывались не один раз: на испытании в Военную Академию, затем в течение 3-х лет в академии, и, наконец, во время нахождения в двухлетнем прикомандировании к Г. Ш., после чего оставалось весьма немного избранных. Ошибки в выборе иногда случались, фаворитизм же был редок: ген. ф. Мольтке относился к этому особенно щепетильно.

В отношении дальнейшего развития нашего военного дела и подготовки к войне ген. ф. Мольтке указывал правильные пути. Он давно оценил значение быстро развивающейся военной техники и организовал особое техническое отделение в Б. Г. Ш. Аэропланы он с самого начала определенно предпочитал цеппелинам. Известны его заслуги в развитии тяжелой артиллерии, а также в целесообразной организации и проведении маневров. Общей нашей ошибкой было, пожалуй, то, что позиционной войне не уделялось достаточного внимания по сравнению с маневренной войной. Такого большого развития позиционной войны мы не ожидали. Во Франции дело обстояло не лучше. Де-Томассон утверждает, что во многих полках новобранцы, принятые на службу в октябре 1913 г., выступили в августе 1914 г. на фронт, не имея ни малейшего понятия о рытье окопов.

Упрек за недостаток боевых припасов относится не только к германским военным властям, а ко всем воевавшим государствам. Г. Ш. до войны выставлял широкие требования; особенно хлопотал в этом отношении ген. Людендорф, бывший тогда начальником 2-го отделения БГШ. „Мне не удалось даже приблизительно добиться потребного", замечает он в своих „Воспоминаниях о войне". Само собою разумеется, что удовлетворение этих требований не соответствовало бы выдвинутой войной необычайно большой потребности в них, но все же мы легче могли бы преодолеть трудности. Наши противники тоже не были подготовлены к такому расходу огнеприпасов.

Ген. ф. Мольтке образцово руководил большими полевыми поездками Генерального Штаба и стратегическими (оперативными) военными играми. Организация императорских маневров была очень поучительна и разносторонна. В проведении их он имел достаточную свободу, так как кайзер отказывался командовать одной из сторон. Административные поездки Г. Ш. были значительно увеличены в связи с тем значением, которое получили вопросы снабжения продовольственными и огнестрельными припасами миллионных армий. Во всех областях современной войны ген. ф. Мольтке оказывал свое дальновидное и благотворное влияние.

4. Германское развертывание и операционный план. Общий обзор.

Фельдмаршал граф ф. Мольтке, как известно, в 1874 г. сказал: „То, что мы приобрели за полгода силой оружия, мы должны будем защищать с оружием в руках еще полвека для того, чтобы это не было у нас отнято".

Он своевременно учел угрожавшую со стороны России опасность и возможность войны на два фронта. В своих февральских записках 1860 г. (Военная переписка Мольтке. Сборник приказов за войну 1870/71. Издания Большого Генерального Штаба 1897 г.) он выражал мнение, „что для России еще не наступило то время, когда совместные действия славянского востока и романского запада против Центральной Европы смогут изменить мировое положение". Но он уже предвидел эту „борьбу титанов". В январе 1870 г. он говорил: „Политическое положение дает основание предполагать, что в ближайшем, а быть может и в более отдаленном будущем войны либо совсем не будет, либо мы должны будем вести ее на два фронта". (Военные поучения Мольтке, изд. БГШ, 1911 г.).

Непосредственно после войны 1870/71 г. он уже отдавал себе отчет в том, что первым испытанием, которое придется выдержать новой Германской империи и от которого будет зависеть ее дальнейшее существование, явится одновременная война на два фронта—против Франции и России.

К этому он готовился, а для его преемников это стало наиболее важной задачей.

В этой войне мы занимали бы срединное положение, что допускало одновременное нападение на обоих противников, но для этого трудно было иметь достаточно сил.

В каждом учебнике имеются указания на то, как в таком случае следует поступать: сначала обращаются против одного, затем против другого противника, которого до этого момента следует только сдерживать.

Так действовал Фридрих Великий во время семилетней войны против австрийцев, русских и французов, так действовал Наполеон во время своего первого похода в 1796 г. против австрийцев и пьемонтцев, тот же способ он хотел применить в своем последнем походе против Блюхера и Веллингтона в 1815 г. Быстрота переходов и сохранение их в тайне должны были играть ту роль, которая теперь выполняется железными дорогами. Дело кажется простым, но выполнение его крайне трудно. Против какого противника следует обратиться сначала? До каких пор следует вести и в какой момент прекратить первую операцию? Каким способом можно сдерживать второго противника до момента наступления на него? Основное положение, заключающееся в том, что сначала нужно покончить с более сильным и опасным врагом, само по себе ничего собственно не говорит; необходимо для этого иметь возможность разбить его в течение определенного времени, использовав свое превосходство над ним. Он не должен успеть укрыться за линию крепостей или за трудно преодолимый рубеж. Но такие рубежи необходимо иметь самим, чтобы задержать другого противника, который не должен подойти слишком близко, прежде, чем первый противник не будет разбит. Нужно, следовательно, считаться с тем, какой из двух противников может раньше начать операции.

При этом самые разнообразные условия и обстоятельства оказывают свое влияние: численность противника и его боевая готовность, конфигурация границы и театра военных действий, развитие системы крепостей и железнодорожной сети, политическое положение, численность и взаимные отношения союзников и многое другое.

Поэтому неудивительно, что этот вопрос в разное время освещался различно.

В случае выигрыша войны, операционный план превозносится: победитель всегда оказывается прав. Операционный же план побежденного неизбежно сочтут неправильным и целиком осудят.

Но дело обстоит не так просто. Развертывание германских сил против Австрии в 1866 г. по плану Мольтке было весьма трудной операцией: 1-я армия двинулась из Лаузица, 2-я армия из Силезии в Богемию, разделенные друг от друга большим расстоянием; в свою очередь 2-я армия шла по горным проходам в трех отдельных колоннах. Австрийцы, действуя по внутренним операционным линиям, могли, если бы они во-время развернулись в Северной Богемии, напасть превосходными силами на одну из прусских армий при выходе из гор, а другую задержать в горах более слабыми силами. Чем дольше задерживалась нами мобилизация, тем труднее становилось положение. Приходилось очень и очень подумать о таком порядке вступления в Богемию. Мольтке отдавал себе в этом отчет, но полагал, что другой возможности, кроме быстрого продвижения вперед, не было. Так и поступили. Правда, Вильгельм I решился на это не сразу. Счастье было к нам благосклонно, хотя австрийцам все же удалось нанести поражение у Траутенау одной из отдельных колонн нашей 2-й армии. Решительные действия командующих другими колоннами, прекрасная обученность войск и преимущества игольчатых ружей сгладили неудачу. Небезопасный план, который мы должны были принять по географическим и другим соображениям, в период выполнения вылился в блестящую операцию. Это показывает, какую роль играет выполнение.

Профессор доктор Штейнгаузен утверждает, что шлиффенский план, основанный на проходе через Бельгию, имел прямотаки магическую силу над нашим Г. Ш., который как будто поклялся выполнить его; этот план якобы лежал в основе всех мероприятий по подготовке к войне; при возникновении войны он властно господствовал над всеми стратегическими и тактическими взглядами в армии. (Проф. Штейнгаузен ссылается на упоминавшуюся книгу Иммануэля). „На него возлагались все надежды; он являлся единственным условием успеха; в него пламенно веровали“.

Для специалиста комментарии к этим замечаниям излишни. Для непосвященных я только отмечу, что операционный план сам по себе никогда ни одним офицером не рассматривался как единственное условие успеха. Какой-нибудь операционный план должен быть на-лицо. После тщательного обсуждения принимается обыкновенно тот, который кажется наилучшим. Само собою разумеется, что этот план является „основанием для всей

подготовки. Обычно расчитывают, что выполнение плана оправдает надежды, но также великолепно знают, что осуществлять его придется только до момента развертывания и предварительных операций. Затем являются на сцену не могущие быть учтенными намерения противника. Задуманные наилучшим образом планы могут рухнуть. Происходят случайности и неожиданные изменения в обстановке. Свободное искусство командования и заключается в том, чтобы все это учесть, согласовать свои решения с изменившимся положением, не выпуская при этом из вида своей окончательной цели. На этом основании операционный план большей частью ограничивается развертыванием и группировкой войск для первых операций, их завязкой и постановкой одной общей цели. Если слишком долго придерживаться плана как территориально, так и по времени, то можно попасть в опасный фарватер. Главнокомандующий неизбежно учтет все возникающие возможности и продумает по мере сил всю обстановку. Только никогда он не будет видеть в операционном плане, единственное условие успеха". Ему известно, что самое важное заключается в выполнении.

Наполеон сказал однажды, что он никогда не составлял никакого операционного плана. На самом же деле у него всегда имелся план.

В 1796 г. таковой им был даже со всеми деталями зафиксирован письменно; был у него план и при Маренго, Ульме и Иене. Одним словом во всех случаях были твердо определены развертывание, предварительные передвижения и общая цель. В смысле же выполнения плана, внесения в него изменений, использования положения и ошибок противника, он оставлял за собой свободу действий. Вот что он имел в виду, утверждая, что не составлял плана.

Профессор д-р Штейнгаузен спрашивает: „был ли действительно шлиффенский план верным средством победы"? Можно удивляться подобной постановке вопроса, как будто вообще может существовать „верное средство для победы".

Критик идет дальше: „Рабская зависимость от шлиффенского плана обусловила в известном смысле механический способ ведения войны. Отсутствовал свободный творческий дух, который при каждом положении создал бы новые условия". Но тут ни причем ни Г. Ш., ни операционный план, это уже относится к военному искусству, является привилегией высшего командования и лежит на его ответственности. К тому же упрек в „рабской зависимости" необоснован; к сожалению, мы недостаточно придерживались шлиффенского плана.

Однако такие преувеличения не освобождают нас от добросовестного исследования вопроса, был ли шлиффенский план правильным. Составление проекта операции является делом Г. Ш.

Указывалось на то, что старший Мольтке имел в виду произвести нападение на восточном фронте, а на французском обороняться (Готхейм). Этим способом можно было бы избежать вступления в Бельгию со всеми его тяжелыми политическими последствиями.

Необходимо выяснить ход развития операционного плана на случай войны на два фронта, разрабатывавшегося до 1914 г. фельдмаршалом графом фон-Мольтке.

В большей части работ по разработке его принимал участие и я, а потому могу о нем говорить.

Фельдмаршал граф ф.-Мольтке.

Непосредственно после войны 1870/71 г. фельдмаршал граф фон-Мольтке считал Германию достаточно сильной, чтобы в случае войны с Францией и Россией вести наступление на обоих фронтах. Но как только боевая способность Франции усилилась, это стало невозможным. Приходилось решать, на каком фронте наступать и на каком—обороняться.

Сначала Мольтке был за наступление против Франции и за оборону на Восточном фронте. Он исходил из того соображения, что французская армия могла развернуться быстрее и уже на 12-й день мобилизации быть на границе. Поэтому, при условии немедленного наступления на западе, надо было считаться с возможностью в течение третьей недели иметь большое решительное сражение.

В случае успеха мы должны были бы постараться его использовать, но продолжать преследование до Парижа мы не могли бы. В этом случае Мольтке предполагал предоставить дипломатии добиться прекращения военных действий на Западе, хотя бы на основании status quo ante, чтобы иметь возможность усилить наши войска на Востоке. Он полагал, что до четвертой недели русские еще успеют продвинуться до Вислы.

Возможно, что в данном случае играло роль воспоминание о том, как трудно оказалось нам в 1870/71 г. окончательно разбить Францию. Но все же надо сказать, что этот план имел большой пробел, заполнение которого должна была взять на себя дипломатия. Мольтке возлагал на нее, должно быть, большие надежды. Но в этом случае он имел ввиду Бисмарка. Строить

наши расчеты таким же образом мы теперь уже не могли. Скоро и сам Мольтке отказался от такого намерения. Этому способствовало также заключение союза с Австро Венгрией в 1879 г. Вмешательство Австрии могло иметь место только на Востоке.

В 1879 г. и в 1880 г. план Мольтке состоял уже в том, чтобы вести наступление против России, а против Франции обороняться. Обосновывал он это следующим образом:

С тех пор, как французская армия реорганизовалась, Париж заново укрепился и против германской границы был возведен ряд крепостей и фортов, ни в коем случае нельзя было уже рассчитывать здесь на быстрый исход борьбы. На длительность сопротивления следовало рассчитывать еще потому, что приходилось принимать во внимание французский патриотизм, наличие которого Мольтке признавал с 1870/71 г.; в это время другой противник располагал бы против нас свободой действий.

Если бы нам пришлось вести одновременно две войны на расстоянии 150 миль одна от другой, то, по мнению Мольтке, на Западном фронте для обороны следовало бы использовать преимущества, представлявшиеся Рейном и сильными крепостями, а все свободные силы направить для энергичного наступления на Востоке. При наличии сведений о состоянии русских железных дорог в то время, можно было допустить, что мы сумели бы выставить в различных пунктах восточной границы соответствующие боевые силы и сосредоточить их на несколько дней раньше, чем Россия развернет все свои силы.

Пространство на границе с Францией между нейтральными Бельгией и Швейцарией, на котором можно было произвести развертывание, ограничивалось только 30 милями. Одна половина нашего фронта была защищена Вогезами, параллельно которым проходила двухколейная железнодорожная линия, в то время как другие железнодорожные пути, на левом берегу Рейна, сходились на открытой части границы и гарантировали быстрое сосредоточение сил вблизи угрожаемых пунктов. За ними находился Рейн, который являлся весьма сильным естественным рубежом.

До тех пор пока держались Мец и Страсбург, неприятель мог только занять Эльзас и Лотарингию, но не завоевать их.

Совершенно иным было положение на Востоке. На протяжении более 100 миль от Лыка до Каттовиц наша граница была совершенно открыта и к ней вели только четыре одноколейные железные дороги. Против высаживаемых на конечных пунктах этой, обращенной в нашу сторону, огромной дуги наших войск находились русские войска, сосредоточенные у Варшавы, куда

сходились их транспортные колеи. По сравнению с нами, они могли пользоваться выгодами внутреннего положения. Если бы даже оборону Восточной Пруссии и Силезии решено было вести только местными силами, то все же сосредоточение наших прочих сил у Торна для воспрепятствования наступлению противника прямо на Берлин требовало совершения переходов от пунктов выгрузки вдоль границы на протяжении от 10 до 18 миль.

Из этих географических и транспортных условий, по мнению Мольтке, неизбежно вытекало то, что на Западе мы должны будем упорно обороняться, а на Востоке сможем защищать границу наступлением и что район сосредоточения для сил, действующих на этом фронте, должен быть избран впереди на неприятельской территории.

Мольтке полагал, что, несмотря на свои многочисленные войсковые части, расквартированные в Польше, русские не смогут выставить более 200.000 чел. у Ковны и Варшавы раньше 16-го дня мобилизации, наши же, предназначенные для войны с Россией, силы были готовы перейти границу, начиная с 10-го дня, причем они встретили бы только передовые части противника. Но в виду того, что силы русских должны были с каждой неделей сильно возрастать, то нам выгодно было как можно скорее добиться решительного сражения. Так как Польша являлась недостаточно надежным оплотом России, то было вероятно, что русские выступят на территории Польши против нас с уже готовыми к бою силами.

Австрия, в случае войны с Россией, имела только один фронт. Не считая войска, необходимые для Боснии и для наблюдения в случае надобности за Италией, получилась цифра от 500.000 до 600.000 чел., которые могли быть использованы в Галиции.

Ее собственный интерес, прекрасно ею самой учитывавшийся, подсказывал решение двинуть эти силы на Волынь, прервать железнодорожное сообщение с югом России (Броды—Дубно 2 перехода) и найти противника.

Из всего вышеизложенного Мольке делал то заключение, что на западе мы должны были обороняться, а на востоке во что бы то нистало наступать. На этом основании приходилось распределить наши силы, имея ввиду использовать преимущества более скорой мобилизации именно по отношению к России, а не к Франции; указанное преимущество позволило бы нам ограничить наши силы на восточном фронте до последней возможности.

Выполнение этого плана он мыслил себе в следующем виде:

Мольтке считал, что на западном фронте французы создадут свой фронт из нескольких армий по верхней Мозели и позади Мааса, между Эпиналем и Верденом. Имея ввиду определенную военную цель—завоевание вновь Эльзас-Лотарингии, они должны были бы главными силами наступать в Лотарингии и меньшими—в Эльзасе. Поэтому Мольтке предполагал большую часть предназначенных для западного фронта сил использовать в Лотарингии и иметь вспомогательную армию в Эльзасе. Наступление противника немцы должны были встретить на сильно укрепленной позиции впереди р. Саар, приблизительно на линии Форбах-Сааруньон. Обойти эту позицию противник не мог. Мольтке полагал, что если бы французы захотели наступать на всем фронте, то им пришлось бы так растянуться, что нам представилась бы возможность в свою очередь напасть на них.

Он предполагал, что французы попробуют взять эту позицию ударом по одному из ее флангов. Для противодействия этому за каждым из наших флангов должны были находиться крупные резервы, на левом же фланге кроме того при известных условиях эльзасские части. Обход через Швейцарию Мольтке считал невероятным; наступление французов через Бельгию должно было остановиться на Рейне. В последнем случае в план Мольтке входило контр-наступление, которое принудило бы французов отойти на юг; при этих условиях в тылу германского фронта находилась бы Голландия и коммуникационная линия шла бы морем. Если бы превосходство в силах врага заставило нас отступить, то Мольтке имел ввиду отходить из Лотарингии на Майнц и из Эльзаса на Страсбург. К востоку от Рейна германские войска должны были занять очень сильные позиции за Майном между Майнцем и Франкфуртом; отсюда противник не мог продвинуться вглубь Германии. Мольтке надеялся, что после того, как французские силы ослабнут, вследствие боев у Метца, Страсбурга и Майнца, а также вследствие необходимости обеспечить длинную коммуникационную линию и переправы, равновесие сил до известной степени восстановится и нам удастся добиться окончательной развязки на Майне. Место и время переброски на Рейн подкреплений с восточного фронта Мольтке ставил в зависимость от успехов, которые будут достигнуты на Висле.

Что касается операции против России, то Мольтке исходил из тех расчетов, что она выступит против Германии с одной армией на Немане, с двумя армиями на Нареве и против Австрии с двумя армиями на Волыни и с одной армией в Подолии. Кроме того, одна армия, сосредоточенная на Средней Висле, могла

быть двинута либо против Германии, либо против Австрии. По всей вероятности, в план русских входило большое наступление либо вглубь Германии, либо вглубь Австро-Венгрии. Мы имели основание надеяться предупредить это собственным наступлением. Сосредоточение главных сил русских у Варшавы не могло закончиться раньше четырех недель, а оттуда до границы Силезии нужно было пройти 30 миль. Неманская же и Наревская армии могли быть подвезены по железным дорогам из Петербурга и Москвы к Восточной Пруссии почти так же быстро, как и наши навстречу им. Австрия могла быть в полной готовности на русско-галицийской границе на 28-й день. Для операции на восточном фронте Мольтке предполагал назначить из германской армии семь арм. корпусов, из них два корпуса выдвигались прямо к Гумбинену и Лыку, а главные силы, вследствие недостаточности нашей железнодорожной сети, предполагалось выгрузить на широком 30-ти мильном фронте от Иноврацлава (Гогензальца) до Ортельсбурга и затем уже сосредоточить с движением вперед походным порядком.

Считаясь с таким сосредоточением, приходилось наступать по правому берегу Вислы, благодаря чему обходился укрепленный фронт на Висле. Главные силы немцев должны были итти на Нарев в направлении на Пултуск—Остроленка, ожидая встретить большие силы противника либо по эту сторону Нарева, либо найти его в боевой готовности на самом Нареве; между тем, пробив себе дорогу на правом фланге, где русские армии, повидимому, будут находиться еще в стадии формирования, австрийцы должны были бы двигаться из Галиции в северном направлении на Люблин. Этим способом Мольтке думал сосредоточить все силы для решительного сражения.

Находясь между двумя союзническими армиями, русские не могли решиться на большое наступление от Варшавы на Познань или Силезию. Около 100.000 чел. в центре Варшавы было недостаточно для того, чтобы решиться на такую операцию; оба фланга этих сил имели бы достаточно дела на севере и на юге. Русскому центру пришлось бы скорее всего уйти за укрепленные позиции у Вильны и на Буге и постараться добиться развязки на одном из флангов в открытом поле.

Если бы русские решились раньше на наступление от Немана в Восточную Пруссию, то находящиеся там германские силы должны были встретить их за Ангерапом наступлением или обороной, смотря по обстоятельствам, а в случае неуспеха отойти на Алленштейн или Ольтерсбург, но не на Кенигсберг. В этом случае мы находились бы во внутреннем положении по отноше-

нию к вторгшимся в Пруссию и сосредоточенным на Висле и Нареве силам противника.

Если бы русские перешли через Нарев, то мы вступили бы с ними в бой всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. Если бы они заняли выжидательное положение за рекой, то мы оставили бы против них достаточный заслон, а все остальные силы направили против войск, вторгшихся в Пруссию, которые в этом случае попадали в тем более трудное положение, чем дальше продвинулись вглубь страны.

Мольтке остался при своем плане и после того, как Италия вошла в Тройственный союз. Имевшееся в виду привлечение нескольких итальянских корпусов на Верхний Рейн должно было усилить обеспечение Эльзаса. Можно было рассчитывать и на осаду Бельфора. Итальянцы могли также приковать французские силы на альпийской границе.

Того же взгляда держался по существу и граф Вальдерзее, ставший в 1888 г. преемником Мольтке и помогавший ему в качестве генерал-квартирмейстера уже с 1882 г. Одно время, а именно в 1886 и 1887 г.г., когда казалось, что инициатива войны будет исходить от Франции и что она начнет военные действия реньше, чем Россия, он предполагал употребить главные силы для наступления на Западе. Но вскоре он опять вернулся к плану Мольтке, так как снова стало казаться, что войну начнет Россия, а Франция примкнет к ней или сразу, или через некоторый небольшой промежуток времени.

На Западе он думал, как и Мольтке, обороняться, а на Востоке совместно с австрийцами энергично наступать, чтобы возможно скорее добиться решительного результата. Считая, что против Германии русские будут обороняться, а против Австрии наступать, граф Вальдерзее предполагал развернуть против России 7 арм. корпусов с приданными им резервными дивизиями, а против Франции 13 арм. корпусов. также с приданными им резервными дивизиями. Развертывание главных сил он предполагал продвинуть дальше к востоку на линию Ортельсбург—Иоганисбург—Лык. Главные силы должны были наступать двумя равносильными армиями: одной через Нарев в направлении на Ломжу или Белосток и другой от Гумбинена на Неман выше Ковны; в это время группа меньшей численности, наступающая на Пултуск, должна была заблаговременно приковать внимание противника. На северную армию при этом выпадала задача прикрывать левый фланг южной армии от нападения со стороны русской Неманской армии.

Граф Вальдерзее учитывал трудности наступления в Наревском направлении и признавал таковое в сырое время года, а именно в апреле, мае и даже июне, а также в ноябре, невыполнимым. В это время дороги становятся топкими, ручьи разливаются, низкие места—непроходимыми. Он делал оговорку, что, если война начнется в сырое время года, то, быть может, будет выгоднее восточный фронт ослабить и усилить западный.

Но если бы, начав наступление, прорвать русскую укрепленную линию по Неману, Бобру и Нареву в начале войны не удалось, то, по мнению графа Вальдерзее, ничего не оставалось, как ожидать русского наступления, имея ввиду перейти в контрнаступление после того, как русские перешли бы означенную линию рек.

В этих ограничениях, которые делал граф Вальдерзее, заключалась сильная сторона всего операционного плана. Помимо этого Мольтке в своем плане подробно рассмотрел вопрос о том, как следовало бы вести войну против одной Франции. Его взгляды в этом отношении важны для нашего дальнейшего обзора.

Наступление на Францию Мольтке считал очень трудным.

Во французской укрепленной системе было нарочно оставлено две бреши между Эпиналем и Тулем и между Верденом и Монмеди. Обход Вердена с севера противник мог сильно затруднить, пользуясь Маасскими высотами и, если бы даже удалось форсировать проходы, то все же левый фланг наступающего находился под серьезной угрозой. Поэтому Мольтке предпочитал вести наступление в промежуток между Эпиналем и Тулем. Вальдерзее же должен был уже считаться с совершившимся превращением Нанси в большую маневренную крепость. Раньше, чем итти в промежуток южнее Туля, нужно было атаковать Нанси и Мановилье. Все это представляло большие трудности и могло привести к сражению в неблагоприятных условиях.

Изменения в плане стратегического развертывания.

О проходе через Бельгию в начале вопрос не возбуждался.

Сначала его не имел в виду и граф Шлиффен, занявший в 1891 г. пост Вальдерзее. Но вскоре в его взглядах произошел переворот, повлекший за собой полное изменение в плане стратегического развертывания и в проекте предварительных операций.

Чем же был обусловлен этот переворот? Общий стратегический план действителен только до тех пор, пока не изменились обстоятельства и условия, принятые во внимание при его составлении.

В ближайшие годы после войны 1870/71 г. можно было с уверенностью расчитывать, что французы в случае войны будут обороняться. Все французские мероприятия к этому и сводились. В первую очередь французы считали наиболее существенным вопросом защитить себя от нападения усовершенствованием системы крепостей. Северный фронт был укреплен по общему плану, предложенному ген. Ривьером. Передняя укрепленная линия состояла из линии фортов, опирающейся на четыре крепостных района Вердена, Туля, Эпиналя и Бельфора. В этой линии, как уже упоминалось, было оставлено два свободных промежутка—две бреши. Главные работы были закончены в 1885 г. Впоследствии пришлось произвести лишь некоторые переделки, пользуясь броней и бетоном для защиты от бризантных снарядов. Достичь быстрой развязки на Западе Мольтке считал невозможным. Наоборот, против русских в то время это можно было допустить. Мольтке и Вальдерзее исходили, повидимому, из того, что русские будут наступать, а не будут укрываться внутри страны.

Усиление боевой готовности Франции изменило обстановку. Мобилизация и стратегическое развертывание французов значительно ускорились и в этом отношении они по крайней мере сравнялись с нами. Соответственно этому возрастали наступательная способность и наступательный дух французов. Решаясь обороняться на западе, приходилось уже считаться с преднамеренным наступлением французов и особенно с тех пор, когда можно было думать, что на стороне наших противников окажутся и англичане. Франция имела определенную цель—вернуть потерянные провинции. Поэтому ее армия должна была действовать наступательно, предполагая, конечно, что русские отвлекут на себя значительные силы.

С этих пор Франция являлась без сомнения более сильным и опасным противником, чем Россия, так как с самого начала развертывания ее войска были расположены ближе к нашей границе. Считаясь с этим, граф Шлиффен составил мнение, что на западе скорее можно было добиться развязки, т. к. здесь дело могло бы дойти до сражения раньше, чем русская и австрийская армии окончат свое стратегическое развертывание.

В целесообразности проектировавшейся Мольтке обороны в Лотарингии (см. выше) можно было сомневаться. Она осно-

вывалась на устаревших взглядах. Теперь противник несомненно был уже достаточно силен для того, чтобы наступать на фронте от Форбаха до Сааруньона. Он мог даже расширить свой фронт и обойти наш фланг у Сааруньона.

Отход из Лотарингии к северу, на который расчитывал Мольтке, как на контр-меру против обхода французов, нам во фланг через Бельгию не так то легко было выполнить. Французы могли одновременно атаковать и Лотарингский участок фронта.

Осуществить оборону в целом против окрепших французов, являвшихся без сомнения способнее русских, как в тактическом, так и в оперативном отношении, представляло значительно более трудную задачу. Мольтке хотел довести дело до решительного сражения (см. выше), но теперь это представлялось уже опасным и во всяком случае требовало значительно больших сил. Являлось сомнительным, хватило-ли бы после этого сил для большого наступления на востоке.

За это время обстоятельства изменились.

Концентрическая операция против сосредоточивающегося в Варшавском районе противника наталкивала бы на препятствия, о которых скажем ниже. Наступление на Нарев уже граф Вальдерзее ставил в зависимость от времени года. Русские же с своей стороны еще более затруднили продвижение за линию Бобр—Нарев, укрепив Осовец, Ломжу, Остроленку, Рожаны, Пултуск, Згерж и Новогеоргиевск. Таким образом, нам оказалось выгоднее искать развязки на западе, а на востоке ограничиться обороной.

Если бы это решение было окончательно принято, то неизбежно пришлось бы сосредоточить имевшиеся в нашем распоряжении силы для наступления на Францию, оставив на востоке минимум сил. Дело сводилось к быстрой развязке.

Она была бы невозможна в случае атаки укрепленной линии французских крепостей. Наступление на укрепленный фронт Бельфор—Эпиналь являлось невозможным. Наступление на линию Мааса в направлении Туль—Верден встретило бы перед собой крепостной район, а продвижение в промежуток между Эпиналем и Тулем натолкнулось бы на большие естественные препятствия этой местности. Успешность наступления по обоим направлениям обусловливалась, кроме того, предварительной атакой укрепленной Нанси, которая должна была отнять много времени. Нужно было обойти фронт. Итти через Швейцарию было нельзя, принимая во внимание трудности преодоления естественных преград и наличие швейцарской армии.

Охват между Верденом и Люксембургом нельзя было признать удовлетворительным решением вопроса. Армия, форсировавшая Маас севернее Вердена, при захождении к югу, имея в тылу Бельгию, а на левом фланге Верден, подвергалась опасности быть отрезанной от своей коммуникационной линии в то время, как ее обнаженному правому флангу могли угрожать войска противника, бывшие до того времени в резерве. Надо было решиться на проход через Бельгию. Обстановка принуждала нас к этому.

Пространство между Швейцарской и Люксембургской границей было слишком узко для современных миллионных армий. Для развертывания этих масс нужно было расширить театр военных действий.

В случае, если бы мы тем не менее ограничились только фронтальным наступлением, то для нас создалась бы опасность наступления со стороны Бельгии французов совместно с англичанами и, вероятно, с бельгийцами. Наше наступление было бы поставлено под сильнейшую угрозу с фланга. Нельзя было думать, что французы, предприняв наступление, ограничатся узким пространством между верхним Рейном и Люксембургом.

Принятие в расчет при разрешении вопроса об операционном плане помощи итальянцев большой роли играть не могло. Обещанную присылку итальянских корпусов на наш левый фланг на верхний Рейн Шлиффен считал „иллюзией“. Почти половина итальянской армии удерживалась на альпийской границе двумя французскими корпусами. Каждая из этих армий хотела дождаться наступления, которое ни одна сторона совсем не предполагала начинать. Приходилось ожидать, что и эти два корпуса французы скоро подтянут против нас, причем едва ли в этом случае пришлось бы им опасаться вторжения итальянцев со стороны Альп.

Граф фон-Шлиффен.

Так менялась постепенно обстановка в первые годы служебной деятельности графа Шлиффена на посту начальника Г. Ш. Он с этим считался.

Сначала он стоял еще на точке зрения Мольтке и Вальдерзее. Фронтальное наступление против французской линии крепостей явилось бы негодным средством уже по одному тому, что для этого у нас не было достаточно тяжелой артиллерии; французы же, ожидая нашего наступления, вероятно, оставались

бы за линией крепостей. При этих условиях на западе нельзя было бы добиться скорой развязки. Если бы мы захотели использовать наши главные силы на западе, то нам пришлось бы, в случае наступления русских, перебросить на восток значительную часть наших корпусов и, быть может, раньше, чем французы вышли бы за свою укрепленную линию. Казалось, что русские на Немане и Нареве будут обороняться, направив главные силы против Австрии. При этом возникал вопрос, достаточно ли сильна Австрия, чтобы дать отпор такому наступлению. Поражение Австрии привело бы нас к единоборству с русской и французской армиями. Поэтому нельзя было Австрию предоставить самой себе.

Вскоре однако граф Шлиффен стал считать наиболее сильным и опасным врагом Германии Францию, против которой и следовало наступать возможно большими силами. Оставаясь за линией своих фортов, она не могла добиться той цели, к которой определенно стремилась, то-есть завоевать потерянные провинции. Ей неизбежно пришлось бы наступать. Тем не менее граф Шлиффен считал нужным совместно с австрийцами наступать и против России, так как в противном случае австрийцы отказались бы от наступления против русских и мы были бы либо разгромлены в Восточной Пруссии, либо принуждены к поспешному отступлению. Имевшийся у Шлиффена на этот случай план наступления представляет большой интерес. Вести наступательную операцию в том виде, как этого хотели Мольтке и Вальдерзее (см. выше), т.-е. по двум направлениям, удаленным друг от друга большим расстоянием и сходящимся у Варшавы, он считал невозможным. Теперь уже мобилизация и стратегическое развертывание русских заканчивались скорее, чем раньше.

По плану Шлиффена вооруженные силы на востоке должны были сосредоточиться в одном месте и наступать против русских по двум направлениям: германцы из Верхней Силезии и Познани к Висле выше Ивангорода и австрийцы из Западной Галиции. Восточная Пруссия оборонялась небольшими силами.

Наступление против Франции Шлиффен разработал в период 1894—1899 г.г. Трудности фронтального наступления заставляли строить расчеты на охвате, который в начале должен был вестись одновременно с фронтальным наступлением.

В отношении быстроты мобилизации и стратегического развертывания французы опережали нас. Поэтому нельзя было в своих расчетах заходить слишком далеко. Наше стратегическое развертывание должно было иметь в виду две возможности:

одну—в том случае, если бы противник по окончании своего развертывания продолжал двигаться вперед, к переходу в контр-наступление и другую в том случае, если бы французы оставались позади линии своих крепостей, к переходу в наступление.

На рубеже 20-го века для развертывания на линии С. Вит—Трир—Саарбрюкен—Саарбург—Страсбург намечались шесть армий, седьмую армию предполагалось держать за правым флангом в районе Дюрен—Калль и южнее. 1 и 2 армии должны были перейти мост у Доншери-Стене, причем прикрывать их правый фланг от бельгийцев должна была 7 армия. Левее 1 и 2 армии должна была наступать через Маас 3-я армия, 4-я и 5-я армии должны были занять Нанси-Фруар-Пон С. Венсен и двигаться под прикрытием 3 армии южнее Туля через Мозель в направлении Нефшато. 6-ая армия прикрывала левый фланг. Участок Верден—Туль первоначально атаковать не предполагалось.

Для этой операции предназначались почти все силы германской армии, на востоке оставлялись лишь слабые силы для защиты границы и для введения противника в заблуждение. В случае, если бы противник здесь перешел в наступление, предполагался быстрый отход за Вислу. Для такого отхода рациональнее было иметь не очень большие силы. Решительной победы важно было добиться на западе; если бы это удалось, то потом можно было бы решить, как вернуть потерянное на востоке.

Приходилось также считаться еще с той возможностью, что в случае войны Германии и Австро Венгрии с Россией, Франция сразу не выступит. Решение, на котором останавливался граф Шлиффен в этом случае, представляет также большой интерес. Оно показывает разносторонность и своеобразие его стратегических выходов из положения.

В этом случае являлась необходимость наступления на Россию. Последнее должно было вестись большею частью наших сил совместно с австрийцами. Сильная армия должна была наступать из Восточной Пруссии на Нарев на участке Пултуск—Ломжа и левым флангом на Белосток, меньшая же армия должна была, имея заслон со стороны Осовца и Августова, отбрасывать русскую Неманскую армию, обходя ее с севера. Меньшая часть сил должна была оставаться внутри страны, готовая быть переброшенной на восток или на запад, смотря по обстоятельствам. Если бы, как можно было ожидать, французы начали наступление, то эти силы должны были быть

быстро переброшены по железной дороге против левого фланга французов, которые при дальнейшем продвижении вперед должны были непременно потерять взаимную прочную связь с остальной частью французского фронта. В этом случае у нас имелась бы возможность атаковать более сильную французскую армию, имея местное превосходство в силах. Если бы мы стали готовиться к такому наступлению заблаговременно, то французы угадали бы наше намерение и приняли бы против этого меры.

В последующие годы идея обхода проводилась графом Шлиффеном еще определеннее. Фронтальное наступление им отбрасывалось. Левый фланг в Лотарингии должен был обороняться. Почти все силы должны были, опираясь левым флангом у Меца и катясь одной общей лавиной через Бельгию и Северную Францию, совершать большой обход и, маневрируя, охватывать всякую встречающуюся на своем пути французскую позицию. Таким образом достигалось расширение театра военных действий и получалось пространство, необходимое для действий миллионных армий. Некоторое время после русско-японской войны можно было думать, что на восточном фронте нашему тылу опасность угрожать не будет, поэтому почти все силы можно было сосредоточить на западе. Но приходилось еще считаться с Англией, которая предполагала высадить 100.000 чел. На высадку англичан в Ютландии граф Шлиффен не расчитывал, ему казались более вероятными совместные действия англичан с французами. С помощью итальянцев граф Шлиффен не считался. На этом фундаменте в последние годы его служебной деятельности был разработан грандиозный план, который должен был лечь в основание всех дальнейших военных мероприятий, направленных к подготовке к войне.

Если бы удалось произвести обход французов, как это предполагалось по прежнему плану, то у них оставалась бы еще позиция на линии р. Эн—Реймс—Лафер. Эта позиция также должна была быть обойдена. С этой целью правое крыло германских армий должно было распространиться еще более к северу и войти в Бельгию еще глубже.

Для осуществления этого маневра, считая Верден его осью, предполагалось использовать 23 арм. корпуса, $12^1/_2$ резервных корпусов и 8 кавалерийских дивизий. Они должны были двигаться вдоль границы Рейнской провинции, имея левый фланг у Меца.

Для защиты этого фланга в Лотарингии оставалось севернее Мозеля только $3^1/_2$ арм. корпуса, 1 резервный корпус и 3 кавал. дивизии, в Меце кроме крепостных войск—6 ланд-

верных бригад, в Страсбурге кроме крепостных войск—одна резервная дивизия, на Верхнем Рейне—$3^1/_2$ ландверные бригады, в Нижнем Эльзасе — одна ландверная бригада. Мец являлся опорным пунктом для широкого маневрирования. В данном случае Мец, как опорный пункт, охватывал все укрепления по линии Мозель—Германская Нида—Саар, которая должна была быть снабжена тяжелой артиллерией.

Задачей армии в Лотарингии являлось: пользуясь для этого минимумом германских сил, притянуть на себя как можно больше французских сил. Поэтому в начале войны предполагалось атаковать только Нанси. Допускалось также, что французы произведут контр-наступление на Лотарингию. Это можно было только приветствовать, так как чем больше сил употребили бы на эту операцию французы, тем выгоднее было бы это для немцев, которые не должны были бы только позволить французам втянуть себя в ожесточенные бои. Их задача заключалась в отвлечении на себя возможно больше неприятельских сил и в удержании укрепленного района Меца.

По плану графа Шлиффена наступление должно было вестись следующим образом:

Северная группа должна была быть возможно сильнее и состоять из 9 арм. корпусов и 5 кавал. дивизий. За ней следовали 7 резервных корпусов для прикрытия правого фланга и осады Антверпена. Кроме того, сюда должны были быть возможно скорее подтянуты по железной дороге два корпуса, находившиеся с самого начала в Лотарингии севернее Мозеля.

Таким образом, здесь можно было располагать в общей сложности 18-ю корпусами. Приходилось также принять меры против бельгийцев и англичан, которые могли оказаться у Антверпена, если бы последние там высадились. Северная группа должна была возможно быстрее продвинуться к линии Брюссель—Намюр, продвижение же от правого фланга влево должно было соответственно замедляться.

Средняя группа, из 6 корпусов и одной резервной дивизии должна была выдвинуться к линии р. Маас на участке от Намюра до Мезьера.

Южная группа, из 8 корпусов и 2 кавал. дивизий, должна была выдвинуться к линии р. Маас от Мезьера до Вердена.

Пять резервных корпусов должны были, опираясь на Мец, прикрывать левый фланг от наступления противника по левому берегу Мозели с линии Туль—Верден.

Средняя и южная группы должны были быть во всякое время готовы встретить атаки противника.

16 ландверных дивизий следовали севернее и южнее Мааса.

При дальнейшем своем продвижении северная группа должна была взять направление на левый фланг французских позиций в районе Мезьер—Ретель—Лафер.

Французы могли бы предпринять контр-наступление, возможность для этого у них была, так как позиция Бельфор — Верден не требовала больших сил для своей обороны. Мы предполагали подтянуть из Лотарингии два упомянутых выше корпуса, а французское контр-наступление мы только приветствовали бы.

Наши корпуса двигались сомкнуто, их левый фланг имел надежную опору, а правый фланг был достаточно силен.

Трудно было допустить, что французы, стягивавшие в это время свои корпуса, могли бы иметь всю армию достаточно сосредоточенной; у них имелась еще возможность отойти на новые позиции, но едва ли им было выгодно избрать позицию на Сомме, так как в этом случае наш правый фланг двинулся бы на Амьен, а в случае надобности и на Аббевиль.

Если бы французы создали сильный оборонительный фланг позади Уазы на линии Лафер—Париж, левая оконечность, которого опиралась бы на парижские укрепления, то атаковать эти позиции можно было бы по способу действий под крепостями, двигаясь от рубежа к рубежу и обходя Париж, а также и в том случае, если бы противник сдал Уазу и отошел бы за Марну или Сену.

Нанося удар левому флангу французов в восточном направлении, можно было бы попытаться оттеснить их к позиции на Мозели, к Юре или к Швейцарии. Французская армия должна была быть уничтожена. Главным условием для успешного осуществления этой операции являлось создание сильного правого фланга, при помощи которого нужно было выиграть сражение и непрерывно преследовать противника, принуждая его вновь и вновь к отступлению.

При наступлении, как известно, войска тают. Поэтому, для того, чтобы осуществить свой план, граф Шлиффен требовал привлечения к участию в операции бывшего в нашем распоряжении ландштурма, находившегося в крепостях ландвера, предназначенного для оккупации тылового района и для охраны железных дорог, а также для формирования тотчас после мобилизации 8 резервных корпусов. Последние должны были быть переброшены на правый фланг или в его тыл, как только железные дороги были бы в состоянии это выполнить. Таким

образом, для операции против позиции на линии Эн—Уаза—Париж граф Шлиффен рассчитывал на 25 арм. корпусов, $2^1/_2$ резервных корпуса и 6 заново сформированных арм. корпусов. Из них 7 арм. корпусов были добавлены для обхода Парижа и 6 новых корпусов для осады Парижа с запада и юга.

Надо было взвесить, что должно было произойти, если бы французы сразу перешли в наступление. Они могли бы продвинуться между Мецом и Страсбургом или через Верхний Рейн, или, что было весьма трудно предположить, через Швейцарию в южную Германию. В наш операционный план нужно было стараться вносить как можно меньше изменений. Немцы, думал граф Шлиффен, могли быть вполне уверены в том, что если они будут настойчиво вести свои операции, то французы быстро повернутся не к северу, а к югу от Меца в наиболее угрожаемом направлении.

Наша задача становилась бы труднее, если бы французы в мобилизации и развертывании опередили нас и стали бы продвигаться совместно с англичанами и бельгийцами через Бельгию. Если бы им удалось достигнуть линии Антверпен—Намюр раньше нас, то охват стал бы невозможен. Пришлось бы пользоваться другими планами, а именно: наступление противника должно было быть отражено к северу от линии Намюр—Люттих; в случае попытки отбросить нас, неприятель должен был двигаться по правому берегу Мааса, в этом случае мы могли бы атаковать его правый фланг со стороны Меца—Диденгофена—Трира.

Граф Шлиффен и после выхода в отставку (1 января 1906 г.), когда Россия снова постепенно окрепла и стала опасной, все же остался в общем при своем прежнем мнении. На востоке следовало оставить минимум сил; судьба Австрии будет решена не на Буге, а на Сене. Но в соответствии с расширившимися задачами он считал необходимым безотлагательно приступить к увеличению числа армейских корпусов. Этим закончились подготовительные работы графа Шлиффена для будущей войны. Постепенное развитие его грандиозного плана позволяет познакомиться с работой этого выдающегося военного деятеля. В тиши вел он работу, которая являлась делом всей его жизни, и оставил ее в качестве наследства своим преемникам.

Офицеров Г. Ш. он посвящал в ход своих мыслей, пользуясь для этого полевыми поездками и военными играми Ген. Штаба.

Ежегодно летом и осенью граф Шлиффен организовывал большие поездки Г. Ш. то на западной, то на восточной границе.

Зима использовалась для оперативных упражнений и военных игр.

В виду того, что обычно дело касалось операции широкого масштаба, нельзя было предусмотреть всего во время самых поездок; на самой местности приходилось ограничиваться то там, то здесь, где это позволял ход поездки, обсуждением наиболее важных положений. Граф Шлиффен старался познакомить участников поездки с местностью, где придется вести операции, в особенности с пограничной зоной. Такой метод часто порицали. Я не знаю, каким другим методом его можно было бы заменить. Только эти поездки представляли случай продемонстрировать операции, предвидевшиеся в случае войны. Проделывать при этом отдельные тактические задачи на самой местности, по крайней мере в самом широком масштабе, не представлялось возможным. Это приходилось предоставить корпусным поездкам Г. Ш. и учебным поездкам.

Разработка плана для великой войны была так важна, что немногочисленные большие поездки должны были быть использованы целиком для этой цели.

Граф Шлиффен был весьма требователен к участникам поездок, в особенности же и к самому себе. До обеда он проводил время верхом, а после обеда и вечером за рабочим столом; лампа у него иногда горела до 2 или 3 часов утра. Мы всегда напряженно ждали заключительного обсуждения, которое велось им остроумно, необыкновенно поучительно, часто не без сарказма и было не всегда приятно для руководителей. Здесь, как и во время военных игр зимой, возникал целый ряд мыслей. Скажем о тех, которые играли роль для затронутых здесь вопросов.

Основанием обыкновенно служила война на два фронта. Для доведения такой войны до конца требовалось не только отбросить противника, но уничтожить сначала одного, а затем другого. Эта мысль проходила красной нитью во всех его решениях. Этот метод состоит в том, что все силы или по крайней мере большая их часть обращаются сначала против фланга или тыла противника, принуждают его к сражению при повернутом фронте и теснят его в неблагоприятном для него направлении. К этому часто стремился Фридрих Великий; это проделал в 1800, 1805, 1806 и 1807 г.г. Наполеон. Тем же способом добился успеха и Мольтке в августе и сентябре 1870 г.

Дело сводилось к действиям по внутренним операционным линиям. Такие операции, по заключению графа Шлиффена,

являлись наиболее блестящими, но представляли в то же время громадные трудности для главнокомандующего. Мастером такого образа действий считается Наполеон. Фельдмаршал Мольтке предпочитал действия по внешним операционным линиям, хотя в сущности его системой было не иметь никакой системы. Факт тот, что Наполеон часто вел операции по „внутренним линиям", но факт и то, что, действуя так, он два раза потерпел полное поражение. В 1813 г. ему не удалось уничтожить после Дрезденского сражения главной армии противника, через некоторое время она снова появилась. Ему также не удалось разбить Силезскую и Северную армии, они все время ускользали.

У Линьи Наполеон победил, но не уничтожил противника; он обратился в другую сторону, но побежденная армия двинулась вслед за ним и в конце концов дело свелось к тому, что у Лейпцига он оказался совершенно обойденным и у Белль-Альянса атакованным с двух сторон.

Тактический вывод, вытекавший из вышеизложенного для военных действий на одном театре войны, должен был сохранить свое значение и в стратегическом отношении при войне на два фронта на нескольких самостоятельных театрах военных действий, удаленных друг от друга на большое расстояние; в последнем случае трудности операции должны были возрасти.

С нами могло случиться то же, что с Наполеоном, а именно: что один из противников не был бы решительно разбит или ему удалось бы ускользнуть. Переброска крупных сил с одной границы Германии на противоположную занимает много времени и, кроме того, не легко учесть подходящий для этого момент.

Случалось, что граф Шлиффен брал такую обстановку, которая не вполне отвечала его собственным намерениям. При одной из поездок был взят в качестве примера тот случай, при котором Россия и Франция приблизительно одновременно переходят границу (на 18-й день мобилизации). Главные силы германцев вводились в действие на Западе. На 27 день французов удалось разбить и отбросить на укрепленные позиции на Маасе и Мозели. После этого одиннадцать арм. корпусов перебрасываются на Восток. Но с Францией еще не было покончено. Французская армия, сосредоточившись, вновь получила возможность начать наступление и вести бой. Наступила лишь передышка. Этой передышкой Германия пользуется для того, чтобы обратиться возможно большими силами против

русских, вторгшихся в Восточную Пруссию. Такая операция нежелательна, но она вынуждена. При этом обращу внимание на то, что граф Шлиффен во время поездок никогда не принимал в расчет опоздание русской мобилизации на недели или месяцы.

Относительно операции граф Шлиффен всегда указывал на то, что командующие армиями должны основательно освоиться с планом главнокомандующего. Вся армия должна быть проникнута одной идеей. Недаром он оставался неудовлетворенным в виду недостаточной точности в исполнении операции, свойственной строевым учениям. По его мнению, большие операции нужно было вести по образцу батальонных учений. В особенности во время марша-маневра армии по Бельгии и Северной Франции для охвата, как он мне неоднократно говорил, армии должны были двигаться, сохраняя равнение как батальоны.

Правый фланг должен был быть возможно сильнее, за каждым корпусом первой линии должен был следовать корпус второй линии. Во время полевых поездок граф Шлиффен часто давал нам понять, что план сам по себе еще не решает дела.

В руководимых им военных играх он разыгрывал всевозможные задачи на восточном и западном фронтах, причем, все взвешивая, хватался за каждую новую мысль, всегда стараясь найти новые возможности и новые выходы из положения. На западном фронте неоднократно пробовали держаться оборонительного образа действий: германцы должны были выжидать, пока не подойдут французы. Французское наступление оказывалось каждый раз весьма трудным. Наступление между Мецом и Страсбургом тесно сомкнутой массой в глубоком построении почти регулярно терпело неудачу. Это узкое пространство ограничивалось Страсбургом, крепостью Вильгельма II и Северными Вогезами. Французы могли быть атакованы со стороны Меца, Страсбурга и р. Саар. Они могли попытаться совершить глубокий обход на левом или правом фланге.

В случае обхода крепостного района Мец—Диденгофен с севера им неизбежно пришлось бы вступить на люксембургскую и, возможно, даже на бельгийскую территорию. При этом их левый фланг могли атаковать немецкие силы, находящиеся наготове в районе Трира и севернее его. Если бы правый фланг французов выдержал этот удар и проник в Эльзас, то его продвижение все же остановилось бы у Страсбурга и на р. Брейши. Во всех этих случаях разделение французской армии на несколько частей было неизбежно. Оно должно

было стать еще больше, если бы французы попытались перейти правым флангом Верхний Рейн.

Укрепленный район Мец—Диденгофен представлял для немцев в оперативном отношении большие преимущества для маневра; для французов, наоборот, он обусловливал расчленение армии.

У французов имелась еще и другая возможность, а именно, использовать для действий на фронте лишь слабые силы, главную же массу войск двинуть севернее Вердена через Бельгию и Люксембург, при условии обеспечения своего правого фланга путем изолирования района Мец—Диденгофен. Такое наступление приводило к большому захождению в сторону Нижней Мозели с осью у Вердена, при этом левый фланг должен был потерять связь с соседними частями и мог быть атакован со стороны Рейна. Если же, во избежание этого, французы, обеспечив себя на правом фланге со стороны Мозели, продолжали продвигаться к Рейну, то под угрозой оказался бы правый фланг. Нерациональным было бы и эксцентрическое наступление, при котором в обоих направлениях к Мозели и на Рейн двигались крупные силы. Как бы такое наступление ни велось, оно неизбежно привело бы к занятию положения по дуге между Мозелью и Рейном.

Обсуждению подвергались самые разнообразные меры, которые могли бы парализовать французское наступление.

Позиция на Ниде и Сааре, как средство против общего наступления французов на Лотарингию, не одобрялась. Всяким позициям свойственно то, что они могут быть обойдены или охвачены, после чего уже не могут быть удерживаемы. Прибегать к занятию позиций, не имея вне их достаточно сил для маневрирования,—это уже начало конца. Удачная оборона означает лишь отражение фронтальных атак, но никогда не может достичь главной цели—уничтожения противника. Последнее достигается исключительно маневренной войной, но никогда не позиционной. Поэтому необходимо было обойти наступающего между Мецом и Страсбургом противника с обеих сторон, справа со стороны Меца и слева со стороны Вогез.

Если бы французы упорно удерживались севернее Диденгофена, то их следовало бы атаковать во фланг, как указано выше. Против наступления в Эльзас особых мер предпринимать не предполагалось; форсирование верхнего Рейна всегда можно было предупредить.

Таким образом, во всех случаях оказывалось, что, несмотря на все трудности, которые встретило бы французское

наступление, для его успешного отражения были бы потребны крупные германские силы. Небольшим числом корпусов ограничиться было бы невозможно.

Наступление главных германских сил на Францию практиковалось часто, при этом фронтальное наступление оказывалось невыполненным. Граф Шлиффен настойчиво указывал на то, что промежуток между Эпиналем и Тулем является позицией, сильно защищенной самой природой. Другой промежуток между Верденом и Монмеди мог быть легко прегражден на р. Луизон. При наступлении на этом участке являлось опасение обхода французов через Бельгию и Люксембург.

Во время одного заключительного обсуждения граф Шлиффен высказал мнение, что при подобной обстановке англичане и американцы, как практичные и мало щепетильные люди, при рассмотрении этого вопроса сами признавали неизбежность германского наступления через Бельгию. Это было весьма на руку Швейцарии, так как в этом случае отпадал вопрос о нарушении ее нейтралитета. Французы предполагали обойти наш фланг, а это вряд ли было бы возможно исполнить иначе как через Бельгию и Люксембург. Бельгия во всяком случае должна была учесть это обстоятельство и принять соответствующие меры. На этом основании можно сказать, что все заинтересованные в этом вопросе страны считались с проходом через Бельгию как с неизбежным фактом.

Германия также должна была иметь в виду этот факт, чтобы получить возможность обойти французские позиции. Атаковать частью сил с фронта и наступать на участке Мезьер—Верден для обхода последнего было невыгодно, так как это привело бы к раздроблению германской армии. На основании опыта, полученного во время многочисленных полевых поездок Г. Ш., выяснилось, что лучшим разрешением вопроса являлся обход всеми силами и по крайней мере большею частью сил севернее Вердена. Эти соображения граф Шлиффен фактически положил в основание плана стратегического развертывания.

Наступление должно было вестись на фронте Верден—Лилль, а не на фронте Верден—Бельфор. Необходимо было продвинуться на Запад настолько, чтобы иметь достаточное пространство для маневра. На этом фронте также имелись укрепления, но не такие сильные, как на границе с Германией, дававшие возможность легче преодолеть их. Этот план, конечно, имел и свои невыгодные стороны. Протяжение северной Бельгии настолько значительно, что для указанного про-

движения требовался такой период времени, который французам давал возможность принять всевозможные контр-меры. О том, чтобы застигнуть их врасплох, не могло быть и речи. Но, с другой стороны, против заблаговременно, правильно и планомерно расчитанного движения французские контр-меры оказались бы в большинстве случаев скороспелыми и не могли бы дать своевременных и достаточно серьезных результатов.

При полевых поездках на восточном фронте обстановка менялась в зависимости от того, как далеко продвигались русские, прежде чем могли быть подвезены по железной дороге подкрепления с Запада. На этом фронте оказывалось выгодным обороняться небольшими силами.

При наступлении от Немана и Нарева русские армии оставались разобщенными. Их смыкание затруднялось Мазурскими озерами и укреплениями у образуемых ими проходов. Время, необходимое русским для соединения своих сил к Западу от этого района, должно было быть использовано для того, чтобы разбить одну армию раньше, чем к ней подошла другая.

Если бы немцы оказались оттесненными за Вислу, то мог представиться следующий случай: на Нижнюю Вислу двигалась бы фронтально Неманская армия, а Наревская армия перешла бы Вислу между Варшавой и Влоцлавском, с целью обойти находящегося по ту сторону Вислы и обороняющего этот район противника. При этом наступающий должен был разделить свои силы на две части. Являлось несколько возможностей. Можно было атаковать левый фланг Наревской армии, пользуясь крепостями Торн и Познань, Вислой, Нетцей и многочисленными озерами, находящимися между этими реками. Больших результатов можно было добиться также наступлением для охвата правого фланга Неманской армии через Мариенбург и Ельбинг; эта операция была разыграна на 35-й день мобилизации.

Очень интересную обстановку граф Шлиффен предусматривал во время военной игры зимой 1901 г. Главные силы выставлялись против Франции. На русском фронте необходимо было выиграть больше времени, чем это можно было бы достигнуть одной обороной. Необходимо было притти на помощь Австрии, которой приходилось выдерживать напор главных сил русских. Для этого предполагалось предварительно произвести короткий удар по русской армии семью арм. корпусами и четырьмя кавал. дивизиями. Двигаясь на Гродно, армия должна была помешать русскому развертыванию, оттеснить

находящиеся против нее русские силы и разрушить железные дороги между Вильно—Гродно и Барановичи— Белосток. Таким образом, развертывание русских должно было бы отодвинуться к Вильне.

После этого германская армия обращалась против сосредоточивавшейся Наревской армии, которая могла либо итти ей навстречу, либо, что было вероятнее, отходить за Буг или на Варшаву.

В том случае, если бы французы не решились перейти в наступление, подобная операция принудила бы их двинуться вперед. А после того, как они вышли бы за свою укрепленную линию и приблизились к германской границе или перешли ее, наступать против них стало бы легче. Германские корпуса после удара по России в значительной части могли бы быть переброшены на Запад для операции против французов.

Можно было ожидать, что на Западе решительные бои разыграются на германской территории или вблизи ее. Если бы впоследствии оказалось нужным грузить и перевозить крупные силы на восточный фронт, то это гораздо легче можно было бы выполнить, пользуясь нашими собственными железными дорогами, чем поврежденными во многих местах железными дорогами на неприятельской территории, что было бы неизбежно при глубоком проникновении на территорию Франции. Этому обстоятельству граф Шлиффен придавал особо важное значение.

Положить эти соображения в основание фактического развертывания он все же не решился, и я думаю, что он был прав: нельзя было быть уверенным в том, что армия, ведущая наступление на восточном фронте, может быть своевременно выведена из наступательного боя и переброшена на Запад. Вместе с тем нежелательно было ни в коем случае допустить французов близко к Рейну.

Если бы мы, отбросив французов, стали преследовать их вглубь Франции, то исчезла бы выгода использования наших железных дорог в случае необходимости вновь перебросить войска на восточный фронт.

Генерал ф. Мольтке.

Преемник графа Шлиффена генерал ф. Мольтке до начала войны оставался верен идее, положенной в основание плана развертывания. И, по его мнению, центром тяжести являлась Франция. Развязка должна была произойти на Западе, где

против наиболее опасного врага должны были быть пущены в ход все силы. На восточный фронт можно было перебросить подкрепления только в том случае, если к этому представилась бы возможность. Мольтке полагал, что после перехода на военное положение у Франции не останется сильных людских резервов. Являлось вопросом, сможет ли Франция вести продолжительное время войну и после того, как она оказалась бы разбитой в первых больших сражениях. Принимая во внимание, по опыту прежних войн, медленность развития операции русскими, можно было надеяться на западном фронте достигнуть решительного результата прежде, чем события на австро-русской границе выльются во что-нибудь определенное.

В отношении осуществления наступления против Франции Мольтке тоже держался того мнения, что обход через Бельгию необходим, тем более, что вторжение французов и англичан в Бельгию становилось все вероятнее.

В соотношение сил между правым и левым флангами постепенно вносились изменения. В Лотарингии граф Шлиффен предполагал иметь как можно меньше сил, их задачей должна была быть по преимуществу оборона. Ему было важно иметь возможно больше сил на правом фланге. Мольтке же опасался, что Эльзас останется совершенно незащищенным при вторжении туда французов, которое, по всей вероятности, будет ими предпринято. Не следовало очищать эту провинцию и предоставлять ее для свободных передвижений противника тотчас же после начала военных действий. XIV арм. корпус должен был прикрывать Верхний Эльзас, а верхний Рейн (как и в плане Шлиффена) должны были охранять ландверные бригады.

В случае серьезной операции корпус должен был отойти за верхний Рейн или к Страсбургу. Сомнительно, чтобы отдельно действующий корпус мог принести существенную пользу, в другом же месте он мог оказаться нужнее.

В проектах последующих лет силы, предназначенные для Эльзаса, были увеличены. 6-я армия, которая должна была развернуться в Лотарингии между Мецом и Северными Вогезами, состояла из трех армейских и одного резервного корпусов. 7-я армия, которая сосредоточивалась у Страсбурга и севернее его, была той же силы, включая корпус, находящийся в районе Кольмар-Мюльгаузен. Всего же, следовательно, требовалось 8 корпусов, не считая крепостных войск Меца и Страсбурга и некоторого количества ландверных бригад. Общая численность оставалась та же, что до войны 1914 г., только

в последнее время 6-я армия состояла из пяти корпусов, а 7-я армия из трех корпусов. Усиление 6-й армии было вызвано возможностью французского наступления по обе стороны Меца.

Германское стратегическое развертывание против Франции, в том виде, в каком оно было осуществлено по плану Мольтке в 1914 г., представлялось в следующем виде:

Главные силы германцев, 1—5 армии из 26 арм. и резервных корпусов, должны были двигаться во Францию и совершить обход через Бельгию и Люксембург, имея Мозельский укрепленный район (Метц—Диденгофен) на своем левом фланге; к нему должна была примыкать находящаяся на левом фланге главных сил 5-я армия; обеспечивать марш-маневр главной массы войск на левом фланге должны были 6-я и 7-я армии, совместно с крепостями Диденгофен—Мец и Нидской позицией. Укрепленный район Диденгофен—Мец находился в подчинении 5-й армии, Нидская позиция была подчинена губернатору Меца (у Французской Ниды между Мецем и р. Саар была оборудована саперами полевая укрепленная позиция, которая оборонялась значительным количеством ландверных бригад и тяжелой артиллерией). 6-я армия из пяти арм. корпусов развертывалась юго-восточнее Меца в районе Курсель—Саарбург в Л.-Саарге-мюнд, 7-я армия из трех арм. корпусов у Страсбурга и верхнего Рейна; 6-я и 7-я армии не были подчинены старшему из командующих армиями кронпринцу Рупрехту Баварскому.

Ему было поручено выдвинуться на Мозель ниже Фруара и на Мерту, с целью приковать сосредоточенные там французские силы и воспрепятствовать их переброске на левый фланг французской армии. В случае, если бы французы превосходными силами перешли в наступление между Мецом и Вогезами, то его задачей было бы сначала отойти и затем противодействовать охвату позиции на Ниде, угрожающему левому флангу главных германских сил.

Кроме того, в период развертывания 7-я армия должна была прикрывать верхний Эльзас и Южный Баден. Следовало также расчитывать на наступление французов со стороны Бельфора; 7-я армия в этом случае должна была отразить наступление небольших французских сил, „чтобы эта область не была без всякого сопротивления отдана в полное распоряжение противника". В случае же превосходства сил она должна была отойти к Страсбургу и на правый берег Рейна. В этом случае задачей войск, находящихся в районе Страсбурга, было бы удерживать в своих руках крепость Вильгельма II—позицию на Брейше—Страсбург.

Командованию 7-й армии было подчеркнуто, что данная ему для выполнения в Верхнем Эльзасе и южном Бадене задача является временной. Существенной являлась совместная ее работа с 6-й армией по выполнению задач, поставленных общему командованию обеими армиями.

Совместные их действия в крайнем случае должны были начаться с того момента, когда 7-я армия отошла бы к Страсбургу, или на правый берег Рейна.

Эти распоряжения основывались на предположении, что французы поведут наступление между Мецом и Вогезами, направив более слабые силы от Бельфора в Верхний Эльзас. Предполагали, что использование германских войск в Эльзас-Лотарингии оправдает себя и что благодаря этому у противника на его левом фланге окажется недостаточно сил. Для того, чтобы в Лотарингии не подвергнуться нападению превосходных сил французов, предполагали поступить следующим образом: 6-я армия должна была отойти на Саар, с тем, чтобы противник, преследующий ее со стороны Меца и позиции на Ниде с севера, а также со стороны северных Вогез, был атакован с юга 7-й армией. Поступят ли французы именно так, как здесь предусматривалось, сказать, конечно, было трудно.

Временная задача 7-й армии была не из легких. Определить сразу—наступает противник от Бельфора крупными или слабыми силами, было также не легко. Выдвижение 7-й армии к Мюльгаузену могло оказаться операцией в пустую и помешать совместным действиям с 6-й армией, что являлось их главной задачей.

Нельзя не отметить изменений в общем плане по сравнению с планом графа Шлиффена. Французское контр-наступление в Лотарингию граф Шлиффен считал желательным. Для Эльзас-Лотарингии им предназначалось, кроме кавалерии, крепостных войск и ландвера, не более $4^1/_2$ корпусов.

Как бы то ни было, решение произвести обход через Бельгию оставалось непоколебимым, даже в том случае, если бы французы в Лотарингии перешли в наступление; задача германских войск здесь в этом случае состояла в том, чтобы приковать возможно большее количество французских войск возможно меньшими германскими силами. Граф Шлиффен полагал, что этот маневр заставит противника изменить направление удара. Что же касается ген. ф. Мольтке, то он хотел, наступая крупными силами в Лотарингии, задержать здесь противника, а в случае, если бы французы сами перешли в наступление между Мецом и Вогезами, то постараться разбить их.

Разница в оперативных взглядах здесь очевидна. При одном заключительном обсуждении во время полевой поездки Б. Г. Ш. ген. ф. Мольтке высказал взгляд, что обход через Бельгию имеет цель атаковать французов в открытом поле вне района их крепостей.

Если бы французы перешли против нас в наступление в Лотарингии, то этим самым нам облегчалось бы достижение поставленной себе цели. Но ген. ф. Мольтке считал, что если события развернутся именно так, то со стороны германского главнокомандующего было бы ошибкой продолжать наступление по Бельгии: он должен бы был изменить направление удара и перебросить в Лотарингию силы для решительного сражения. В 1914 г. сам ген. ф. Мольтке, как уже упоминалось, рассчитывал на большое наступление французов в Лотарингии; этот его взгляд, быть может, и способствовал тому, что левый фланг был усилен, а игравший первостепенную роль правый фланг был ослаблен.

На случай, если бы французы не предприняли большого наступления в Лотарингии, был выработан еще до 1910 года план своевременной переброски 7-й армии по железной дороге на правый фланг.

В последующие годы этот план специально не перерабатывался, но выполнить его представлялось всегда возможным, так как начальник железнодорожного передвижения войск имел во всякое время достаточно поездов в тылу района развертывания, как для этой, так и для других переброс. Возможность переброски, которую предусматривал план Шлиффена, имелась в виду и теперь. К переброске предполагали приступить только после того, как здесь будет достигнут успех. Но перебросить силы на правый фланг своевременно, в случае слишком далекого продвижения 6-й и 7-й армии в направлении Мерты и Мозели, представило бы большие трудности. Согласованности действий гарнизонов крепостей Меца и Диденгофена, Нидской позиции и обеих армий, предназначенных для защиты левого фланга, достигнуть было трудно вследствие того, что распоряжения исходили из целого ряда штабов. Теперь, по опыту войны, мы соединили бы все находившиеся в этом районе войска в одну группу, подчинив ее одному общему командованию.

План Мольтке мог бы иметь результатом большой успех в Эльзас-Лотарингии, но основной план наступления через Бельгию возможно сильным правым флангомне должен был терпеть никаких изменений и все, без чего можно было бы

обойтись на левом фланге, должно было быть отправлено на правый фланг. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы в Лотарингии более слабые силы французов приковали более крупные германские силы. Все зависело от исполнения.

План Шлиффена был проще, главная мысль проводилась определеннее, все остальные соображения отходили на второй план. Ход военных действий в 1914 г. не оправдал ожиданий. Перебросить своевременно лишние силы с левого на правый фланг не удалось. Правый фланг оказался недостаточно сильным, а в дальнейшем был еще более ослаблен потерями. 6-я и 7-я армии после сражения в Лотарингии не были во-время остановлены; наоборот, им было приказано прорваться через Мозель между Тулем и Эпиналем в то время, как правый фланг должен был заходить правым плечом. Обход через Бельгию и Северную Францию должен был привести к охвату французской армии и, наконец, к ее окружению. Этого однако достигнуть не удалось. Спрашивается, не лучше ли было с самого начала собрать большие силы на имеющем решающее значение правом фланге, а 6-ю и 7-ю армии ослабить, ограничив их задачу, тем более, что на западном фронте мы по численности уступали нашим противникам. При этом, конечно, приходилось преодолеть большие трудности. Наш правый фланг, пользуясь всей железнодорожной сетью, должен был при развертывании растянуться до Крефельда. Чтобы войти в Бельгию, 1-я армия, бывшая на правом фланге, должна была сосредоточиться у Аахена, пройти через него и перейти через Маас между Льежем и голландской границей. Нейтралитет Голландии не должен был быть ни в коем случае нарушен. Вне крепостного района ниже Льежа через Маас вела только одна дорога у Визе. По ту сторону Мааса 1-я армия должна была двигаться вправо; этот маневр был очень труден. Необходимым условием для его выполнения было овладение Льежем. Для осады этой крепости потребовалось бы слишком много времени. Ее надо было взять налетом до начала операции. Этот самый шаг, как известно, удался благодаря ген. Людендорфу, завоевавшему здесь свою первую военную славу.

1-я армия преодолела указанные трудности. Необходимые для дальнейшего развития операции силы должны были бы следовать непосредственно сзади. Сюда, а не на левый фланг, следовало стягивать и все резервные дивизии по мере их формирования.

Планомерное захождение правого крыла влево постепенно удаляло нас от побережья. Адмирал ф.-Тирпитц в своих воспо-

минаниях высказывает тот взгляд, что нашей важнейшей целью должно было быть достижение Кале, чтобы прервать коммуникационную линию англичан. Если бы гавани Ла Манша для англичан были закрыты, то им пришлось бы делать высадку в Шербурге или Бресте, т.-е. в портах Атлантического океана. По его мнению, главным противником была Англия и в первую очередь нужно было действовать против нее. Мне же кажется, что действовать так сухопутной армии в начале войны было бы неправильно. Вредить Англии сначала должен был флот. Сухопутная армия, раньше чем думать о занятии Кале, должна была свести счеты с французами. Одержать быструю победу над ними являлось нашей первой военной задачей. После этого мы уже свободно могли бы действовать и против русских, и принимать необходимые меры против Англии. Говоря так, мы никоим образом не хотим умалить значение для военного командования портов. План графа Шлиффена в случае успеха должен был попутно отдать в наши руки и Кале. В дальнейшем и я стал держаться того мнения, что наши операции на западе прежде всего должны иметь в виду Англию, т. к. она являлась нашим главным противником. Нам приходилось вести войну уже не на два, а на три фронта. Эта же идея была положена в основание нашего мартовского наступления в 1918 году. Высшее командование группы кронпринца Рупрехта стояло также тогда за общее наступление во Фландрии, которое должно было отдать в наши руки побережье. Об этом упоминает в своем труде ген. Людендорф, там же он приводит основания, заставившие верховное командование повести наступление в другом направлении.

Со времени графа Шлиффена до 1914 года наше положение по отношению к России постепенно менялось, ген. ф. Мольтке должен был с этим считаться.

Мы не будем здесь останавливаться на варианте, предусматривавшем войну на одном восточном фронте. Такой случай был слишком невероятен. Надо было ожидать, что французы выступят в тот самый момент, как только мы начнем свое развертывание против русских. Это доказывает ставшая впоследствии известной военная конвенция. Таким образом, против России следовало только обороняться, развязку же искать во Франции.

Но ограничиться для восточного фронта теми силами, которые намечались графом Шлиффеном, теперь было уже нельзя.

Русская армия значительно усилилась, ее мобилизация и развертывание требовали теперь более короткого срока. Прихо-

дилось считаться с тем, что русские не замедлят начать наступление. Для его отражения было предназначено 13 дивизий. Этих сил было вполне достаточно. Нежелание преждевременно очистить Восточную Пруссию могло, как и по отношению к Эльзасу, сыграть решающую роль. Принималось также во внимание то, что при некоторых условиях Австрия могла встретить в числе своих врагов Сербию и Черногорию. За Румынию нельзя было поручиться, отношения с Италией были напряженными. Командованию Восточной Пруссии должна была быть предоставлена свобода действий для ведения оборонительной или наступательной войны. Австрийцам была обещана поддержка наступлением на Нарев, за это они со своей стороны должны были наступать между Вислой и Бугом. Усиление войск для операции против России в начале войны могло быть произведено только за счет частей, предназначенных для западного фронта. На это, однако, не решались, и в последнее время перед войной наша 8-ая армия, предназначавшаяся для восточного фронта, была даже уменьшена на 2 корпуса, которые брались для западного фронта; эти корпуса должны были быть заменены несколькими резервными дивизиями. Тем не менее, соглашение с Австрией относительно наступления на Нарев оставалось в силе. Из всего сказанного вытекает, что трудностей было не мало и что войск для восточного и западного фронтов в полной мере не хватало. Помощь Италии на Западе не могла возместить недостаток наших сил. Правда, была обещана присылка 5 итальянских корпусов и 2-х кавалерийских дивизий на Верхний Рейн, но это обещание время от времени бралось обратно. В 1913 г. оно было подтверждено в Риме нашему первому обер-квартирмейстеру, но вскоре сокращено до трех корпусов и двух кавалерийских дивизий. Лично я никогда не верил в помощь Италии. Она, имея не защищенное побережье, опасалась Англии, ее отношения к Франции становились все дружественнее, а с Австрией все более натянутыми. Я всегда был уверен в том, что итальянского наступления на французской границе в Альпах не будет.

Положение в 1914 г. до войны.

После всего вышесказанного становится ясным постепенное развитие мысли Г. Ш., выразившейся в конце-концов в выработанном им операционном плане. Посмотрим теперь, был ли этот план пригоден и для 1914 г., или правы критики, забраковавшие этот план и считавшие правильным разрешением

вопроса—наступление на Россию. Подробных доказательств этому они, насколько мне известно, не привели.

Не подлежит сомнению одно—нам приходилось действовать активно: нельзя было стоять на границе в ожидании наступления противника. Мало того, что в военном отношении такой план всегда оказывался непригодным, в экономическом отношении он был гибельным для страны. План операции старшего Мольтке не мог оставаться без изменений при всех обстоятельствах и во всякое время. Он сам, вероятно, меньше всего претендовал бы на это.

За наступление против России говорило многое. Мы могли надеяться использовать наше превосходство в оперативном отношении и добиться нанесения решительного поражения русским. Ход войны доказал, что на это мы имели право расчитывать. На восточном фронте удался даже прорыв у Горлицы. Но вместе с тем не исключалась возможность того, что русские по примеру 1812 г. отступят вглубь страны. Многое, правда (мобилизация, развертывание, настроение войск и верховного главнокомандующего), заставляло ожидать, что русская армия примет бой. Считаясь с польскими и украинскими домогательствами, русские не решились бы сразу очистить большую территорию.

В этом отношении играл роль и страх перед социальной революцией. Подобные доводы приводил перед войной генералу фон-Мольтке начальник австрийского Г. Ш. генерал фон-Гетцендорф. Фактическое развертывание русских в 1914 г., их наступление на Германию и Австрию, энергичное ведение военных действий великим князем Николаем Николаевичем говорили за то, что бои противником принимаются и что их целью является наступление на наши главные силы. Русские основывали свои операции, повидимому, на том, что на восточном фронте у нас имеются не очень крупные силы.

Оборона выпуклой и лишенной естественной защиты восточной границы являлась очень трудной задачей, это доказывал и старший Мольтке. Могли ли австрийцы привлечь на себя главные силы русских, оставалось под знаком вопроса, имея ввиду отношения Австрии к Сербии, Румынии и Италии.

Теперь уже нельзя было считать, что оборона на Западе проще и легче, чем оборона восточного фронта. Рейн не являлся преградой в той степени, как во времена старшего Мольтке. Обороняться слабыми силами в ожидании общего наступления французов не представлялось возможным. Позиции Мольтке впереди р. Саар, как уже выяснилось, было для этого недо-

статочно. Ликвидировать опасный для нас обход французов через Бельгию было трудно. Прежний начальник бельгийского Г. Ш. генерал Дюкарн в статье „Эволюция в стратегии", помещенной в брюссельской „Хронике" от 15/XII 1912 г., высказался в том смысле, что проход французов через Бельгию определенно состоится, если Германия будет вынуждена на западном фронте обороняться и одновременно будет связана на Востоке. „Наступление через Бельгию представляет для французов те же выгоды, что и для немцев" (Швертфергер).

Готхейн полагает, что наступление французов через Бельгию совместно с бельгийцами можно было бы ликвидировать в крайнем случае на Маасе. Каким образом можно было бы этого достигнуть, мне не ясно.

Без сомнения, наступать французам было бы очень трудно, как бы они это наступление ни вели. Средств противодействия у графа Шлиффена было достаточно, но все они требовали большого количества войск для того, чтобы с самого начала не пустить противника далеко вглубь страны. В этом случае не хватило бы сил для решительного наступления на восточном фронте.

Нельзя было руководиться только оперативными соображениями. Противник ни в коем случае не должен был быть допущен до Рейна, так как иначе крайне пострадала бы наша Рейнско Вестфальская промышленная область и мы потеряли бы Саарский угольный и Лотарингский рудный районы. К сожалению, наиболее важные для нас в хозяйственном отношении районы были расположены близко к границе; так, на восточной границе находился Верхне-Силезский угольный район, а также сельскохозяйственные области Познани и Восточной Пруссии. Защищать приходилось наиболее ценное, уберечь все было невозможно. Потеря же упомянутой на Западе области привела бы к невозможности продолжать войну.

Вести большое наступление против России было бы уже не так легко, как это представлялось Мольтке. Концентрическое наступление германских и австрийских войск на сосредоточенного в Варшавском районе противника могло быть произведено впустую. За эти годы его развертывание переместилось из Польши на линию Ковно—Гродно—Белосток—Брест-Литовск (см. выше). Мы уже не пользовались прежними преимуществами, противник подготовился.

При операции из Восточной Пруссии на Нарев и из Галиции на Брест-Литовск германцы и австрийцы могли быть охвачены как на внутренних, так и на внешних флангах. Эти

опасения высказывал Мольтке и начальник австрийского Генерального Штаба ген. Конрад еще до войны. Между внутренними флангами от Млавы до Завихоста (на Висле, юго-восточнее Люблина) получался свободный промежуток в 300 км. В случае продвижения австрийцев на Восток, с целью вынудить противника к отступлению в Полесье и помешать его отходу на Киев, как этого ожидал Мольтке, являлось опасение наступления русских от Ковеля, на что и указывал ген. Конрад. Наступлением на внешних флангах германцы должны были очистить себе путь к Неману и австрийцы—на Проскуров (восточнее Тарнополя). Наступление на укрепленный Нарев было трудно и зависело от погоды, с чем соглашался и Вальдерзее (см. выше).

Таким образом, наступление против России требовало значительных сил и отвлекало необходимые на западном фронте войска.

Правда, в 1915 г. мы наступали в России и все же удерживали свой западный фронт, но надо принять во внимание, что в то время война на западном фронте была позиционной. Мы стояли, глубоко вдавшись на территории противника, наши границы были в безопасности и тем не менее решительных результатов на Востоке, которые позволили бы перебросить все силы на Запад, мы не достигли.

Но больше всего против наступления на Востоке говорило то, что оно могло оказаться бесцельным, если бы русские решились на отход вглубь страны. Это обстоятельство вполне учитывалось ген. ф. Мольтке.

В конечном результате, несмотря на разные „но“, приходилось предпочесть наступление против наиболее опасного нашего противника—Франции. Во времена старшего Мольтке можно было еще думать, что русские будут наступать, а французы в начале будут ожидать нашего наступления за линией своих крепостей. Теперь же можно было с уверенностью сказать, что французы будут наступать. Развязка должна была наступить быстро. Старший Мольтке сомневался, смогут ли французы еще сопротивляться после своего поражения. Он напоминал о сильнейшем сопротивлении Французской республики после тягчайших поражений войск империи. В то время французская армия не была народной, армия императора была по преимуществу профессиональной. Только после разгрома республика ввела всеобщую воинскую повинность. Гамбетта был талантливым организатором. Людского материала для новых армий в распоряжении республики было достаточно. Во втором

периоде войны французы превосходили нас по численности. В 1914 г., напротив, приведением армии на военное положение Франция исчерпывала почти весь людской запас. Кое какие источники пополнений, конечно, можно было найти, и их находили в течение войны, точно также, как и у нас. Значительные же подкрепления могли дать только „черные войска“ и то не сразу, а постепенно (см. выше). Если бы Франция потерпела в 1914 году такое же решительное поражение, как в 1870—71 г., то она не могла бы уже создать новых армий, подобно тому, как она сделала это в то время.

Тем не менее нанести Франции решительное поражение было очень трудно, и в этом отношении Генеральный Штаб отдавал себе полный отчет. Но то же самое относилось и к России. Все должно было быть направлено к тому, чтобы на одном из двух фронтов добиться быстрой развязки. Для этого нужно было не останавливаться ни перед чем, взять силы отовсюду, где для этого представлялась возможность.

Приходилось волей-неволей прибегнуть к этому средству, так как другого выбора у нас не было.

Конечно, и оно могло не удаться: на войне ни в чем нельзя быть уверенным. Но кто хочет добиться успеха везде, не добивается его нигде. Если бы не удалось добиться быстрой развязки на одном из фронтов, то нам предстояло вести тяжелую затяжную войну и длительно истощать свои силы. Никто не мог бы предсказать, как развернутся события в дальнейшем. Война могла оказаться проигранной с самого начала, что, возможно, и случилось бы, если бы 8-я армия в августе 1914 г., как это предполагалось, отошла за Вислу в то время, как австрийцы потерпели поражение восточнее Львова, а битва на Марне кончилась в сентябре нашим отходом. Австрия, вероятно, капитулировала бы, а вскоре оказался бы под угрозой и Берлин. Все положение изменилось благодаря блестящей Танненбергской операции.

Для того, чтобы добиться быстрой развязки на западе, мы неизбежно должны были идти через Бельгию.

Проф. доктор Штейнгаузен полагает, что нам следовало выжидать и вступить в Бельгию лишь после того, кая ее нейтралитет будет нарушен французами или англичанами. Но если бы мы стали ждать, когда все зависело от быстроты действия, мы могли бы упустить момент, которого впоследствии уже нельзя было бы вернуть. Противник предупредил бы нас: французы, несомненно, заняли бы участок Живе-Намюр, бельгийцы—участок Намюр-Льеж и своевременно подошли бы англи-

чане. В этом случае уже не удалось бы взять Льеж с налета перейти Маас и развернуть по ту сторону его 1-ю армию. Только благодаря ошеломляющей быстроте мы были на Маасе раньше противника, не дали возможности осуществиться предполагавшемуся соединению французских, бельгийских и английских сил и в начале сентября стояли уже на Марне.

Упомянутые критики Готхейн и Штейнгаузен утверждают, что военные власти не считались ни с психологией народа, ни с общественным мнением, не учитывали политического и морального вреда нарушения нейтралитета, а последнего, пожалуй, совсем даже не предвидели. На самом же деле все это Генеральный Штаб принимал во внимание. В особенности генерал фон-Мольтке считался с осложнениями, связанными с проходом через Бельгию. Он не допускал возможности, чтобы нашим дипломатам удалось заключить соответствующее соглашение, несмотря на то, что мы и не помышляли завладеть каким-либо клочком бельгийской территории, и она нам нужна была только для прохода по ней. Нам приходилось считаться с тем, что Бельгия сочтет проход германцев по своей территории за повод к войне и станет на сторону наших противников, к которым тотчас же примкнет и Англия, чтобы помешать Германии укрепиться на противолежащем побережье. Поэтому в последние годы перед войной ген. фон-Мольтке серьезно взвешивал вопрос, не лучше ли будет купить английский нейтралитет ценою отказа от прохода через Бельгию. Пробовали создать оперативные варианты наступления на Францию, не нарушая бельгийского нейтралитета, но из этого ничего не вышло. Ген. фон-Мольтке пришел к выводу, что Англия все равно окажется в числе наших противников. Отказаться от единственной возможности быстрого наступления на Францию, доверяясь уклончивым заверениям Англии, он считал весьма опасным. Нам пришлось бы преодолевать трудности фронтального наступления на укрепленный французский восточный фронт, рискуя тем, что в один прекрасный момент Англия все-таки выступит против нас. Англия, считая Германию сильнее Франции и всегда стремясь к поддержанию европейского равновесия, не могла допустить поражения Франции. Поэтому мы должны были включить Англию в число наших противников и считаться с тем, что нам придется в Бельгии сражаться не только с бельгийскими, но и с английскими войсками.

На карту ставилось самое существование нашего государства, а потому все остальные соображения должны были отпасть. Лучшего операционного плана мы найти не могли. Вопросы

политические являлись по преимуществу областью имперского канцлера, а намерения Генерального Штаба ему были известны. Адмирал фон-Тирпиц с полным правом сетует в своих „Воспоминаниях“ на то, что о вводе войск в Бельгию ему не было сообщено, хотя в соответствии с этим должны были бы немедленно быть приняты соответствующие меры на море.

В книге Готхейна суровая критика операционного плана сводится к следующему: план Генерального Штаба был основан на неправильном предположении, что Бельгия не окажет сопротивления проходу германских войск через свою территорию, что Англия останется нейтральной и что победу над Францией удастся одержать раньше, чем русская мобилизация закончится и Россия будет в состоянии наступать. Все три предпосылки оказались ошибочными, говорит он; мы же в свою очередь скажем, что все три утверждения Готхейна неправильны. Мы уже заранее считали, что Бельгия окажется в противоположном нам лагере, что Англия окажется несомненно нашим противником, и давно знали, что такого превосходства над русской мобилизацией мы уже не имели. Можно было сомневаться в том, хватит ли предназначенных для восточного фронта сил. Со времени графа Шлиффена условия изменились. Увеличение этих сил ни в коем случае не должно было произойти за счет армий западного фронта, иначе в корне было бы подорвано решительное наступление на западе.

Помочь могло только своевременное увеличение армии, к чему Генеральный Штаб до войны и стремился. Хотя военные требования в рейхстаге должно было возбуждать военное министерство, тем не менее в виду их важности можно поставить вопрос, не должен ли был начальник Генерального Штаба настойчивее вмешаться в это дело. Если бы в нашем распоряжении было еще три армейских корпуса, которых требовал ген. Людендорф, то чаша весов на Марне склонилась бы в нашу пользу и на восточном фронте мы были бы достаточно сильны для обороны.

А так как этих корпусов у нас не было, и мы должны были обойтись тем, что имели, то на востоке операции пришлось вести меньшими силами, чем следовало. Все виды на оборону были благоприятны, принимая во внимание неизбежность разделения армии противника районом Мазурских озер, а также предполагавшуюся медленность русских операций. Угрозой русскому флангу являлась Кенигсбергская крепость. Битва при Танненберге была выиграна без подкреплений. Эта

операция была проведена вполне в духе графа Шлиффена. Надо думать, что в этом случае, несмотря на всю свою сдержанность, он не поскупился бы на похвалы. Если бы даже в крайнем случае пришлось очистить Восточную Пруссию, то это нужно было сделать возможно позднее. После этого противнику пришлось бы еще форсировать наш сильный рубеж—р. Вислу.

Фридрих Великий был поставлен весной 1757 г. перед подобной же проблемой. Против его армии наступали австрийская, русская и французская армии. Война шла не на жизнь, а на смерть. В его план входило разбить на голову австрийцев, собрав для этого все свои силы. В Восточной Пруссии им было оставлено 33.000 чел. под командой Левальда, но им не удалось защитить эту область от русского вторжения. Против Австрии он выставил 117.000 чел. вместо того, чтобы использовать против австрийцев все 150.000 чел.

Подобные приемы ведения войны граф Шлиффен осуждал. „Труднее всего разработка таких планов, при которых приходится вести оборону против более сильных и мощных противников... Находясь в подобном положении, надо уметь во-время терять. Кто хочет защитить все, не защитит ничего. Бывает необходимо пожертвовать какую-нибудь провинцию одному из противников, обрушиться в то же самое время всеми силами на другого, заставить его принять бой и жертвовать всем для его уничтожения, а затем уже расчитаться с другими".

Таким образом, к тому времени, когда летом 1914 г. пробил роковой час, все было всесторонне обдумано. Преимущества наших операций выяснились тотчас же во время больших боев в августе. Действия противника мы сумели вполне подчинить нашей воле, его контр-меры не достигали цели и запаздывали, как это и предсказывал граф Шлиффен. Инициатива была в наших руках. В конце августа противник отступал по всему фронту и уже намеревался отходить за Сену. Что же случилось бы, если бы мы выиграли битву на Марне, а мы должны были ее выиграть, если бы этому не помешали собственные ошибки. Результаты были бы еще более благоприятны для нас, если бы мы с самого начала в нашем операционном плане ближе придерживались основной идеи графа Шлиффена. Что стали бы тогда говорить у нас о „милитаризме".

События 1914 г. оправдали взгляды графа Шлиффена. Мы не будем подобно адмиралу фон-Тирпицу иронически говорить о „рецептах" покойного графа Шлиффена для одержания побед, которым армейское командование якобы „слепо доверяло". Мы в Генеральном Штабе таким „рецептам" не верили, но,

что касается его плана, то таковой был правилен. Наше отечество могло бы лишь пожелать, чтобы при его осуществлении нас вел дух „покойного Шлиффена“ подобно тому, как Сид Кампеадор после смерти продолжал своих воинов вести к победе.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

1. Задачи Генерального Штаба.

Задачи Большого Генерального Штаба в мирное время были иными, чем задачи офицеров Г. Ш. во время войны, когда на обязанности последних лежало осведомление во всякое время ответственного командующего об обстановке, являющейся основанием для принятия решений, воплощение этих решений в форму приказов и наблюдение за их выполнением. Офицерам Г. Ш. не приходилось принимать решений и отдавать приказов; в исключительных случаях они могли принимать временные меры. За свои решения нес ответственность только командующий. Это же касалось и верховного командования. Начальник генерального штаба действующей армии был таковым только по имени. Если не формально, то фактически он являлся верховным главнокомандующим.

Поэтому здесь не место исследовать решения, определения, ход и развязку войны и еще меньше оснований ставить вопрос: почему мы проиграли войну.

Кроме того, для многого еще не имеется надежных материалов, которые безусловно необходимы для суждения о военных операциях. Еще менее относятся сюда вопросы широкой политики и внутренние дела.

Коснемся вкратце только отношения военного командования к политике. Фельдмаршал граф Мольтке в качестве начальника Г. Ш. действующей армии стоял на той точке зрения, что хотя политика играет решающую роль по отношению к началу и концу войны, тем не менее во время хода самой войны стратегия в своих действиях совершенно не зависит от политики. Стратегия должна достигнуть максимума того, что позволяют имеющиеся в ее распоряжении средства. Политике же предоставляется, смотря по ходу дела, повышать свои требо-

вания, или же удовлетворяться меньшим успехом. Этот взгляд при современных условиях неправилен. Политические условия могут непосредственно влиять на операции и в течение хода войны; большую роль играют общее состояние страны и внутренняя политика. Войну нельзя рассматривать, как нечто самодовлеющее, она решительным образом захватывает в орбиту своего влияния всю хозяйственную и финансовую жизнь народа, требует от него колоссальных жертв и зависит от его стойкости. Вопросы решающего значения, возникшие во время мировой войны, как, например, вопрос о подводной войне, носили одновременно и политический, и военный характер.

Взгляды политического руководителя, с одной стороны, и военного — с другой, могут расходиться, но они вместе с тем должны приводиться в соответствие, как этого часто достигал король Вильгельм I в 1866 и 1870/71 г.г., после ожесточенных боев, с высшей целью, поскольку его не ограничат другие соображения. Командующий всегда ставит себе целью поражение противника. Даже в том случае, когда политика вмешается, она не должна касаться выбора военных средств для достижения цели.

Таков же взгляд Клаузевица: „Война есть только вид политических сношений, а потому она не является чем-либо самодовлеющим“. В другом месте он говорит: „Война есть не что иное, как продолжение политических сношений, только при помощи других средств“. Война не может считаться только со своими собственными законами, а должна рассматриваться как часть всей политики. Политическая точка зрения могла бы отпасть с возникновением военных действий только в том случае, если бы войны являлись борьбой не на жизнь, а на смерть, ввиду исключительной враждебности; на самом деле они представляют собой проявления самой политики. Раз политика вызывает войну, то подчинение политических взглядов военным было бы противно здравому смыслу. „Она мозг, война же только орудие, а не наоборот. Поэтому подчинить можно только военную точку зрения политической“.

Во время мировой войны политика и военное дело все время влияли друг на друга. Вполне согласовать их нам не удалось. Причины этого мы выяснять здесь не будем. Высшее военное командование не могло стоять в стороне от внешней и внутренней политики, вот почему оно нередко и вмешивалось в эту область. Течение как внутренней, так и внешней политики и разрешение экономических вопросов очень близко касались военного командования.

Мы, солдаты, не имевшие ничего общего с политикой, не знали иной задачи, кроме той, как напрячь все силы для выполнения нашего долга и выиграть кампанию.

Кто находился перед лицом врага, тому становились понятными слова Гёте:

„Ты должен либо повелевать и выигрывать,
Либо подчиняться и проигрывать,
Страдать или торжествовать,
Быть наковальней или молотом".

Требования мира могли, по нашему мнению, приносить только вред: на фронте и внутри страны они ослабляли волю к победе и принимались противником за признание слабости и не уменьшали, а наоборот, увеличивали его желание уничтожить нас, „этим способом нельзя было создать почву для мирного настроения во враждебных странах" (Готхейн). Нельзя было выказывать своей слабости. Я не могу судить о том, была ли возможность принять посредничество какой-либо нейтральной державы, но, принимая во внимание желание противника нас окончательно разгромить, сомневаюсь в этом.

В конце августа 1916 г. в главную квартиру группы кронпринца Рупрехта, находившуюся в Камбре, прибыли фельдмаршал фон-Гинденбург и ген. Людендорф, получившие в то время назначения Начальника Генерального Штаба действующей армии и Первого Генерал-Квартирмейстера. В это время были в разгаре бои на Сомме.

Я высказал ген. Людендорфу свою точку зрения о том, что хотя нашей задачей, как людей военных, было добиваться победы, но я сильно сомневаюсь, удастся ли нам продиктовать нашим противникам условия мира, и поэтому нам следует использовать всякий благоприятный повод, чтобы заключить мир. Ген. Людендорф вполне со мной согласился.

Такого случая, насколько мне известно, не представилось. Желание наших врагов уничтожить нас было непоколебимо. Если бы они заключили с нами мир, то только в качестве победителей. Но кто бы из нас мог капитулировать и сложил бы свое оружие прежде, чем не использовал его до конца для защиты родины?

2. Взаимоотношения между Генеральным Штабом, главным и армейским командованиями.

В августе и сентябре 1914 г. Генеральный Штаб испытывал большие затруднения вследствие плохой связи между главным и армейским командованиями. Телефонная связь была

неудовлетворительна, она не поспевала при быстрых передвижениях армии. Переговоры по радио могли вестись кратковременно и были недостаточны для подробного осведомления верховного командования о положении и для того, чтобы последнее могло дать главному армейскому командованию исчерпывающие указания. Кроме того, переговоры по радио требуют для запросов и ответов гораздо больше времени, чем обыкновенно принято думать.

В отношении связи заранее недостаточно позаботились.

В дни решающего значения в Люксембурге командование находилось слишком далеко. Армейских групп мы в то время еще не имели, между тем именно в то время они были особенно нужны. Временное подчинение 1-й армии 2-й ни к чему не привело. Взгляды командующих, как в этих случаях обыкновенно бывает, расходились. Армии, которой приходилось самой вести бои, трудно войти в положение другой армии, сражающейся по соседству с ней, и учесть беспристрастно всю обстановку в целом. Подобные подчинения всегда оказывались нецелесообразными и вели к трениям. То же самое случилось и в битве на Сомме в 1916 г., когда 1-я армия была подчинена 2-й.

Верховное командование, оставаясь в Люксембурге и не желая назначать главнокомандующего специально для западного фронта, должно было бы выдвинуть и обеспечить прочной связью с собой промежуточный пункт, куда направлялись бы донесения и куда передавались бы приказы. От этого пункта связь могла бы поддерживаться автомобилями.

Командирование вдоль всего фронта от одной армии к другой, быть может, очень дельного обер-лейтенанта Гентша с громадными полномочиями, но без письменных распоряжений, в наиболее тяжелый момент битвы на Марне оказалось совершенно нерациональным и от него фактически зависел исход сражения.

В мирное время, основываясь на современных средствах сообщения, мы считали, что достигнуть связи армий с главным командованием будет легко; быть может, нас вводили в заблуждение примеры больших полевых поездок Г. Ш. и больших стратегических игр, во время которых главнокомандующий мог каждый вечер своевременно отдавать приказы и директивы с любыми подробностями о самых отдаленных армиях.

Впрочем, в то время французы также не ввели у себя армейских групп. Но у них была лучше телефонная и телеграфная связь.

Впоследствии, в период позиционной войны, мы располагали безупречной связью.

О задачах и достижениях Генерального Штаба главного командования наилучшее представление дают „Воспоминания о войне“ ген. Людендорфа и труд ген. фон-Фалькенгайна „Главнокомандование 1914—1916“. Ему приходилось справляться с гигантской задачей и работать, напрягая все силы.

В этих трудах говорится о всем том, с чем приходилось соприкасаться начальнику Г. Ш. действующей армии, какое длительное напряжение сил приходилось ему выдерживать, какие душевные впечатления овладевали им, какие вопросы военного командования, внутренней и внешней политики, промышленности, вооружения, снабжения и т. п. приходилось ему решать. Доступ к ген. Фалькенгайну и ген. Людендорфу для начальников армейских групп и армейского военного командования был открыт во всякое время дня и ночи; часто случалось, что, окончив телефонный разговор с ними лишь в два часа ночи, они в семь часов утра вновь его возобновляли.

Офицеры из штаба, в особенности ген. Таппен, позднее обер-лейтенант Ветцель, майоры ф. Фальар-Бокельберг, барон ф. дем Буше, Франер и другие шли нам постоянно навстречу, принимали во внимание наши многочисленные пожелания и старались придти нам на помощь; они всегда умели найти исход, даже когда казалось, что исчезали всякие источники для оказания помощи. Они работали безукоризненно и крайне быстро, ответ у них не заставлял себя ждать, за что я и мои сотрудники были им благодарны.

С высшим командованием армейских групп и армии ген. Фалькенгайн и Людендорф поддерживали самую тесную связь. Они часто посещали их, осведомлялись подробно об обстановке, обсуждали предстоящие операции, лично отправлялись в важные районы и на наблюдательные пункты и кончали обсуждение только после того, как договаривались по всем вопросам.

Ген. Людендорф разговаривал ежедневно с начальниками штабов армейских групп и армии, осведомляясь об обстановке. Целесообразность таких постоянных сношений являлась сомнительной. Ген. Людендорф занимал пост первого генерал-квартирмейстера.

Главнокомандующим являлся собственно верховный вождь—император, а начальником генерального штаба фельдмаршал ф. Гинденбург, уполномоченный издавать оперативные приказы именем императора, который воздерживался от этого и

делал исключительно лишь в особо важных случаях. Исполнительная власть, если можно так выразиться, находилась в руках ген. Людендорфа. Персонального права издавать приказы он не имел; он обращался преимущественно к начальникам штабов, хотя и находился в постоянных сношениях с главнокомандующими и не упускал случая узнавать у них о положении дел. Этот порядок передавался и дальше. Командующие группами и армиями поступали таким же образом. Часто можно было слышать: „Вся война ведется, как этого хочет Генеральный Штаб". Это могло вредить авторитету главнокомандующих и других высших начальников и потому нужно было бы этого избегать. Каждый начальник данного генерального штаба должен был позаботиться создать такие отношения с соответствующим командованием, чтобы не умалять положение последнего, т. к. на нем лежала вся ответственность и он принимал решения. Тем не менее трения и недоразумения были нередки.

Не всеми разделялось мнение Гетевского Мефистофеля: „Предоставь работу Генеральному Штабу, и фельдмаршал не пропадет". Ген. ф.-Мозер („Воспоминания о войне" 1920) говорит о все усиливавшемся вреде вмешательства генерального штаба, имея в виду злоупотребления телефоном офицерами Г. Ш. для принятия тех или других мер за спиной командующих. Я же со своей стороны полагаю, что каждый начальник имел возможность не допускать параллельного закулисного управления находившегося при нем представителя генерального штаба. Тот же генерал отмечает, что за неудачные операции неоднократно давали отставку начальнику штаба армии или корпуса, а не командующему армией или корпусом; такой способ действий ф.-Мозер осуждает, т. к. этим открыто подчеркивалось, что за успех или неудачу ответственным является не только командующий, но в равной и даже большей мере представитель генерального штаба. В этом много правды, но по некоторым вопросам, являющимся его специальной областью, как, например, проектирование приказов, организация службы связи, снабжение войск, офицер Г. Ш. и должен был нести особую ответственность. Если оказывалось, что в этом отношении он не соответствовал своему назначению, он смещался. Всего командующий сделать не в состоянии. С другой стороны, известно, что отставлены были и многие из командующих, правда, быть может, не так много, как во Франции, где в августе 1914 г. было смещено 2 командующих армиями, 7 командиров корпусов, 20 начальников дивизий и 4 начальника кавалерийских дивизий, а всего 33 генерала(де-Томассон).

Командующими групп армий на Западном фронте были большей частью принцы крови. По этому поводу полк. Иммануэль в неоднократно уже цитированной мною книге говорит: „на Восточном фронте командование было поручено наиболее талантливым вождям, на Западном же соответствующие посты занимали три кронпринца, которых, конечно, нельзя было поставить на одну доску с первыми". С таким мнением я согласиться не могу и держусь на основании опыта того взгляда, что для замещения постов главнокомандующих члены королевских домов в общем являются особенно подходящими, если только они обладают достаточной военной подготовкой.

Большей частью это люди широкого размаха, привыкшие принимать решения и брать на себя ответственность.

В особенности его королевское высочество кронпринц Рупрехт Баварский был именно таким главнокомандующим, какого только можно было желать. В течение трех лет я находился в его подчинении, в качестве начальника штаба его группы. Ген. Людендорф в своих „Воспоминаниях о войне" отзывается о нем очень тепло, но полагает, что военным он был больше из чувства долга и что склонности к этой профессии он не имел. Возможно, что отчасти это и было так. Ген. Людендорф считает, что герцог Альберт Вюртембергский обладал более ярко выраженным „характером солдата", чем оба кронпринца. Я бы этого не сказал. Кронпринц Баварский великолепно понимал и разбирался в стратегической обстановке; он необыкновенно много работал, имел в своем рабочем кабинете самые точные военные карты, на которых отмечал все подробности, штудировал все сообщения, донесения, приказы, доклады и т. п. и был всегда обо всем прекрасно осведомлен; поэтому докладывать ему было легко; он быстро ориентировался и принимал решения. Его характер был очень ровным, он никогда не нервничал и даже при самых тяжелых положениях на фронте давал нам время собрать донесения и ориентироваться, никогда не торопил и не мешал работать. Он избегал по получении какого-нибудь донесения тут же отдавать соответствующие приказания, а выжидал, чтобы положение вполне выяснилось. Принимать решения он не боялся. В штабе он всех глубоко уважал. Отношение сотрудников в его штабе как между собой, так и по отношению к нему самому было самое лучшее. Я лично вспоминаю о нем с чувством искренней благодарности.

Часто я имел честь встречаться и с его высочеством германским кронпринцем; время от времени он вызывал меня

к телефону. Я всегда выносил впечатление, что по своим политическим взглядам кронпринц был очень умерен, вполне отдавал себе отчет в серьезности положения и относился отрицательно к чрезмерному напряжению сил и к преувеличенным военным целям. Он ни в коем случае не хотел войны ради войны.

3. Деятельность и жизнь в штабах.

В жизни офицера генерального штаба большую роль играл телефон. Он ставился у его кровати и телефонные звонки часто раздавались даже во время кратковременного отдыха. Работа, благодаря телефону, облегчалась, но вместе с тем наличие его способствовало излишнему вмешательству в детали боя, вредя самостоятельности командующих. На мой взгляд во время позиционной войны телефоном злоупотребляли. Всевозможные запросы во время боя о ходе операции, о деятельности отдельных дивизий, о действии артиллерии и т. д. мешали работе. Запросы высших штабов влекут за собой требования справок от подчиненных штабов, большой траты времени, когда и без того работы по горло.

Частые запросы и вмешательство имели, конечно, свое основание; они являлись следствием заботы об экономном и целесообразном использовании сил и средств. В позднейший период позиционной войны высшему командованию пришлось вообще значительно ограничить свободу действий частей, более зорко, чем раньше, следить за выполнением принятых решений. Способ постановки задач в том виде, как он практиковался в мирное время, мы применять не могли; причина этого заключалась, к сожалению, в ограниченности наших средств: нам приходилось считаться с наличием огнестрельных припасов, пополнений и т. д. Создалось такое положение, что части иногда запрашивали, могут ли они начать ту или иную даже небольшую операцию, так как необходимо было заранее точно выяснить, не превысит ли предполагаемая операция нормы имеющихся запасов. В виду того, что в течение войны в штабы дивизий часто приходилось назначать очень молодых офицеров Г. Ш., являлась необходимость наблюдать за их деятельностью.

Что требовалось от офицеров Г. Ш. на фронте, об этом говорит ген. Людендорф („Мои воспоминания о войне“). Он указывает на то, что вследствие прогресса техники офицеру Г. Ш. приходилось быть осведомленным артиллеристом, сапером, знать воздухоплавание, уметь разбираться в вопросах

воздушного боя, газовых атаках, дымовых завесах, в употреблении минометов, бомбометов, в вопросах, относящихся к транспортным средствам, и во многом другом. Принимая все это во внимание, инструктирование, касающееся действий войск в позиционной войне, становилось все труднее и играло все большую роль при современном значении техники на войне.

Этим, быть может, и объясняется то, что иногда приходилось выдвигать на первый план роль офицера Г. Ш. по сравнению с ролью командующего, в особенности, если последний был только что назначен на этот пост и не был в совершенстве знаком с техникой.

На обязанности Генерального Штаба лежало собирание исторических материалов и обработка опыта войны. Эти данные сообщались высшему командованию, которое принимало их в расчет при выработке инструкции по обучению наступательной и оборонительной тактике, по применению военно-технических средств и т. д. Издававшиеся начальником Генерального Штаба действующей армии наставления и руководства являлись образцовыми, последних выпускалось даже слишком много.

В армии стали, к сожалению, слишком много заниматься писанием. В войсковых частях справедливо жаловались на это. Высшее командование и все штабы всеми способами старались это явление устранить, но безуспешно. Постоянные изменения в организации и обучении войск, многочисленные вопросы техники, инструкции огнестрельных припасов и т. д. являлись причиной все возраставшей переписки.

Подготовка офицеров Г. Ш. в мирное время оказалась превосходной. Генеральный Штаб оправдал все возлагавшиеся на него надежды; прежние кадровые офицеры оказались на высоте положения. Интересы войск должны были приниматься офицером Г. Ш. близко к сердцу, в этом духе он воспитывался в мирное время. Во время войны, параллельно с увеличением армии, нам приходилось производить много новых молодых офицеров Генерального Штаба, что мы и делали, принимая все меры для наилучшего выбора и подготовки их. Подготовить их так же, как в мирное время, было невозможно, тем не менее они большею частью отвечали требованиям, жалобы на них поступали редко, а если и бывали исключения, то единичные.

Чем выше был штаб, тем больше приходилось заботиться о том, чтобы офицеры Г. Ш. в них были хорошо знакомы с фронтом. Я принимал в штаб только таких, которые до этого находились при дивизиях. Время от времени они менялись и откомандировывались на фронт или в штабы дивизий.

В высшем штабе работу можно было поручать только лучшим офицерам. От этого зависела судьба многих тысяч людей. Само собой разумеется, что такие должности могли замещать исключительно офицерами действительной службы, имевшими для этого достаточную подготовку. Эти офицеры отзывались с фронта и тем не менее большинство офицеров Г. Ш. действительной службы либо пало на полях сражения, либо было ранено. Возмутительным поэтому является утверждение, что офицеры действительной службы оказывались в тылу.

Готхейн в упомянутой уже статье говорит, что в штабах жили роскошно. „Армия делилась на две резко разнившиеся друг от друга категории, почти не имевшие между собой ничего общего: с одной стороны, на фронтовые части, солдат и офицеров, находившихся под огнем, которые, собственно говоря, и вели войну, с другой стороны,—на штабы и всех тех, кто на этапных пунктах и в тылу находился в безопасности и вел удобный и комфортабельный образ жизни. Вторая категория, состоявшая главным образом из кадровых офицеров, при этом из привилегированных слоев общества, командовала и руководила первой, находясь в штаб-квартирах, расположенных далеко позади фронта, и не знала его настоящих нужд. Невидимая, но непроницаемая стена разделяла фронт и штабы".

Это описание Готхейн взял будто бы из инспекторского доклада одного офицера, занимавшего довольно высокий пост, которого он однако не называет. По-моему, это не больше и не меньше, как гнусная каррикатура.

Вполне понятно, что штаб-квартиры при позиционной войне должны были находиться относительно далеко от фронта. Готхейн не указывает, как мы могли бы работать и поддерживать связь, находясь в непосредственной близости к фронту. „Безопасным убежищем" штаб-квартиру дивизии никоим образом назвать было нельзя, неприятельская артиллерия и аэропланы уносили много жертв.

Многие из стратегов тыла, вероятно, не назвали бы такое местопребывание безопасным. Когда начиналось сражение, высшие штабы при позиционной войне старались находиться возможно ближе к району боевых действий.

При маневренной войне и для высших штабов не было речи об удобных помещениях. Высшему командованию приходилось иногда располагаться в разрушенных домах или сараях, а армейскому командованию на соломе или на грузовиках.

Я знаю и испытал это на личном опыте, как на восточном, так и на западном фронте. Офицеров Г. Ш. погибло на

войне не мало. В почетном списке Германского Генерального Штаба, изданном последним его начальником фельдмаршалом фон-Гинденбургом 27/I 1920 г., мы находим 65 павших на полях сражения, из них 6 генералов, 35 штаб-офицеров, 22 полковника и 2 обер-лейтенанта.

Штаб постоянно заботился о тесной связи с фронтом, начальники штабов главнокомандующих периодически ездили на фронт и посещали не только штабы дивизий, но и войсковые части, расположенные на передовых позициях. Когда я занимал пост начальника штаба армии, офицеры штаба были распределены по участкам фронта, причем к этому привлекались не только офицеры Г. Ш., а также адъютанты, ординарцы и офицеры разведывательной службы. Каждому поручался определенный участок передовых позиций, который он должен был еженедельно посещать и о котором должен был быть во всякое время и во всех отношениях осведомленным. Ему каждый раз давалась анкета с вопросами относительно отдельных пунктов, оборудования позиции, состояния продовольствия, обмундирования и т. д., на которые ему нужно было обратить внимание. Насколько я знаю, то же самое практиковалось в штабах других армий и корпусов.

Применение такой же системы в штабе нашей группы, состоявшей из четырех армий и занимавшей фронт от побережья до Лаона, было невозможным. Лично я, правда, также совершал много поездок, но это имело и свои отрицательные стороны. Утром 20 ноября 1917 г., когда англичане произвели большую танковую атаку у Камбре, я находился во Фландрии. Обстановка у Камбре казалась подозрительной в предшествовавшие этому событию дни и командование второй армии ожидало активных действий неприятеля, но во всяком случае не так скоро и не в таком объеме, в каком это фактически произошло. В разговоре, который я имел 19-го вечером с командующим второй армии ген. фон-Марвицем, выяснилась необходимость подкреплений. Ночью я выехал из Монса во Фландрию, чтобы определить, чего недоставало 4-й армии. Кончилось ли там уже большое фландрское сражение, определенно сказать было нельзя. Мне сообщили туда по телефону об английской атаке. Задержки в принятии соответствующих мер, правда, не произошло; разница могла быть всего в минутах, так как, уезжая, я обеспечил телефонную связь с собой. И все же мне было бы приятнее, если бы в этот момент я находился у себя в главной квартире. Оставшийся в Монсе мой заместитель майор фон-Леeб был очень дальновиден, предусмотрителен и

опытен, можно было быть уверенным в том, что ничего не будет упущено. Англичане предприняли в первый раз большую танковую атаку, расчитанную на внезапность. Подготовка к ней держалась в большой тайне и была проведена с большим знанием дела.

Аналогичный случай был и с ген. Людендорфом 18 июля 1918 г. Он находился у нас в Турне, когда по телефону было передано первое сообщение о контр-наступлении г. Фоша из района Вилье—Котре против группы германского кронпринца. Необходимейшее распоряжение он мог отдать тут же из моей комнаты и затем отбыть в свою главную квартиру.

Когда в районе расположения подчиненной мне группы начинались довольно крупные бои, я посылал туда отдельных лиц, чтобы они могли на самом поле сражения непосредственно знакомиться с ходом боя, с размерами наступления и с состоянием наших частей. В особенности хорошо умел ориентироваться под действием неприятельской артиллерии относительно намерений противника старший из подчиненных мне офицеров Г. Ш., очень энергичный, способный и живой майор ф.-Прагер. На это он имел тонкое чутье. Его наблюдения всегда оправдывались и служили ценным дополнением поступавшим донесениям. Как только начинались бои, офицеров Г. Ш. тянуло вперед. Приходилось решать, кому оставаться. И прочие офицеры штаба, как-то саперы и артиллеристы, часто получали командировки. Саперы проводили довольно много дней подряд на передовых позициях, чтобы постепенно ознакомиться со всеми участками фронта. Моим советником во время войны по артиллерийским вопросам был долгое время обер-лейтенант Линденборн, неутомимо и добросовестно собиравший на наблюдательных и командных пунктах данные о деятельности артиллерии на фронте.

После крупных боев, окончившихся в неблагоприятном для нас смысле или представлявших какой-нибудь специальный интерес, я вызывал к себе в штаб из принимавших в них участие войсковых частей некоторое количество офицеров: лейтенантов, полковников, майоров как пехоты, так и артиллерии. Им предлагалось высказаться откровенно, что они после некоторого колебания и делали. Часто при этом между отдельными лицами разгорались споры, из которых мы делали поучительные выводы.

Офицер Г. Ш. как в мирное, так и в военное время был чернорабочим, но он в то же время сознавал, что войскам во многих отношениях приходится еще труднее.

Во время войны невозможно применять во всем общую мерку. Наша группа насчитывала круглым числом $1^1/_2$ миллиона человек, за судьбу которых в конечном счете ответственным являлось главнокомандование; поэтому можно себе представить, как велико было значение принимавшихся нами решений и могущих случиться ошибок и упущений. День и ночь приходилось находиться на посту и принимать иногда не терпящие отлагательства меры, будучи только что разбуженным от сна. Бертье, принимавший участие во всех Наполеоновских походах, кроме похода 1815 года, в качестве начальника штаба, мог, по свидетельству его адъютанта Лежена, проводить день верхом, а ночью за рабочим столом почти без сна 13 суток подряд. О Гнейзенау говорят, что он отдавал весьма отчетливые распоряжения, будучи только что разбужен.

Отпуском начальники пользовались редко. Что касается меня, то я в течение $4^1/_2$ лет, проведенных на фронте, ни разу не пользовался отпуском. Свою семью я посетил в Берлине только во время переезда с западного на восточный фронт и несколько раз при служебных поездках в Плес и то всего на один день или даже на несколько часов.

Ген. Людендорф в своих „Воспоминаниях“ тоже упоминает о том, что он имел всего 4—5 дней отпуска, но даже и в это время он не был освобожден от служебных дел.

В 1917 году к штабам группы кронпринца Рупрехта пришлось предъявить необычайно большие требования. После того, как в конце 1916 г. закончилась тяжелая битва на Сомме и затем в марте 1917 г. был выполнен отход на Зигфридскую позицию,—весь остаток 1917 г. заполнился Аррасским и Фландрским сражениями. Полк. ф.-Лосберг, назначенный летом 1916 г. начальником штаба 2-й армии, прибыл к ней в разгар битвы на Сомме в то время, когда положение этой армии было очень тяжелым. Кто принимал участие в битве на Сомме, тот может представить себе то напряжение, которого требовали длившиеся вплоть до зимы бои. Когда же в апреле 1917 г. в начале Аррасской битвы англичане одержали довольно крупный успех на участке нашей 6-й армии, полк. Лосберг был назначен командующим этой армией.

После того, как эта операция постепенно затихла, приготовления англичан начали указывать на то, что летом во Фландрии будет предпринято общее наступление с колоссальным применением артиллерии, с целью добиться развязки.

Мы сочли необходимым в самый важный район послать того же ф.-Лосберга, назначив его командующим 1-й армией,

на каковом посту он и оставался до зимы, руководя боями во Фландрии. Надо было обладать железными нервами и невероятной работоспособностью и энергией, чтобы выполнить выпавшую на его долю задачу. При этом надо принять во внимание, что такие продолжительные оборонительные бои в гораздо большей степени отражаются на первах, чем наступательные. Нужно удивляться, что считали нужным настаивать на том, чтобы офицеры Г. Ш. и главнокомандующие получали тот же стол, что и рядовые. Я касаюсь здесь этого вопроса, так как на нем играли в целях агитации против штабов, о чем я уже упоминал.

При отводе армии после перемирия главная квартира нашей группы была перенесена в декабре 1918 г. в Падерборн. Нам давались в штабе те же продукты, что и рядовым. Пищу мы готовили собственным попечением, не добавляя в нее никаких собственных продуктов, в специально нанятом для этого помещении. Помещение было убого и не соответствовало положению главнокомандующего армейской группой. В один прекрасный день явились представители солдатского совета депутатов и потребовали, чтобы мы сами себе больше обеда не готовили, а довольствовались бы из общего котла. На это требование не согласились. О предъявлении аналогичного требования упоминает в своих „Воспоминаниях“ и ген. Людендорф.

Стол Баварского кронпринца был очень прост. Недолгое совместное пребывание в столовой являлось единственным отдыхом и развлечением. В высших штабах отрасли работы распределялись между отдельными офицерами, соответственно разносторонним задачам, с которыми приходилось иметь дело Генеральному Штабу. Кроме стратегических и тактических вопросов, разрабатывались вопросы, связанные с укреплением позиции, воздухоплаванием, артиллерией, разведкой, снабжением, пополнениями, потерями, транспортом, техникой, обучением и многими другими. Все они требовали согласованности; ответственным за них являлся начальник штаба. На мой взгляд, работа шла быстро и аккуратно. Для иллюстрации техники работы Генерального Штаба можно привести несколько примеров.

4. Генеральный Штаб I-й армии в период операции в августе и сентябре 1914 года.

Во время стратегического развертывания I-я армия в период с 7-го по 15-е августа 1914 года сосредоточивалась на правом фланге западного фронта, на левом берегу Рейна, севернее Аахена.

Приведу выдержки об этой трудной операции из обзора, составленного в 1915 г. сотрудниками моего штаба.

По предписанию верховного командования движение войск вперед должно было начаться ранее окончания выгрузки парков и обозов корпусов 1-й линии и бойцов корпусов 2-й линии. Времени для полного сосредоточения каждого из корпусов не было. Армия должна была сначала сосредоточиться в районе Аахена и затем продолжать движение по трем имевшимся в распоряжении и пролегавшим рядом дорогам, при чем по каждой из них должны были следовать два корпуса, один в затылок другому. Затем вся армия должна была пройти по темным улицам г. Аахена, перейти на очень узком пространстве между Люттихом и голландской границей, на участке Визе—Герсталь—р. Маас и быстро развернуться на противоположном берегу на виду у неприятеля. Успех зависел от быстроты. Все войска могли приступить к дальнейшим действиям лишь после того, как первая и вторая армии были бы уже в полной боевой готовности на линии Люттиха. Для преодоления значительных трудностей, связанных с движением, снабжением и развертыванием, приходилось очень много и напряженно работать в Штеттине, где собралось высшее командование, а также во время длившегося несколько дней переезда оттуда по железной дороге в Гревенбройх.

Каждая военная дорога во время движения по ней двух армейских корпусов находилась в ведении назначавшегося для этой цели корпусного командира, который отдавал все распоряжения, касающиеся порядка движения, отвода помещений, довольствия и подвоза.

За каждой дивизией следовал весь ее обоз или только продовольственные повозки с двухдневным запасом, остальная же часть первого эшелона, парки и обозы следовали за второй дивизией корпуса. Вторые эшелоны обоих армейских корпусов двигались вместе на известном расстоянии за армейским корпусом второй линии. Чтобы облегчить движение резервных корпусов, им было разрешено устраивать разгрузочные пункты впереди. Продовольствие обеспечивалось тем, что поезда с продуктами доходили до границы района развертывания и затем продвигались юго-западнее Аахена, где устраивались раздаточные пункты. Армейским корпусам приходилось увеличить количество носимого и возимого с собой продовольствия.

Проход через Аахен был совершен в течение 4—5 дней. Здесь распоряжался генерал, на обязанности которого лежало

принимать все меры, необходимые для правильного и беспрепятственного движения и регулировать это движение.

В его распоряжении находился батальон пехоты и довольно большое количество конных офицеров.

Для перехода через Маас нужна была специальная подготовка: требовалось произвести разведку, отправить вперед понтоны и сапер и оборудовать переправы. Мосты у Визе и Аржанто были разрушены, мостом у Герсталя можно было воспользоваться только отчасти. Работы по обеспечению переправы должны были вестись корпусами совместно; они были поручены опытному, предусмотрительному и энергичному саперному генералу ф.-Телле.

Прежде чем двигаться вперед и переправляться через Маас, необходимо было овладеть Люттихом и в частности фортом Понтис, господствовавшим над переправами через Маас севернее Люттиха; 14 августа это было уже достигнуто. Проход через Аахен на крайне узком участке был выполнен быстро и без осложнений, после чего немедленно началось развертывание по ту сторону Мааса и продвижение на Брюссель.

Меры, принятые для обеспечения войск продовольствием, оказались удовлетворительными.

К сражавшимся войскам, паркам и обозам приходилось предъявлять чрезвычайно высокие требования; они их выполнили и успех соответствовал напряжению сил: бельгийская армия благодаря быстроте нашего наступления была застигнута врасплох, и прежде, чем французы и англичане имели возможность ее усилить, планомерно подготовленное, согласованное развертывание бельгийцев, французов и англичан было нарушено.

Крайне трудные технические задания пришлось разрешить Генеральному Штабу в первой половине сентября 1914 г. после битвы на Урке. Фронт I-й армии сначала был повернут на юг. Вследствие атаки ее фланга армией Монури, ее пришлось повернуть фронтом на запад с тем, чтобы она могла охватить противника с северо-востока. Затем, получив совершенно неожиданно 9-го сентября после полудня от высшего командования приказ об отступлении, она должна была начать отход в северном направлении на Суассон. Пришлось в ту же ночь без всяких предварительных мероприятий выйти из боя и затем немедленно переправиться через р. Эн.

Благодаря маневрированию и пятидневным боям армия пришла в расстройство, корпусов уже не было; по мере накопления там или здесь частей составлялись отряды, называв-

шиеся именами старших начальников. Какова была картина движения парков и обозов, легко себе представить. Регулировать его, предотвращать скрещивание и образование пробок на путях отступления и на переправах через Эн представляло труднейшую задачу. Берега р. Эн круты, лесисты и овражисты. Необходимо было быстро отправить на Эн сапер и понтоны, а сзади приходилось разрушениями путей замедлить преследование нас противником. Движением парков и обозов руководило армейское командование.

Энергичный и опытный полк. ф. Берендт получил специальную инструкцию из штаба командующего и руководил движением, давал в 6 час. утра устные указания собравшимся командирам парков и обозов арм. корпусов. В узких местах дорог, в населенных пунктах, у мостов находились энергичные офицеры, ответственные за поддержание порядка. Кроме того, нужно было обеспечить доставку продовольствия и огнестрельных припасов. Поддерживать порядок при отступлении армии, силы которой были уже истощены и которая пришла в расстройство, было необычайно трудно. Обсуждению подвергалось несколько проектов: решили, что и на арриергардных позициях южнее р. Эн должны остаться, главным образом, части, не входившие по боевому расписанию в состав этих сборных крупных соединений; другие войсковые части должны были переправиться через Эн и собраться к северу от нее в определенно указанных для каждой дивизии пунктах. После занятия ими новых позиций должны были переправляться через Эн и присоединяться к своим частям и арриергарды. Схемы с нанесенными на них районами сосредоточения для каждой дивизии первой и второй линии были розданы в большом количестве экземпляров и имелись на всех переправах. Отбившиеся части могли быстро по ним ориентироваться. 12-го сентября армия находилась уже в достаточном порядке севернее Эн, готовая к отражению неприятеля.

5. Подготовка Генеральным Штабом отхода на Зигфридскую позицию в 1917 году.

В противоположность отходу за р. Эн в 1914 году, произведенному экспромтом, отступление группы кронпринца Рупрехта на Зигфридскую позицию в районе Аррас—С. Кантен—форт Конде (на р. Эн) представляло долго и тщательно подготовлявшуюся и затем ошеломляюще быстро выполненную операцию. По поводу ее по моей инициативе в 1917 г. была

издана памятная записка, из которой я беру нижеследующую выдержку:

„Сначала нужно было выбрать позицию и оборудовать ее, затем принять все подготовительные меры для отхода и, наконец, выполнить самый отход. Рекогносцировка позиции началась в середине сентября 1916 года. Работы по подготовке отступления (тактические мероприятия, приказания, касающиеся очищения прежних позиций, разрушения, затопления и эвакуации жителей) начались в начале октября 1916 года. После того, как 4 февраля 1917 г. было решено отойти, началось осуществление подготовительных работ на основании составленного на каждый день расписания; в течение пяти недель (с 9-го февраля по 15 марта 1917 г.) работы были закончены. 16-го марта начался отход по всему фронту от Арраса через Перонне—Руа—Суассон. Несколько дней спустя мы уже занимали новую Зигфридскую позицию".

Для создания позиции заранее были отданы подробные распоряжения, указывающие ее направление, тактическое и техническое состояние, разделение работ и средств между заинтересованными армиями, распределение сил по ее участкам и т. д. Были образованы особые штабы, ведающие строительством; приходилось регулировать подвоз материалов, а также установить административные и санитарные правила для набранных отовсюду рабочих. Позиция на всем своем протяжении была измерена. Для производства строительных работ была выработана общая схема, указана конструкция наблюдательных пунктов и т. д., а также даны указания по применению бетона и по устройству связи. Были привлечены геологи для определения уровня грунтовых вод, возможности минирования и устройства колодцев. В тылу позиции необходимо было оборудовать железнодорожную сеть для снабжения и перевозки войсковых частей, занимавших позицию. Все учреждения по снабжению, как то: склады огнестрельных припасов, строительных материалов, продовольственные пункты, мастерские, лазареты, нужно было создать позади фронта позиции заново.

Очищенная территория должна была быть разрушена только настолько, насколько этого безусловно требовали военные соображения. Противник должен был быть поставлен в неблагоприятные условия в смысле движения, преследования, размещения войск и нахождения укрытий. Разрушения поэтому ограничивались главным образом расстоянием в 12—15 км. впереди новых позиций; жители должны были эвакуироваться в тыловой район, либо оставляться у противника. Эвакуация жителей представляла

самую трудную из задач очищения территории (установление количества, приемоспособности этапных пунктов, транспорт, обеспечение продовольствием и расквартирование).

Антанта упрекала немецкое военное командование в том, что оно опустошило занимаемые области и высылало на чужбину население, не считаясь ни с международным правом, ни с человечностью. На самом же деле можно твердо установить, что разрушалось исключительно то, что было совершенно необходимо разрушить по военным соображениям, и что к жителям мы относились весьма предупредительно и человечно. Французы, повидимому, забыли, что в 1674 году войска виконта де-Тюренн планомерно разрушали по стратегическим соображениям большие пространства в Курпфальце, а в 1689 г. они же разрушили Гейдельберг, Мангейм, Вормс, Шпейер, Оппенгейм, Бинген, Зинцгейм, Брухзаль и Вислок. В 1813 году Наполеон писал принцу Евгению: „Если какой-нибудь прусский город или прусская деревня окажет хотя бы малейшую склонность к сопротивлению, то сжигайте их. Та же участь постигнет и Берлин, если там будет проявлена нелояльность". Во время англо-бурской войны лорд Робертс приказал разрушить все местечки в районе 10 миль по обе стороны железной дороги, в случае, если бы буры перервали ее где-либо. Результатом этого явилось то, что было сожжено около 30.000 крестьянских хозяйств, женщины же и дети были отправлены в отвратительные концентрационные лагери.

Высшее командование группы должно было отдать общее распоряжение относительно начала отхода, установить порядок его выполнения, указать каждому корпусу маршруты, сроки, регулировать движение арьергардов по дням. Отход должен был начаться одновременно и внезапно по всему фронту.

Особенно трудно было преодолеть все трудности в течение указанных пяти недель, считая таковые с момента принятия решения до фактического начала отхода. День за днем приходилось очищать все больше и больше тыловые пути от самых разнообразных материалов и средств.

В то же время в течение этих пяти недель приходилось удерживать прежнюю передовую позицию. Сократить пятинедельный срок, на который была расчитана подготовка новой позиции, можно было бы только в самом крайнем случае.

Нужно было, конечно, обдумать и подготовить план действий на тот случай, если бы неприятельское наступление началось раньше; приходилось взвесить—не явится ли более выгодным отойти на промежуточные позиции сразу или по

частям; этот вопрос можно было решить только тогда, когда такой момент наступил бы, но он являлся, во всяком случае, очень нежелательным. Особенно большие затруднения представляла доставка огнестрельных припасов и продовольствия находившимся на прежних позициях войскам в период, непосредственно предшествовавший отходу.

Основания для отхода на Зигфридскую позицию заключались в нашем убеждении, что войска в течение зимы истощат свои силы на растянутых позициях и что в конце-концов эти позиции все же не будут как следует укреплены и оборудованы. Важнее было после тяжелого летнего сражения дать войскам отдых и усовершенствовать их обучение, чтобы во время ожидавшихся к весне крупных боев выступить с вполне боеспособными войсками. Отходом на новую позицию мы сокращали фронт и сберегали таким образом от 13 до 15 дивизий и много артиллерии, в соответствии с чем нужно было регулировать извлечение и дальнейшее использование большого количества освобождающихся войсковых частей.

Скрыть подготовку было очень трудно. Мы все же стремились разными средствами ввести противника в заблуждение и в особенности к тому, чтобы секретным оставалось, по крайней мере, точное время начала отхода. Нам благоприятствовала дождливая, пасмурная погода. Фактически осведомленность противника была, повидимому, меньше, чем мы предполагали.

Отход на Зигфридскую позицию совершился планомерно и без трений, благодаря тщательной к нему подготовке.

Из некоторых пунктов нам пришлось отойти на промежуточные позиции несколько раньше предположенных сроков, вследствие полученных нами своевременно сведений о подготовке противника к наступлению. Отход пехоты и точно рассчитанная перемена позиций артиллерии протекали беспрепятственно.

Эвакуация жителей происходила главным образом по железной дороге; они отправлялись либо в этапную зону, либо на территорию Бельгии. Эту необходимую меру старались обставить насколько возможно гуманнее. Разобщение семей избегалось. Жители одного и того же местечка, по возможности, направлялись в один и тот же пункт; сельское население в большинстве случаев—в деревни, городское—в города.

К станциям людей подвозили на повозках и этим же способом отвозили с конечных станций к местам расквартирования. Для них были заготовлены горячие напитки и продовольствие. Эвакуация больных производилась германскими санитарными

поездами, при которых находился соответствующий персонал для ухода за больными. Без всякого побуждения с своей стороны германское командование получило от жителей многих округов, в частности от городского управления С.-Кантена, выражение благодарности за гуманный образ действий при осуществлении мер, вызванных военной необходимостью.

Офицеры генерального штаба всех участвовавших в этой операции штабов могли остаться вполне довольны подготовкой и выполнением этой крупной оперативной переброски.

6. Деятельность Генерального Штаба при отводе войск в 1918 г.

В своих „Воспоминаниях о войне“ ген. Людендорф отзывается с похвалой о начатом 24-го октября 1917 года наступлении на итальянцев у Тольмейна. Развертывание 14-й армии представляло большие трудности, в ее распоряжении были только две, местами очень узких, горных дороги. „И в этом случае офицеры Генерального штаба должны были тщательно и глубоко все продумать, чтобы продвижения шли без шероховатостей и были закончены точно к сроку“: Я лично о данной операции сказать ничего не могу.

Самая трудная задача выпала, по моему мнению, на долю Генерального Штаба после того, как в 1918 г. вслед за перемирием было назначено отступление. Оно протекло благополучно только благодаря самозабвенной деятельности офицеров Генерального Штаба и решительным мерам, принятым войсковыми начальниками. Приведу некоторые подробности отхода армий группы кронпринца Рупрехта, в котором я лично принимал участие.

До того момента, когда стали известны условия перемирия, наша группа вела в течение месяцев оборонительный бой против значительно превосходых сил противника. Такие бои обусловили как раз в районе нашей группы большую скученность войск на сравнительно небольшом пространстве. Начать отход с таким громадным количеством войск и регулярно продовольствовать их во время этой операции стоило бы даже при нормальных условиях громадного труда. Наша группа двигалась на линию „Антверпен-Маасская позиция“; здесь она должна была стать на общем фронте: Антверпен—район зап. Брюсселя—Шарлеруа. 4-я армия, находившаяся на правом фланге, примыкала вплотную своим тылом к голландской границе, стоявшая с ней рядом 6-я армия—на половину.

Задача являлась почти что невыполнимой с чисто технической стороны, как вследствие тех сроков, которые Антанта

предоставила для вывода войск, так и благодаря тому, что вся масса войск должна двигаться по неимеющему хороших дорог, узкому (всего 30 км. ширины) дефиле между голландской границей южнее Маастрихта и линией Гюп-Мальмеди. В течение 14 дней вся масса войск должна была покрыть расстояние в 165 км., считая по воздушной линии. Для 70 дивизий и бесчисленного количества формирований (артиллерийских, саперных, бомбометных, понтонных, рекрутских депо и т. д.), численность которых в общей сложности (людьми и лошадьми) была не меньше численности самих дивизий, было предоставлено только 6 горных дорог, проходящих по дефиле в районе Люттих—Вервье. По этим дорогам должны были пройти $1^1/_4$ миллион людей и почти $^1/_2$ миллиона лошадей нашей группы.

Район западнее германской границы должен был быть очищен в течение 14 дней, район до восточного берега Рейна в следующие 17 дней. Дополнительно были еще внесены осложнявшие нашу задачу изменения. Сначала нужно было наметить путь следования для каждой из армий группы вплоть до противоположного берега Рейна и поделить между ними переправы через Маас и Рейн. Южнее голландской границы в расположении каждой армии имелось только по две дороги, да и то в некоторых местах не первоклассных. Несмотря на колоссальные неудобства движения походных колонн по ненадежным дорогам в трудно проходимой местности юго-восточнее Люттиха, другого исхода не было и армиям пришлось по ним итти. Повторные мотивированные протесты не могли быть приняты во внимание. Далее, чтобы выполнить требования Антанты, во что бы то ни стало, нужно было очистить определенные районы в точно определенные сроки.

Все решения нужно было принимать весьма срочно и немедленно уже воплощать их в приказы.

Благодаря целесообразным распоряжениям, касающимся организации походного движения, начало его протекло в полном порядке. Армии организовали группы под начальством корпусных штабов, а отдельные формирования были подчинены штабам дивизий. Прежде всего нужно было дать возможность отдельным походным колоннам взять дистанции в глубину таким образом, чтобы после прохода дефиле у Люттиха они могли влиться в состав больших колонн для движения в дальнейшем по двум дорогам для каждой армии. Стремление на родину способствовало тому, что части способны были делать поразительно большие переходы, в среднем по 30 км. в сутки. Наши армии сносились со следовавшими за ними войсками Антанты

по беспроволочному телеграфу. Изменения в сроках очищения местностей вносили затруднения и суету в порядок движения; урегулирование достигалось, с одной стороны, ускорением отхода, с другой—передачей некоторых дивизий из одной армии в другую. С потерями в конском составе и перевозочных средствах приходилось мириться.

Весь вопрос сводился к тому, удастся ли поддержать порядок и дисциплину. Войска после долгих и тяжелых летних и осенних боев к моменту перемирия были утомлены как физически, так и нравственно, но тем не менее держались стойко и не отказывали в повиновении начальству, несмотря на то, что, как теперь выяснилось, они долго и систематически подготовлялись к революции подпольной работой в Германии. Об этом рассказал в своей речи на собрании рабочих и солдатских депутатов в Магдебурге в 1918 г. член независимой социал-демократической парти Фатер. Эта речь очень показательна, он заявил: „Наша революция для нас не была неожиданной, мы систематически подготовляли переворот с 25 января текущего года... Уходящим на фронт мы советовали становиться дезертирами. Последних мы сорганизовывали, снабжали подложными паспортами, деньгами и анонимными летучками. Таких людей мы посылали по всевозможным направлениям, главным же образом опять на фронт, чтобы они агитировали среди солдат и разлагали фронт; им удавалось склонять солдат на переход к неприятелю. Таким образом, разложение шло медленным, но верным шагом“.

Сильнее всего революционное движение захватило флот. Подгото ка к революции в нем шла уже давно. 30-го августа 1919 г. бывший моряк Гаазе на собрании союза моряков радикалов в Гестемюнде заявил: „Мы систематически вели нашу работу по подготовке революции во флоте с начала 1915 года. Чтобы приготовить подходящую почву для ноябрьских событий, мы собирали из жалованья по 50 пф. каждые 10 дней, завязали сношения с членами рейхстага, писали, печатали и распространяли революционные летучки“.

От нас не ускользало, что в течение уже довольно долгого времени в войсках велась агитация, а также замечались и подкопы под дисциплину.

Число перебежчиков и дезертиров увеличивалось. Этим способом забывшие свой долг хотели положить конец войне. Артиллеристов, отражавших наступавшего врага, называли „штрейкбрехерами“, „затягивателями войны“ и т. п.

В тылу фронта на больших железнодорожных станциях и в населенных пунктах скапливались тысячи уклонившихся. Нам стало ясно, что источник разложения находится в тылу.

Таково было состояние войск, когда до них дошла весть о вспыхнувшей на родине революции. Первые сведения о беспорядках были получены нашей частью из Беверло 9 ноября. Там бунтовали пополнения моряков, которые образовали советы солдатских депутатов. Командовать войсковыми частями может только одно лицо и таковым является начальник. Выборных от частей можно привлекать только для совещания по вопросам продовольствия, размещения, снабжения и рассмотрения жалоб.

Если же они начинают вмешиваться в отдачу распоряжений, как это сплошь и рядом случалось, дисциплина пропадает. Организация армии властно требует проведения принципа единоначалия. Высшее командование группы тотчас же вызвало начальника 4-й армии и предложило ему пойти на Беверло и водворить там порядок, предоставив для этого в его распоряжение три дивизии. Но тут вмешалось верховное командование. От него пришло приказание притти к соглашению с советами мирным путем.

То, что долго подготовлялось, вышло теперь наружу. Желание немедленного возвращения на родину, которое нельзя было ничем сдержать, охватило войска. Революционные идеи настолько вскружили головы, что не исключалась возможность полного уничтожения дисциплины и повального бегства. По мере приближения к дому, это настроение все увеличивалось. Расположенные в глубоком тылу авиационные, автомобильные и телефонные части начали без удержу разбегаться, а они-то именно и должны были поддерживать связь. В тылу к ним присоединялись тысячи отбившихся от своих частей.

После революции послушание им казалось пережитком. „Свободный гражданин“ проходил мимо начальства, не отдавая ему чести, заложив руки в карманы. Оружие и пулеметы солдаты продавали бельгийскому гражданскому населению; в занятых местностях они открывали тюрьмы, разбивали лавки, грабили поезда с продовольствием и дрались из-за них с жителями, задерживали товарные поезда и заставляли железнодорожный персонал силой оружия отправлять себя на родину. Освобожденные из тюрем революционными войсками солдаты пытались совершить нападение на штаб нашей группы в Брюсселе. Наиболее важные коммуникационные линии находились под угрозой, их приходилось охранять специальными командами от собственных же войск.

К этому присоединился еще захват власти радикальными советами рабочих и солдатских депутатов на фронте и в самой Германии, являвшийся угрозой благополучному отводу войск. Эти советы организовали увольнительные бюро, которые совершенно произвольно выдавали увольнительные билеты, распоряжались продовольственными запасами, задерживали поезда и самовольно распоряжались ими, раздавали документы на проезд домой, забирали встречавшиеся на пути наши автомобили, занимали телефоны и мешали передаче приказаний, захватывали магазины и хозяйничали в них по собственному усмотрению. Лично у меня солдатский совет забрал автомобиль во время поездки в штаб одной из подчиненных нашей группе армий. В то время, как я вел важный разговор, автомобиль исчез, не смотря на протесты шоффера. Спустя несколько часов, после долгих переговоров мне удалось получить его обратно, причем некоторые из находившихся в нем предметов пропали. Полдня было потеряно в то время, как каждая минута была для меня дорога. Но солдатскому совету мои дела, повидимому, были лучше известны и мою поездку он считал лишней. То же самое произошло с одним из командующих армией, которого я встретил несколько дней спустя,—его также задержали в дороге и ему удалось добиться, чтобы от него не отобрали автомобиля, лишь после долгих переговоров. В Спа солдатский совет выставил караул перед нашим штабом, который не хотел пропустить меня в здание без разрешения от совета.

К чести армии надо сказать, что во всех этих прискорбных фактах главным образом повинны были тыловые части, а не фронтовики. Зачинщиками были герои тыла, дезертиры, лодыри и матросы. Повиноваться они не хотели, командовать же не могли. „Кто ни к чему не пригоден?—Тот, кто не умеет ни приказывать, ни повиноваться“ (Гёте). В тот момент, когда главнокомандование начало получать сведения об этих событиях, мы находились перед возможностью грандиозной катастрофы.

Если бы не удалось сохранить порядок движения этих масс по указанным дорогам, число которых было очень ограниченно, то являлась опасность того, что они начнут разбегаться и грабить все по пути под давлением наступавшего по пятам противника. В нашем штабе многие приходили в отчаяние.

Несмотря ни на что, порядок при отходе удержать удалось. Помогли этому твердое, умелое и бескорыстное поведение офицеров и здоровые взгляды, которые большинством солдат не были утеряны и основывались на добрых отношениях между

офицерами, унтер-офицерами и нижними чинами, и которые сохранялись еще во фронтовых частях.

Особенно трудно было во время отхода правильно снабжать продовольствием части. Кроме упоминавшихся уже захватов и грабежей продовольственных магазинов и поездов солдатскими советами и отставшими, трудность заключалась в том, что вследствие неожиданности отхода, для тщательной подготовки и организации его не оставалось времени. На железнодорожных путях образовались пробки, персонал хлебопекарен разбегался, колонны грузовых автомобилей либо самовольно разъезжались, либо не имели бензина, либо захватывались солдатскими советами.

Кроме того, продовольствие должно было подвозиться, и несмотря на быстроту отхода, доставляться армиям своевременно в узкую полосу, в которой они скучились. Для развертывавшихся раздаточных пунктов не хватало персонала. Прежняя продовольственная база на Рейне должна была быть во время отхода перенесена дальше в тыл. И все же дело продовольствования было поставлено удовлетворительно, благодаря правильной налаженности этого аппарата в армиях и энергичной помощи железнодорожников, которым кроме того приходилось обслуживать отправку раненых и больных. В тылу нам оказывали деятельную помощь гражданские власти, провиантские склады и представители корпусного командования.

Отступающие войска должны были сдавать потребованный противником военный материал, что представляло второе большое затруднение. Одна только наша группа должна была сдать 1550 орудий, 7000 пулеметов, 950 минометов, 502 летательных аппарата и 1500 автомобилей-грузовиков. Для организации сдачи совершенно не хватало времени. Команды, назначавшиеся для сдачи этого материала, не хотели оставаться при соответствующих складах из боязни враждебных действий со стороны населения. На некоторых, подлежащих сдаче летательных аппаратах и грузовиках улетали и уезжали не спрашиваясь, последние же кроме того забирались и солдатскими советами

Передача приказаний была страшно затруднена вследствие самовольных уходов частей, расформирования многих органов службы связи и порчи проводов жителями и мародерами. Большинство мотоциклистов уехало на родину. Очень много легких автомобилей высших штабов было либо забрано солдатскими советами, либо продано гражданскому населению. Так, например, в Спа из автомобильного парка главной квартиры было продано

23 легких и грузовых автомобиля за 10 тыс. марок, действительная стоимость которых равнялась 200.000 марок.

Главные трудности дальнейшего отхода были преодолены лишь после того, как за нами остался гористый район Люттих—Вервье с неудобными дорогами, р. Маас и верхний Рейн. Скученные до тех пор на тесном пространстве громадные походные колонны могли теперь начать расходиться по радиусам по равнинным хорошим дорогам в восточном, северо-восточном и северном направлениях.

Довольно значительные затруднения представлял еще только переход через Рейн. Мостов, по которым приходилось войскам его переходить, было очень немного. В распоряжении 6-й и 17-й армий, насчитывавших вместе около 45 дивизий, имелись только Кельнские мосты, из них 17-я армия должна была пользоваться исключительно висячим мостом.

Все мосты находились у больших городов, через которые нужно было проходить. Местное сообщение в пределах города должно было совершаться по другим улицам и совершенно приостанавливаться. Города, в которых власть в это время была захвачена более или менее радикально настроенными революционными рабочими или солдатскими советами, представляли не малую опасность для дисциплины и удержания армии в руках. Поэтому при переходе Рейна нужно было принять целый ряд разнообразных мер. Для этого были высланы вперед от группы армий одно армейское командование и от каждой армии по одному корпусному командованию. Пути следования к мостам разведывались, точно устанавливались и отмечались указателями, войскам раздавались схемы с указанием дорог и мостов. Отдельные отряды высылались для несения полицейской службы на путях следования. В Кельне, кроме того, нужно было принять специальные меры, так как через него должна была проходить главная масса войск и где, кроме того, сконцентрировалось много подозрительного элемента.

Был издан общий приказ о запрещении расквартировываться в городе. Дивизии должны были достигать окраин Кельна до наступления сумерек, проходить город только днем, после чего размещаться восточнее города.

Около каждого из мостов на Рейне армиями были организованы справочные бюро, руководимые офицерами Генерального Штаба.

Эти бюро рассортировывали отставших, указывали им маршруты или отпускали по домам. Для продовольствования частей имелись склады и раздаточные пункты.

Благодаря таким основательным и быстро осуществленным мерам, переход через Рейн всех армий группы совершился нормально.

В дальнейшем уже не оставалось особенных трудностей.

Войска западного фронта за единичными исключениями остались в повиновении начальству. Красные флаги исчезли и были заменены национальными. Захват власти солдатскими советами стало возможно предотвращать. Солдатский совет в Дюссельдорфе отдал распоряжение разоружать всех прибывавших военных и целые части; этому распоряжению подчинились отдельные передовые отряды, ландштурменные батальоны и т. п. Таким требованиям положили конец подошедшие 2 полевые дивизии.

Район, предназначенный для нашей группы армий, восточнее Рейна, для размещения войск перед их дальнейшей отправкой в пункты, где должна была происходить демобилизация, заранее был разделен на три армейских округа. Угольные районы не должны были быть занимаемы. Отдельные формирования старались группировать согласно дислокации мирного времени. Эта обширная и сложная работа по вытаскиванию отдельных частей из разных колонн и по сосредоточению их однородными группами в определенные районы, требовала для каждой дивизии и каждой отдельной части заблаговременного указания района сосредоточения и точного времени для производства походного движения.

Все это требовало от штабов и от органов службы связи большой работы, результаты которой оказались плодотворны: отход и транспортирование в пункты демобилизации были значительно облегчены.

С самого начала отхода некоторые дивизии и отдельные части дошли до самых пунктов, где должны были демобилизоваться, походным порядком. Стремясь скорее попасть на родину, многие части предпочитали итти пешком, чем ждать неделями отправки по железной дороге, и удерживать их не было возможности. Этим достигалась известная разгрузка железных дорог. В среднем, в распоряжении нашей группы армий имелось в день 32 поезда, каковая цифра являлась ничтожной, принимая во внимание колоссальное количество подлежавших перевозке людей. Возрасты, которые подлежали роспуску, отправлялись первыми эшелонами, предназначенными для соответствующих частей, непосредственно в родные округа. Лишний обоз оставлялся в покидаемом районе. Чтобы успокоить горящих нетерпением людей, погрузку начинало одновременно

большое количество дивизий, хотя при этом в распоряжение каждой из них можно было дать очень немного составов.

В начале января 1919 года главная масса войск нашей группы была переправлена и высшее командование ее (штаб) было расформировано. Из вышесказанного вытекает, что последняя работа, бывшая для Генерального Штаба одной из самых трудных, удалась вполне. Офицеры Генерального Штаба могли отправиться по домам. Некоторые, кому везло, избегнули при этом срывания погон, военных орденов и отобрания оружия, остальные же должны были претерпеть еще и это. Зато мы возвратились в „лучшую, свободную Германию“, в которой имелся „и хлеб, и работа, и мир“. По крайней мере так нам говорилось, когда мы в нее вступали. Ничто не может опровергнуть того факта что революционизирование армии шло уже давно и портило ее и что сама революция вонзила нож в спину армии в самый тяжелый момент всей войны и что только офицерство спасло ее от катастрофы.

7. Генеральный Штаб и войска.

По адресу Генерального Штаба во время войны и после нее часто раздавались упреки за то, чте ему не было известно состояние войск. Готхейн в своей книге (см. выше), основываясь на „докладе инспекции“ (кем этот доклад был составлен, он, к сожалению, не указывает), утверждает, что рапорта, доклады и пожелания войск часто не доходили до высшего начальства, т. к. многие стеснялись говорить правду. Часто доносили, что „дивизия боеспособна“, исходя исключительно из личных соображений, иначе уже в 1916 г. можно было бы предвидеть неизбежность отступления. Полковник Иммануель высказывает взгляд, что те начальники, у которых хватало мужества сообщать о действительном положении, немедленно устранялись от должности; поэтому не обладавшие сильным характером свои донесения составляли уклончиво и прикрашенно. „В результате действительное положение дел на фронте от высшего командования оставалось скрытым“.

Вышесказанное является тяжелым упреком по отношению к высшему командованию, ко всем старшим начальствующим лицам, а также и против всего Генерального Штаба в целом, так как обязанностью каждого офицера Генерального Штаба, где бы он ни находился, будь то при дивизии или при главнокомандовании, было составить себе правильное представление о состоянии войсковых частей.

В течение войны подобные упреки нам приходилось слышать нередко. Возникновение их понятно. В войсках не понимали, почему той или иной дивизии, уставшей после долгого пребывания на передовых позициях, не давался своевременно отдых, в то время, как другая отводилась в тыл. Предполагалось, что командование принимает неправильные меры и что оно не в курсе фактического состояния войск. Если вместо отдыха отведенной в тыл части предписывалось усердно заниматься упражнениями—это считалось несправедливой жестокостью. „Человека, жаждавшего отдыха после невероятных тягот, перенесенных в сражениях, заставляли снова подвергаться муштровке и строевой дисциплине". (Готхейн). На самом деле состояние войск было прекрасно известно и высшим штабам. Скажу о том, как обстояло в этом отношении дело в штабе, где находился я. О постоянных командировках в войсковые части офицеров Генерального Штаба, артиллеристов, сапер, и т. д., причем не только в штабы дивизий, а и в полки, батальоны, батареи—было уже упомянуто. Офицеры очень любили получать такие командировки. При этом они часто посещали своих знакомых той части, где они раньше служили, проводили в дороге несколько дней, после чего имели возможность подробно и непосредственно ознакомить нас о невзгодах и нуждах войсковых частей. Письменные доклады служили только иллюстрацией. Само собой разумеется, что о потерях, численности и положении с пополнениями каждой войсковой части мы были всегда точно осведомлены. Я уже упоминал о том, что мы собирали всегда после особых происшествий офицеров фронтовиков в главные квартиры. Я сам через каждые несколько дней посещал какой-нибудь из штабов армий, входивших в состав нашей группы, ночь проводил в поезде, а с утра ездил на автомобиле по штабам корпусов и некоторых дивизий. К обсуждению привлекались все офицеры Генштаба дивизии, при чем на ряду с тактическими вопросами выяснялось главным образом состояние части. От показаний требовалась полная правдивость; часто вызывались при этом офицеры с передовых линий. Между старшими офицерами у меня было много знакомых, писавших или приезжавших ко мне с целью осведомить меня о состоянии частей—к концу войны сообщения эти носили большей частью неблагоприятный характер. Мне приходилось отвечать им, что мне, к сожалению, все это уже известно. Командование дивизий упрекало нас даже в том, что мы сознательно губили войска.

К сожалению, все это было обусловлено обстоятельствами. У нас было значительно меньше сил, чем у противника. К глубокому нашему сожалению, мы не могли подобно противнику регулярно снимать на недели и месяцы дивизии с фронта и давать им отдых.

Не подлежит сомнению, что нам приходилось использовать дивизии до крайней степени. Мы достаточно часто наблюдали войсковые части, чтобы знать, в каком состоянии они находились, иногда даже в разгаре большого сражения, когда, наконец, обессиленные, инертные и безучастные вследствие переутомления они выводились из боя. Сердце обливалось у нас кровью, когда на другой же день приходилось иногда такую дивизию сажать на грузовики и вновь бросать в бой, вместо того, чтобы дать ей страстно желанный отдых. Но у нас часто не имелось другого средства, чтобы не допустить прорыва. В таком положении особенно часто мы оказывались летом 1918 г. Войсковые же части истолковывали это как жестокость, нерасчетливость или непонимание.

До тех пор, пока противник не проявлял ни малейшей склонности пойти на приемлемые для нас мирные условия, нам, солдатам, не оставалось ничего другого, как защищаться, если мы не хотели без боя и позорно сдаться. Честная армия должна была до конца исполнить свой долг.

Наша армия преодолела необычайные трудности и проявила поразительное терпение, если вспомнить, что во время войны 1870—71 г.г. усталость от войны стала заметной уже на Луаре. Будущий фельдмаршал, тогда еще капитан, барон фон-дер-Гольц говорит: „За исключением отдельных единиц, обладавших особенной настойчивостью, всем уже надоели бои, даже удачные. Факел военного одушевления стал тускнеть“. Сам принц Фридрих-Карл писал 9 января 1871 г. следующее: „В общем приходится сознаться даже самому себе, что и я начинаю чувствовать усталость от этой войны“. (Фэрстер. „Принц Фридрих-Карл“). Принимая это во внимание, можно поражаться тому, чего достигали наши войска и полководцы в течение $4^1/_2$ лет.

Весьма неприятно отзывалось на войсках то, что некоторые дивизии считались „первоклассными“ или „ударными“ дивизиями пользовались отдыхом, обучались и в 1918 году употреблялись преимущественно для наступления в то время, как „позиционные дивизии“ использовались беспрерывно для позиционной войны. В этом была доля правды, но избежать этого было невозможно. В последние годы мы уже не могли равномерно

снабжать дивизии пополнениями, лошадьми, парками и т. д. в размерах, необходимых для наступления.

Все, что мы узнавали в штабах армий о состоянии войск, доводилось до сведения верховного командования. Ничего не утаивалось и ничего не прикрашивалось. Доклады особенно неблагоприятного характера я пересылал лично ген. Людендорфу; таким образом, он был вполне в курсе дела. Что делалось постоянно им и его штабом для того, чтобы быть осведомленными о состоянии войск, можно найти в его труде „Воспоминания о войне". Он часто посещал штабы групп и отдельных армий, беседовал с командующими и выслушивал доклады от присутствовавших офицеров Генштаба и фронтовиков о действительном положении вещей, но он ничего не мог поделать.

Прекрасная армия Фридриха Великого в течение семилетней войны постоянно портилась. Он писал: „К моему глубокому огорчению, должен вам сознаться, что моя пехота теперь уже не так хороша, как была, но я не имел возможности изменить ее и принужден брать ее такой, как она есть".

То же самое приходилось делать и нам.

8. Исчисление нами сил противника во время войны.

Генеральный Штаб упрекали в том, что его данные о силах противника во время войны являлись преуменьшенными. Мы якобы считали, что после большого наступления 21/III 1918 г. противник начал уже исчерпывать свои главные резервы, и потому составили себе ложное представление о положении вещей. Американцы прибыли-де быстрее и в лучшем состоянии, чем предполагалось высшим германским командованием. Это обстоятельство точно также, как и недостаточная оценка несомненной боеспособности французов и англичан, содействовали нашим неудачам, начавшимся в середине июля 1918 года. (Полк. Иммануэль).

Готхейн в упоминавшейся книге говорит: „во время этой войны военные круги постоянно недооценивали пр-ка, сначала Англию, потом Америку".

Правильная оценка противника, его боеспособности и его резервов составляла фундамент, на котором высшее командование должно было основывать свои решения. Генеральный Штаб был к этому причастен только постольку, поскольку содействовал он подбору соответствующего материала путем добывания, просмотра и оценки степени достоверности поступавших сведений и наблюдений. Оценка же противника в целом

на основании донесений, поступавших от всех армий и принимавшиеся в зависимости от таких данных оперативные решения—были делом высшего командования. Обсуждение этих вопросов выходит за рамки моей задачи.

Разберу лишь кратко вопрос о применении противником главных резервов и о прибытии американцев.

Полк. Иммануэль полагает, что противник свои крупные главные резервы в марте 1918 г. не использовал, а тщательно берег их до 18 июля, когда и повел с помощью их решительное наступление, и что мы допустили „основную ошибку“ и „слишком оптимистически оценивали положение“, считая, что уже в марте пр-к производил свои атаки, взяв для этого свои главные резервы.

Это не соответствует действительности. Подобной, постоянно имевшейся в запасе резервной армии не существовало. Пр-к поступал совершенно так же, как мы, только, вследствие своего значительного численного перевеса, он находился в гораздо более благоприятном положении. Он менял свои дивизии по мере использования их в боях и создавал этим способом новые резервы. После ожесточенных весенних боев 1918 г., во время которых пришлось ввести в бой значительное количество дивизий, находившихся в резерве, пр-к создал себе новые резервы, отведя выведенные из боя дивизии на спокойные фронты, разредив участки таких фронтов, введя американские части и, наконец, две итальянские дивизии.

Таким образом, число французских дивизий, находившихся в резерве, упавшее в средине июня до 8—10, в начале июля, по нашим расчетам, вновь возросло до 30—34.

Поэтому в наступлении 18 июля участвовали такие дивизии, которые большей частью стояли на фронте и раньше.

Мы постоянно были хорошо осведомлены о том, какие дивизии пр-ка находились на фронте и какие в резерве, как благодаря наблюдениям на фронте, так и многочисленным пленным. О состоянии дивизий мы могли иногда и ошибаться и предполагать, что дивизии, принимавшие участие в крупных сражениях, потрепаны больше, чем это было на самом деле.

Прибытие американцев протекало, насколько известно, следующим образом:

Первая американская дивизия прибыла во Францию в июне 1917 г., 5 следующих дивизий прибыли постепенно до начала нашего наступления весной 1918 г. Дальнейшее прибытие американских войск, вследствие настоятельных требований Англии и Франции, пошло более ускоренным темпом.

Начиная с апреля, ежемесячно прибывало в Европу около 6 дивизий. К моменту перемирия во Франции находились 43 американских дивизии, из них 30 действовавших на фронте, 6 не принимавших еще участия в боях и, повидимому, не вполне еще обученных, и 7 запасных дивизий.

Принимая во внимание только действовавшие дивизии, получим следующую таблицу по отдельным периодам:

Конец марта 1918 г.	— 5 дивизий,	— 144.000 человек.
„ мая „	16 „	461.000 „
Средина июля „	23 „	662.000 „
Начало августа „	25 „	720.000 „
„ октября „	30 „	864.000 „

В указанные цифры входят части корпусов, парки и обозы, этапные же и запасные части не включены.

Общую численность американских войск, находившихся во Франции или на пути туда к 11 ноября 1918 г., то-есть к моменту перемирия, включая этапные и запасные части и рабочие дружины, можно считать круглой цифрой в 2 миллиона человек.

По прибытии во Францию, дивизии обучались еще несколько месяцев в ближайшем тылу, а затем им отводились спокойные участки фронта. Но, начиная с лета 1918 г., часто приходилось вводить их в бой через 1—2 мес. по прибытии.

Если даже боевая подготовка американских войск была не совсем достаточна, помощь их имела первостепенное значение, как благодаря численности, так и благодаря тому, что нервы и силы их были совершенно свежими.

Помощь американцев Антанте нами учитывалась в достаточной мере. В конце 1917 г. мы даже считали, что до весны 1918 г. прибудут 15 дивизий, но дальнейшей быстрой выгрузки их мы не предвидели, в этом мы ошибались. Мы не думали, что в распоряжении пр-ка окажется так много соответствующих судов, как это оказалось в действительности, вследствие захвата нейтральных судов и крайнего ограничения ввоза в Англию. Транспортирование шло так быстро еще и потому, что большая часть обоза поставлялась самой Францией и его не приходилось ввозить из Америки (фон-Раух). О прибытии же отдельных дивизий мы были всегда правильно и своевременно осведомлены.

По этому вопросу высказал свое мнение и генерал Людендорф в своих „Воспоминаниях о войне“ и отметил, что громадное значение вступления в войну американцев было учтено при принятии решения вести неограниченную подвод-

ную войну. Если бы таковая оказалась недействительной, то силы противников благодаря прибытию американцев должны были серьезно увеличиться. Но начальник адмиралтейства уверял, что в течение полугода подводная война без всяких ограничений окажет решающее влияние. Морское министерство и в последующее время продолжало считать, что американцы смогут переправлять свои войска только в ограниченных размерах.

Когда флот предоставил высшему командованию в качестве средства выиграть кампанию подводную войну, последнее, конечно, должно было за него схватиться. „Подводные лодки вперед", стоял клич по всей Германии. Можно себе представить, какие упреки навлекло бы на себя высшее командование, если бы оно отказалось от подводной войны. В то время почти все сочувственно относились к ней; теперь же каждый хочет доказать, что он был против.

В конце 1916 г. генерал Людендорф говорил со мной о предполагавшейся подводной войне. С его мнением я согласился вполне. Обширный материал, представленный флотом для доказательства обоснованности ожидавшегося от подводной войны успеха, убедил и меня. Почему ожидания не оправдались, здесь не может быть рассмотрено. Ни высшее командование, ни Генеральный Штаб за это не ответственны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Генеральный Штаб больше не существует. То, что создавалось в течение ста лет—разрушено. Если „вечный мир“ и союз народов окажутся миражами, Генеральный Штаб придется восстанавливать вновь, что будет трудно: традиция теряется и преемственная нить обрывается. Расформируют ли и противники свои Генеральные Штабы, пока еще не видно, так как разоружение их—вопрос отдаленного будущего. Мы же должны пока покориться их воле. Антанта великолепно понимала, почему ей нужно было упразднить именно наш Генеральный Штаб: этим наносится смертельный удар всей армии. Мы же, немцы, не имеем никаких поводов—и это, я надеюсь, доказал в настоящей книге—осуждать наш Генеральный Штаб за что бы то ни было.

Французы гордились своей армией и уважали ее даже после того, как потерпели в 1870—71 г. одно поражение за другим. Мы же собственными руками сломали свой меч, чтобы иметь возможность водрузить красное знамя революции, а старую славную армию осудили как орудие „милитаризма“.

Возможно, что впоследствии и мы вспомним старые часто цитировавшиеся слова ф.-Клаузевица: „несмотря на то, что кровавые сражения являются страшным бичем, без них нельзя обойтись и их нужно ценить, так как иначе явится одна какая-нибудь страна, которая настолько отточит меч, что без труда покорит другие, давшие заржаветь своим“.

К сожалению, вместе с Генеральным Штабом и старой армией погибла великая и благородная идея о всеобщей воинской повинности. Потеря эта невознаградима.

Армия являлась национальной школой, она напоминала каждому о его обязанностях в отношении всего общества, она воспитывала всю нацию в любви к отечеству, верности, при-

учала к порядку, к самоотречению и вырабатывала чувство долга. „Армия реально объединила нас“ (Трейчке).

Теперь больше чем когда-либо немецкому народу нужно было бы такое воспитание, достигнуть которого в крайнем случае можно было бы даже милиционной системой.

Старое офицерство лежит большей частью на полях сражения под землею. Совершенства на свете нет, но лучшего офицерства не имела ни одна армия. Его крепко спаивала верность государю, любовь к отечеству, чувства долга, чести и товарищества. Уволив в отставку более состоятельных офицеров, теперешнее правительство надеялось создать до 1-го января 1920 г. пролетарское офицерство, „возможность существования для которого зависела бы вполне от безопасности страны и от прочности данного правительства“. В этих выражениях высказал свой взгляд министр обороны.

Каждый государственный аппарат должен обладать авторитетом и властью, чтобы иметь вес как внутри страны, так и вне ее. С жуткой очевидностью выступает перед нами эта необходимость с каждым днем все больше и больше. Свобода при отсутствии порядка становится разнузданностью. Во внешних сношениях без вооруженной силы немыслимы никакие действия государства, без нее оно не может вообще существовать. Так уже устроен свет. Вражда народов и государств является в порядке вещей. Каждая общественная организация должна уметь защищать самое себя и всех тех, кто к ней принадлежит (Ранке). Дух, выразившийся в условиях Версальского мира, не является духом примирения народов и интернационального братства, о котором говорит Лига Наций и о котором грезят люди, желающе пойти с распростертыми объятиями навстречу к полным ненависти нашим противникам. Вечного мира он не утвердит. „Милитаризм“, приписывавшийся нам, сломлен, но тем сильнее выступает наружу милитаризм противника. Факты выясняют все очевиднее, к чему Антанта стремится: Германия должна быть расчленена и обречена на продолжительное бессилие. Где тот интернациональный социализм, который мог бы этому помешать? Где союз народов, который защитил бы нас? Только мужественному, способному к самозащите народу может удаться утвердить свои права на существование. „Бог, создавший железо, не хотел, чтобы существовали рабы“.

Времена изменятся. Пусть же воспоминание о том, чего мы достигали во время мировой войны, укрепит нас в вере в будущность Германии.

Пожелаем, чтобы и в будущем народилось сильное поколение, которое вновь восстановило бы честь Германии и вновь вложило бы реальный вес в слова о прославленной повсюду в доброе старое время „германской верности“, которую воспевал Гофман фон-Фаллерслебен.

„Мы не нарушим наших клятв, подобно ветреной молодости, но будем неустанно проповедывать о священной Германской империи“ (ф.-Шенкендорф).

Приложение к главе: Франция— „Стратегический план и оперативные намерения“ (стр. 34—61).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение 3

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Подготовка к войне

1. Оценка противников и союзников. Общий обзор 7

I. Франция.

Усиление средств обороны, вооруженные силы мирного и военного времени 10
Обучение и тактика 23
Отдельные роды оружия 26
Общий вывод 31
Стратегический план и оперативные намерения 34
Возражения против суждений Генерального Штаба . . . 61

II. Россия.

Усиление средств обороны, вооруженные силы мирного и военного времени 62
Обучение 66
Мобилизация и боевая готовность 67
Общий вывод 70
Франко-русское соглашение . . . . . —
Стратегический план и оперативные намерения 76
Возражения против суждений Генерального Штаба . . 84

III. Англия.

Армия мирного времени 86
Достижения во время войны 87

Стр.

IV. Австро-Венгрия.

2. Военное положение Германии до войны 101
3. Позиция Генерального Штаба в мировой войне. Генеральный Штаб не вовлекал в войну 109
Перспективы войны 125
Граф фон-Шлиффен 128
Генерал фон-Мольтке 143
4. Германское развертывание и оперативный план. Общий обзор 145
Фельдмаршал граф фон-Мольтке 149
Изменения в плане стратегического развертывания . . 155
Граф фон-Шлиффен 158
Генерал фон-Мольтке 171
Положение в 1914 г. до войны 178

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Генеральный Штаб в мировой войне.

1. Задачи Генерального Штаба 187
2. Взаимоотношения между Генеральным Штабом, главным и армейским командованием 189
3. Деятельность и жизнь в штабах 194
4. Генеральный Штаб 1-й армии в период операции в августе и сентябре 1914 года 200
5. Подготовка Генеральным Штабом отхода на Зигфридскую позицию в 1917 году 203
6. Деятельность Генерального Штаба при отводе войск в 1918 году 207
7. Генеральный Штаб и войска 215
8. Исчисление нами сил противника во время войны . . . 218
Заключение 222

Высший Военный
Редакционный Совет

МОСКВА—1922